

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2025. №1
Том 8

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издаётся в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева

Главный редактор журнала

С. Г. Максимова, доктор социологических наук,
профессор кафедры социальной и молодежной политики,
директор Азиатского экспертурно-аналитического центра
Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2024. №1
Vol. 8

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology),
Professor of the Department of Social and Youth Policy,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А. Вакру**, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)
- С. Бакли**, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточноевропейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)
- А. М. Есдаулетова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- Н. О. Байгабылов**, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- О. В. Калдыбаева**, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- И. Н. Молодикова**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)
- Т. З. Козлова**, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)
- Т. Н. Юдина**, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
- А. Ю. Мятков**, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)
- В. В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)
- Т. М. Дадаева**, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)
- О. Т. Лойко**, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)
- С. П. Парамонова**, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)
- Г. В. Жигунова**, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)
- Л. А. Осьмук**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
- В. П. Шалаев**, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)
- Е. А. Попов**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- О. Л. Сытых**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- М. И. Черепанова**, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В. А. Должиков**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В. С. Бойко**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

Alexandra Vacroux, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

Cynthia Buckley, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

Ardak M. Esdauletova, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Nurlan O. Baigabylov, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Olga V. Kaldybaeva, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Irina N. Molodikova, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatiana Z. Kozlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatiana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Alexander Yu. Myagkov, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

Vera V. Orlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Tatiana M. Dadaeva, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Olga T. Loiko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Svetlana P. Paramonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

Galina V. Zhigunova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

Ludmila A. Osmuk, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Vladimir P. Shalaev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

Evgeniy A. Popov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Olga L. Sythyk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Maryia I. Cherepanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vyacheslav A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vladimir S. Boiko, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. С. Имомзода президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

Е. Б. Сыдыков ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

М. М. Абишева кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С. В. Землюков президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

С. Н. Бочаров ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

Р. И. Райкин проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

С. И. Межков доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Phylosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhov Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (Iiemis) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

- Образовательная миграция в российских вузах:
последние тренды и вызовы 13
Прошина Н.С., Максимова С.Г.

- Роль медиа в сохранении исторической памяти на примере
семейных ценностей 29
Ковалева А.В., Краснобаева Н.Л., Джунушалиева Г.Д.

- Демографические аспекты устойчивого развития
регионов степной зоны России 42
Руднева О.С., Соколов А.А.

- Образовательно-карьерные траектории в современных
условиях: социологический анализ 55
Новикова В.С., Максимова С.Г.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

- Деятельность некоммерческих организаций по решению
социальных проблем жителей Заонежья: результаты
разведывательного исследования 71
Петровская Ю.А., Федосеева О.В.

- Трансформация правового регулирования статуса инвалидов 86
Соловьева С.В.

- Экспертная оценка современных проблем формирования
инклюзивной образовательной среды
(результаты социологического исследования) 102
Гимаев И.З.

- Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность 116
Гостенина В.И., Епремян Т.В., Шилина С.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Качество условий оказания услуг в учреждениях социального обслуживания как фактор обеспечения социального благополучия населения региона (по результатам исследований в период 2018–2024 гг. в домах-интернатах общего типа Алтайского края) 131
Анисимов К.Г., Анисимова Е.А., Калинина Ю.А., Лапшина А.Д., Сиротина Т.В.

- Социальный портрет студента сквозь призму особенностей профессионального самоопределения 151
Корзина А.А.

ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

- Разделение родительского труда в китайских семьях: методические подходы к социологическому изучению 171
Вэньюэ Чжэнъ

- Виртуальная активность религиозных сообществ Республики Алтай в социальной сети «ВКонтакте» в условиях трансформации религиозности 180
Малявко С.А., Максимова С.Г.

- Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью 195
Чистопашин Я.А., Черепанова М.И.

CONTENTS

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Educational Migration in Russian Universities: Recent Trends and Challenges	13
<i>Proshina N.S., Maximova S.G.</i>	
The Role of Media in Preserving Historical Memory on the Example of Family Values	29
<i>Kovaleva A.V., Krasnobayeva N.L., Dzhunushalieva G.D.</i>	

Demographic Aspects of Sustainable Development of the Regions of the Steppe Zone of Russia	42
<i>Rudneva O.S., Sokolov A.A.</i>	

Educational and Career Trajectories in Modern Conditions: Sociological Analysis.....	55
<i>Novikova V.S., Maximova S.G.</i>	

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

The Activity of Non-Profit Organizations in Solving the Social Problems of Zaonezhye Residents: the Results of an Intelligence Study	71
<i>Petrovskaya Y.A., Fedoseeva O.V.</i>	

Transformation of the Legal Regulation of the Status of Persons with Disabilities.....	86
<i>Solov'yeva S.V.</i>	

Expert Assessment of Contemporary Problems of Inclusive Educational Environment Formation (Results of a Sociological Research)	102
<i>Gimaev I.Z.</i>	

Employment of People With Disabilities: Social Expectations and Reality	116
<i>Gostenina V.I., Yeremyan T.V., Shilina S.A.</i>	

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL STUDIES AND SECURITY

- Quality of Service Conditions in Social Service Institutions as a Factor in Ensuring Social Well-Being of the Population in the Region (Based on Research Results from 2018–2024 in General-Type Nursing Homes in the Altai Territory).....131**

Anisimov K.G., Anisimova E.A., Kalinina Y.A., Lapshina A.D., Sirotina T.V.

- Social Portrait of a Student through the Prism of the Features of Professional Self-Determination151**

Korzina A.A.

FIRST RESEARCH EXPERIENCE

- Division of Parental Labor in Chinese Families: Methodological Approaches to Sociological Study.....171**

Wenyue Zhen

- Virtual Activities of Religious Communities of the Altai Republic in the Social Network “VKontakte” in the Conditions of the Transformation of Religiosity.....180**

Malyavko S.A., Maximova S.G.

- Delayed Marriage and Family Expectations Among Young People: Between Career and Personal Life195**

Chistopashin Y.A., Cherepanova M.I.

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК: 325.1

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-01

Образовательная миграция в российских вузах: последние тренды и вызовы

Нина Сергеевна Прошина¹

Светлана Геннадьевна Максимова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, proshina@mail.asu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8520-8887>

²РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Аннотация. В современных условиях глобализации образовательная миграция становится одним из ключевых факторов развития системы высшего образования. Статистические данные за последние годы указывают на рост числа иностранных студентов, обучающихся в вузах России. Это свидетельствует о возрастающей привлекательности российского образования для международных абитуриентов. В статье на основе данных ежегодного отчета Министерства образования и науки Российской Федерации по форме ВПО-1 за 2024 г. рассматривается современное состояние процессов образовательной миграции. Статистика приема позволяет выделить соответствующие актуальным изменениям сферы образования тренды в миграционных потоках молодежи, которая встает перед выбором образовательной стратегии. В результате анализа данных выделены приоритетные направления подготовки, которые иногородние и иностранные абитуриенты выбирают для поступления чаще остальных, а также причины, по которым происходит данный выбор.

Ключевые слова: образовательная миграция, иностранные студенты, высшее образование, российские вузы, региональная миграция, внутренняя миграция

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта «Управление, основанное на данных: большие данные в анализе образовательной миграции молодежи на основе цифровых следов» Зеркальной лаборатории АлтГУ и НИУ ВШЭ (соглашение о научном сотрудничестве № 6.13.1 - 02/040724-1 от 04.07.2024).

Для цитирования: Прошина Н. С., Максимова С. Г. Образовательная миграция в российских вузах: последние тренды и вызовы // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 13–28. doi: 10.14258/ssi(2025)1-01.

Educational Migration in Russian Universities: Recent Trends and Challenges

Nina S. Proshina¹

Svetlana G. Maximova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, proshina@mail.asu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8520-8887>

²ROSBIOTECH, Moscow, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Abstract. In the modern conditions of globalization, educational migration is becoming one of the key factors in the development of the higher education system. Statistical data for the recent years indicate an increase in the number of foreign students studying at Russian universities. This indicates the increasing attractiveness of Russian education for international applicants. The article considers the current state of educational migration processes on the basis of the annual report of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form VPO-1 for 2024. The admission statistics allows us to identify trends in the migration flows of young people, who are faced with the choice of educational strategy, corresponding to the current changes in the sphere of education. As a result of the data analysis, the priority areas of training, which are chosen by nonresident and foreign applicants as admission more often than others, as well as the reasons for this choice are highlighted.

Keywords: educational migration, foreign students, higher education, Russian universities, regional migration, internal migration

Financial Support: the publication was prepared within the framework of the project “Data-driven management: big data in the analysis of educational migration of young people based on digital footprints” of the Mirror Laboratory of AltSU and National Research University Higher School of Economics (agreement on scientific cooperation No. 6.13.1 - 02/040724-1 dated 04.07.2024).

For citation: Proshina, N. S., Maximova, S. G. (2025). *Society and Security Insights*, 8(1), 13–28. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-01.

Введение

Образовательная миграция, или миграция с целью получения образования за рубежом, действительно занимает значительную долю в современных между-

народных миграционных потоках. Особую значимость образовательной миграции придает уникальное сочетание разнообразных выгод, которые выходят далеко за пределы академических или научных перспектив. Этот процесс не только способствует профессиональному развитию, но и порождает масштабные экономические, социальные и политические последствия как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов. Ключевыми факторами, определяющими выбор будущих студентов, являются:

- 1) получение качественного образования;
- 2) расширение будущих карьерных возможностей;
- 3) изучение культурного разнообразия и обмен опытом;
- 4) стремление к странам, демонстрирующим высокий уровень финансовой стабильности и надежности.

В работах современных ученых можно встретить многогранное изучение теоретических вопросов определения образовательной миграции (Леденева, 2014; Корепина, 2018; Митин, 2010), юридической трактовки данного понятия (Шитова, 2019, 2020). Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., образовательная миграция — перемещение лиц с целью продолжения или получения образования¹. Следовательно, мигрантами могут выступать лица, получающие образование по школьным программам, поступающие в высшие учебные заведения, получающие дополнительное образование в какой-либо сфере, а также те, кто повышает свою квалификацию. Однако особой категорией образовательных мигрантов можно назвать именно студентов, нынешних и будущих, так как их количество значительно превышает численность иных категорий мигрантов в сфере образования.

Согласно Единому плану по достижению национальных целей развития до 2030 г.² численность иностранных обучающихся должна увеличиться до 410 тыс. чел. к 2025 г., в перспективе до 2030 г. — до 500 тыс. чел. Это свидетельствует о заинтересованности государства в привлечении в страну иностранных граждан именно через институциональные механизмы образования.

Нельзя оставлять без внимания и миграцию студенческого контингента между регионами России — довольно часто совершают перемещения с целью получения образования молодые люди, поступающие в вузы других регионов. Основными причинами внутренней образовательной миграции являются неоднородность качества предоставляемых услуг в сфере образования, экономическая и социокультурная привлекательность региона-реципиента, а также индивидуальные мотивы абитуриентов (Курбатова, 2022). Можно заметить, что одной из основных и острых проблем межрегиональной миграции является ее некомпенсируемость. Она выражается в большинстве случаев негативными процессами:

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/

² Михаил Мишустин утвердил единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://government.ru/news/53927/>

снижением уровня экономического и социального развития регионов, понижением качества образования, угрозой развитию коренного этноса (для регионов с культурными особенностями) (Ислакаева, 2016). И международная, и межрегиональная образовательная миграция — процессы, заслуживающие внимания исследователей. Более того, если рассматривать оба вида комплексно, то есть вероятность выделить новые векторы развития, отследить современные тренды и проблемы как регионов и стран, так и самих абитуриентов. Изучение проблематики межрегиональной миграции в России, в равной степени как и международной, не остается без внимания исследователей миграционных процессов. Так, в исследованиях ученых встречаются работы, посвященные определению тенденций межрегиональных миграций (Ульмясбаева, 2020; Доджиков, 2024; Тошпулотов, 2024), ее гендерных и пространственных аспектов (Безвербный, 2024; Микрюков, 2023). Изучение международных образовательных миграций с участием России можно встретить в исследованиях следующих авторов: Н. К. Габдрахманов (2019, 2022), В.А. Волох (2017), В. А. Суворова (2019), Е. С. Дорожинская (2015), А. А. Вартанян (2016). Большинство работ посвящено изучению феномена международной образовательной миграции, путем ее развития и статистическим исследованиям.

За последние годы количество публикаций, посвященных изучению образовательной миграции, значительно увеличилось: по статистике научной электронной библиотеки eLIBRARY за последнее десятилетие опубликовано более 70 тыс. научных статей в журналах, материалов конференций, книг, наборов данных, диссертаций, патентов и грантов. При этом значительный рост количества публикаций отмечается в период с 2018 г., что связано с усилением конкуренции между странами за привлечение студентов, а также с изменением глобальных трендов в сфере образования.

Среди многообразия исследований можно выделить ключевые направления:

1) анализ причин и факторов образовательной и учебной миграции: чаще всего в публикациях встречается изучение качества образования, финансовых возможностей, языкового барьера, политических и социокультурных особенностей как принимающей, так и направляющей стран в рамках образовательных миграций;

2) адаптация и интеграция иностранных студентов: исследования выявляют основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты (языковой барьер, культурные различия, психологический дискомфорт);

3) экономические и социальные особенности образовательной миграции: миграционные процессы в сфере образования рассматриваются как факторы экономического развития и изменений социальных процессов (укрепление межкультурного диалога, формирование сетей сотрудничества между государствами и т.д.);

4) цифровизация и ее влияние на образовательную миграцию: направление, заслуживающее отдельного внимания как прогрессирующее в последнее пятилетие среди исследований ученых, данные работы фокусируются на роли цифро-

вых технологий в образовании и их влиянии на трансформацию миграционных процессов.

С географической точки зрения образовательная миграция исследуется чаще всего в западных странах (развитые страны, такие, как США, Великобритания Канада), в странах евразийского пространства — основной вектор изучения среди российских исследователей, а также в развивающихся странах (Африка, Юго-Восточная Азия) — регионах, которые стремятся улучшить собственные образовательные системы за счет привлечения иностранных студентов и установления партнерских отношений со странами-донорами.

Целью исследования, представленного в данной статье, является выявление современных проблем и трендов образовательной миграции в России. Проследить тенденцию привлекательности регионов, выделить существующие риски и возможные пути развития можно при обращении к статистическим данным, которые отображают картину движения абитуриентов в разрезе выбора «школа — вуз». В работе рассматривается статистическая информация по данным отчета ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Анализировались данные об общем количестве зачисленных на программы высшего образования по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки. Из полученных данных выявлялась статистика зачисленных с дипломом о высшем образовании, полученным в другом регионе России, а также лиц, которые получили предыдущее образование за рубежом. Помимо этого, рассматривалась статистика зачисленных по странам: поступившие из-за рубежа, в рамках контрольных цифр приема и квоты Министерства образования и науки РФ.

Статистика приема в вузы России: итоги 2024 г.

Изучение статистики приема в вузы представляет собой ключевой инструмент для анализа тенденций образовательной миграции, так как позволяет выявить мотивацию выбора студентов и определить привлекательность конкретных направлений подготовки. Данные о количестве и профилях иностранных абитуриентов, их региональном происхождении и предпочтениях в выборе специальностей раскрывают уникальную картину глобальных и локальных движений человеческого капитала. Более того, анализ статистических трендов помогает выявить факторы, которые либо способствуют, либо препятствуют мобильности студентов, что, в свою очередь, открывает возможности для совершенствования механизмов поддержки и адаптации образовательных мигрантов.

В России насчитывается более 700 организаций, которые принимают студентов на программы обучения высшего образования (табл. 1). Данные ранжированы по видам министерств, которым подчинены те или иные вузы, а также по виду организации — государственные и частные. Соотношение этих видов вузов в России неоднородно: государственных больше в два раза.

Таблица 1.

Table 1.

Статистика организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура)

Statistics of organizations carrying out educational activities under educational programs of higher education (bachelor's, specialist, master's degree)

Всего	Кол-во организаций
	739
Государственные	497
В ведении федеральных органов исполнительной власти — всего	459
Верховный суд Российской Федерации	1
Министерство здравоохранения Российской Федерации	47
Министерство иностранных дел Российской Федерации	2
Министерство культуры Российской Федерации (Российская академия художеств)	48
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации	232
Министерство просвещения Российской Федерации	33
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации	43
Министерство спорта Российской Федерации	14
Министерство транспорта Российской Федерации	1
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации	4
Министерство экономического развития Российской Федерации	1
Министерство юстиции Российской Федерации	1
Правительство Российской Федерации	8
Федеральная служба по интеллектуальной собственности	2
Федеральная таможенная служба	1
Федеральное агентство воздушного транспорта	3
Федеральное агентство железнодорожного транспорта	8
Федеральное агентство морского и речного транспорта	5
Федеральное агентство по рыболовству	5
В ведении субъектов РФ и муниципалитетов — всего	38
Частные организации	242

По данным отчета ВПО-1 в 2024 г. на первый курс было зачислено 1 298 067 чел. (из них на бюджет — 56 6136 чел.). Основным центром притяжения абитуриентов является Центральный федеральный округ, куда было зачислено 482 313 чел. — более 37% от общего числа поступивших. Вторым по числу поступивших является Приволжский федеральный округ, вузы которого приняли на обучение чуть менее 18% от общего числа абитуриентов. Замыкает тройку лидеров Северо-западный федеральный округ, принявший в свои вузы около 10% абитуриентов (рис. 1). Это обусловливается тем, что столичные регионы являются привлекательными с экономической, социально-культурной точки зрения, имеют выгодное транспортное и геополитическое положение. Также эти три округа характеризуются превалирующим количеством учреждений высшего образования: по данным 2024 г.³ в Центральном федеральном округе имеется более 200 вузов, в Приволжском — более 100 вузов, в Северо-Западном — около 70 вузов.

Наименьшее число зачисленных представляют Дальневосточный (менее 4%) и Северо-Кавказский (менее 5%) федеральные округа (рис. 1). В первую очередь это обусловлено наименьшим числом вузов — около 30 в каждом округе, а также удаленным географическим положением от основных научных центров.

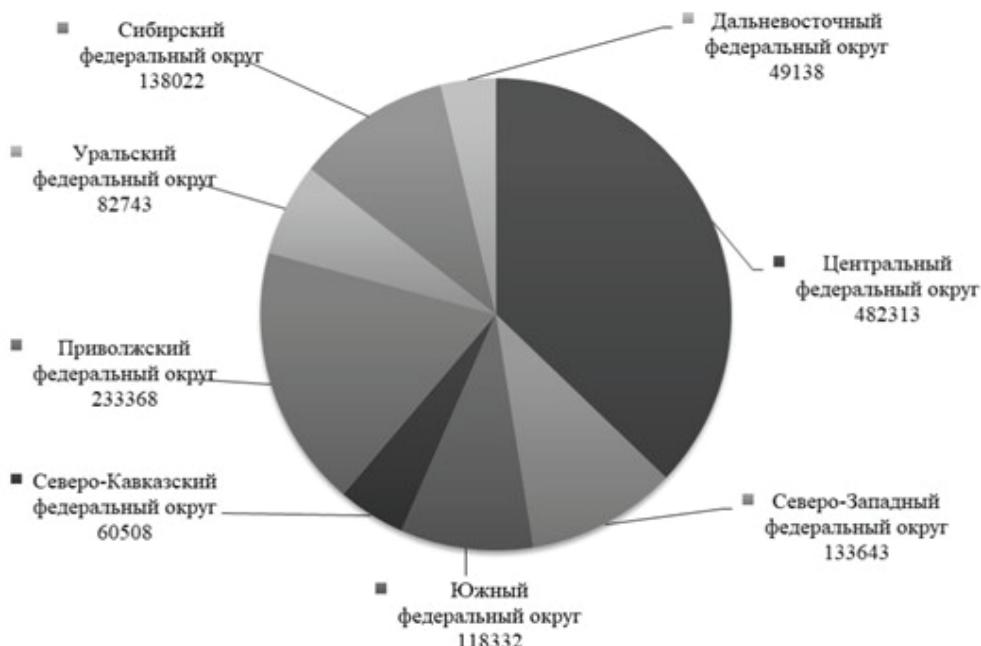

Рисунок 1 — Общее число поступивших на программы высшего образования в 2024 г., чел.

Figure 1 — Total enrollment in higher education programs in 2024, persons.

³ Статистика вузов России: основные показатели. URL: <https://sky.pro/wiki/profession/statistika-vuzov-rossii-osnovnye-pokazateli/>

Достаточно важной составляющей при оценке миграционного потока можно назвать выбор абитуриентами той или иной специальности. Целевой группой при изучении были выбраны поступающие на основании диплома об образовании, выданного иностранной организацией, и поступающие с дипломом, полученным в другом регионе России. Эти категории можно отнести к группам образовательных мигрантов из зарубежных стран и к межрегиональным мигрантам соответственно. Оценивается количество зачисленных с иностранным дипломом и дипломом другого города относительно общего числа поступивших по укрупненной группе научных специальностей.

В статье рассмотрены две категории образовательных мигрантов, зачисленных в 2024 г.: поступающие на основании иностранного документа об образовании (рис. 2) и поступающие на основании иногороднего документа об образовании (рис. 3). Подробно ознакомиться с направлениями подготовки, входящими в состав укрупненных групп научных специальностей, можно в документе «Перечень направлений подготовки высшего образования — бакалавриата (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 (в ред. Приказа Министерства образования и науки РФ от 25.03.2015 № 270)»⁴.

Наибольшее число зачисленных на бюджет из категории поступивших с иностранным документом об образовании можно увидеть по следующим группам:

- 1) 05.00.00 — Науки о Земле;
- 2) 16.00.00 — Физико-технические науки и технологии;
- 3) 03.00.00 — Физика и астрономия;
- 4) 28.00.00 — Нанотехнологии и наноматериалы;
- 5) 06.00.00 — Биологические науки.

Платное образование лица с иностранным документом об образовании выбирают чаще всего по следующим группам специальностей:

- 1) 33.00.00 — Фармация;
- 2) 28.00.00 — Нанотехнологии и наноматериалы;
- 3) 31.00.00 — Клиническая медицина;
- 4) 34.00.00 — Сестринское дело;
- 5) 05.00.00 — Науки о Земле.

Чаще всего на бюджет иностранные граждане поступают на технические и научноемкие направления подготовки, а платно — на направления, связанные с медициной. Однако есть несколько совпадений: на направления группы 05.00.00 и 28.00.00 одинаково часто поступают как на бюджет, так и на платную форму обучения. Вероятнее всего, сложившаяся ситуация характеризуется тем, что в странах-реципиентах существует недостаточное количество учебных заведений, которые реализовывали бы программы по данным направлениям подготовки. К тому же обозначенные группы специальностей получают достаточно много мест для поступающих в рамках контрольных цифр приема, следовательно, складывается более низкий конкурс, соответственно поступить на данные на-

⁴ Перечень направлений подготовки высшего образования — бакалавриата. URL: <https://base.garant.ru/70480868/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

правления подготовки легче, чем на направления гуманитарного блока. Доказательством данной теории может послужить ситуация на графике — зачисленных по теоретическим группам специальностей наименьшее количество как по бюджетному, так и по платному набору.

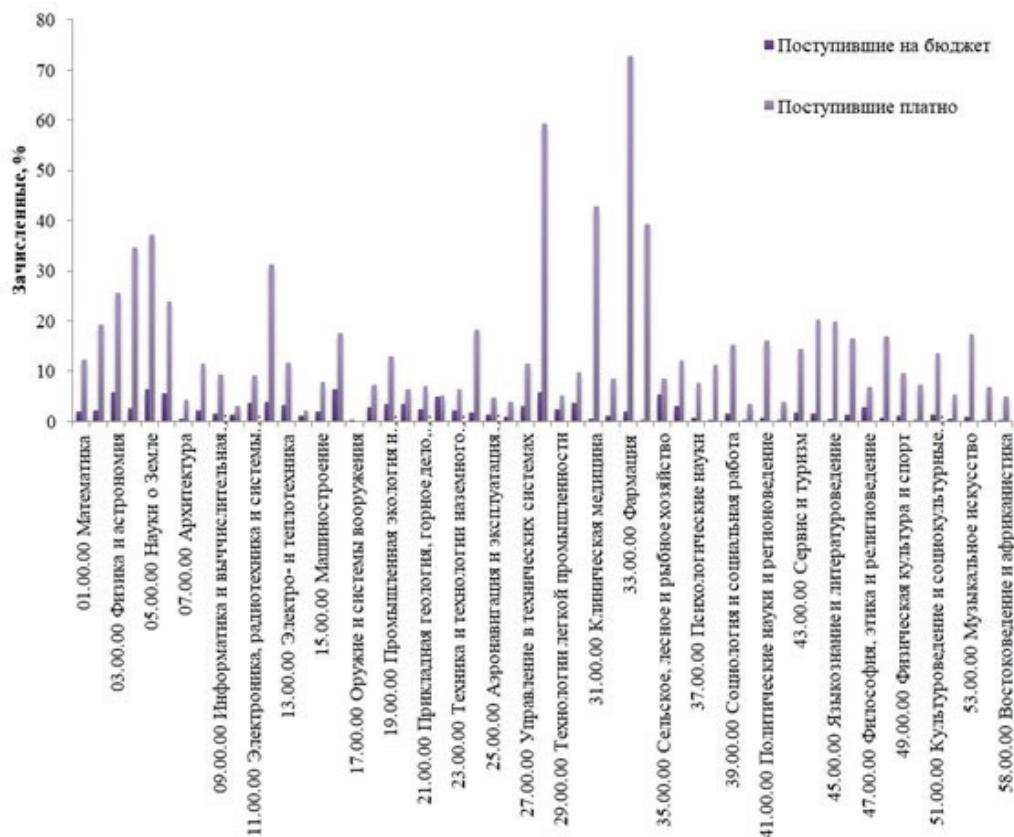

Рисунок 2 — Соотношение зачисленных на бюджет и платно по укрупненным группам специальностей поступающих с дипломом иностранного государства (относительно общего числа зачисленных), %.

Figure 2 — Ratio of budget and fee-paying enrollees enrolled in budget and fee-paying specialty groups of enrollees with a diploma of a foreign country (relative to the total number of enrollees), %.

Всего принято иностранных граждан на 1-й курс в 2024 г.: 68 857 чел. из 176 стран (из них на бюджет — 13 162 чел.). Оценка стран-лидеров по бюджетному и платному приему в российские вузы позволяет выявить ключевые особенности образовательной миграции из различных стран (табл. 2).

Лидером по количеству студентов, обучающихся на бюджетной основе, является Казахстан (4309 чел.), что свидетельствует о высокой привлекательности российского образования для казахстанских абитуриентов благодаря тесным экономиче-

ским и культурным связям между странами. Второе место занимает Таджикистан (3105 студентов), что может быть связано с программами грантовой поддержки, направленными на укрепление отношений между государствами. За ними следуют Туркменистан (2539), Узбекистан (1636) и Киргизия (860). Замыкают список Беларусь (207), Азербайджан (142), Южная Осетия (78), Абхазия (35) и Украина (32).

Наибольшее число студентов, выбирающих платное обучение, мигрирует из Туркменистана (18 578 чел.), что указывает на высокую платежеспособность данной категории абитуриентов. Второе место занимает Китай (10 316 студентов), демонстрируя возрастающий интерес к российскому образованию со стороны азиатских стран. Казахстан (7514) находится в тройке лидеров как по платному набору, так и по бюджетному, что может свидетельствовать о достаточно высоком спросе абитуриентов этой страны на получение российского высшего образования. Далее следуют Узбекистан (6265), Беларусь (2293), Таджикистан (2161), Азербайджан (1820), Киргизия (1195), Египет (704) и Камерун (508).

Страны Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия) доминируют как в бюджетном наборе, так и в платном, что подчеркивает важность данного региона для российской образовательной миграции.

Примечательно, что Туркменистан занимает первое место по числу платных студентов, но лишь третье — по бюджетным, что может говорить о различной мотивации абитуриентов из этой страны.

Наличие среди лидеров по платному обучению таких стран, как Египет и Камерун, показывает на растущую международную узнаваемость российского образования.

Таким образом, данные демонстрируют разнообразие образовательных предпочтений и финансовых возможностей иностранных студентов, а также подчеркивают значимость различных географических регионов в контексте образовательной миграции.

Таблица 2.

Table 2.

Топ-10 стран с наибольшим количеством поступивших в вузы России в 2024 г., чел.

Top 10 countries with the largest number of persons enrolled in Russian universities

Бюджет	Платно
Казахстан (4309)	Туркменистан (18 578)
Таджикистан (3105)	Китай (10 316)
Туркменистан (2539)	Казахстан (7514)
Узбекистан (1636)	Узбекистан (6265)
Киргизия (860)	Беларусь (2293)

Беларусь (207)	Таджикистан (2161)
Азербайджан (142)	Азербайджан (1820)
Южная Осетия (78)	Киргизия (1195)
Абхазия (35)	Египет (704)
Украина (32)	Камерун (508)

Ситуация с зачисленными на основании иногороднего документа об образовании имеет достаточно четкие различия с данными о зачисленных с иностранным документом об образовании (рис. 3).

Наибольшее число поступивших на бюджет показано по следующим группам:

- 1) 14.00.00 — Ядерная энергетика и технологии;
- 2) 28.00.00 — Нанотехнологии и наноматериалы;
- 3) 17.00.00 — Оружие и системы вооружения;
- 4) 25.00.00 — Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники;
- 5) 16.00.00 — Физико-технические науки и технологии.

Среди зачисленных платно выделяются следующие максимальные значения:

- 1) 25.00.00 — Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники;
- 2) 14.00.00 — Ядерная энергетика и технологии;
- 3) 37.00.00 — Психологические науки;
- 4) 50.00.00 — Искусствознание;
- 5) 20.00.00 — Техносферная безопасность и природообустройство.

На основании полученных данных заметно, что чаще всего абитуриенты выбирают поступление на направления подготовки технической группы специальностей. Как и в ситуации с иностранными поступающими, можно проследить закономерность: наибольшее число иногородних абитуриентов выбирают те направления подготовки, где предоставляется наибольшее количество бюджетных мест.

С платными направлениями ситуация немного иная. Впервые в топ-5 появляются гуманитарные специальности: психологические науки и искусствознание. Однако технические специальности также остаются востребованными среди абитуриентов. Вероятнее всего, это обусловлено территориальными особенностями распределения вузов по стране. К примеру, по направлениям подготовки укрупненной группы специальностей 25.00.00 можно обучаться лишь в 21 вузе по всей территории России. Также специфика образования достаточно узкопрофильная, что привлекает иногородних и иностранных обучающихся.

Реже всего поступают на бюджет на направления группы 40.00.00 Юриспруденция, 38.00.00 Экономика и управление, 42.00.00 Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело. Вероятнее всего, это происходит за счет малого количества выделенных контрольных цифр приема. Платно наиме-

нее востребованы среди зачисленных в 2024 г. группы 34.00.00 Сестринское дело, 33.00.00 Фармация и 15.00.00 Машиностроение. По данным группам, напротив, выделяется достаточно большое количество бюджетных мест, что оказывает негативное влияние на конкурсный отбор платного набора.

Кроме того, практически во всех случаях платный набор превалирует над бюджетным. Исключение составляет набор по УГСН 03.00.00 Физика и астрономия, 04.00.00 Химия, 05.00.00 Науки о Земле, 12.00.00 Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии, 17.00.00 Оружие и системы вооружения, 24.00.00 Авиационная и ракетно-космическая техника, а также три направления 30-й группы, связанные с медициной.

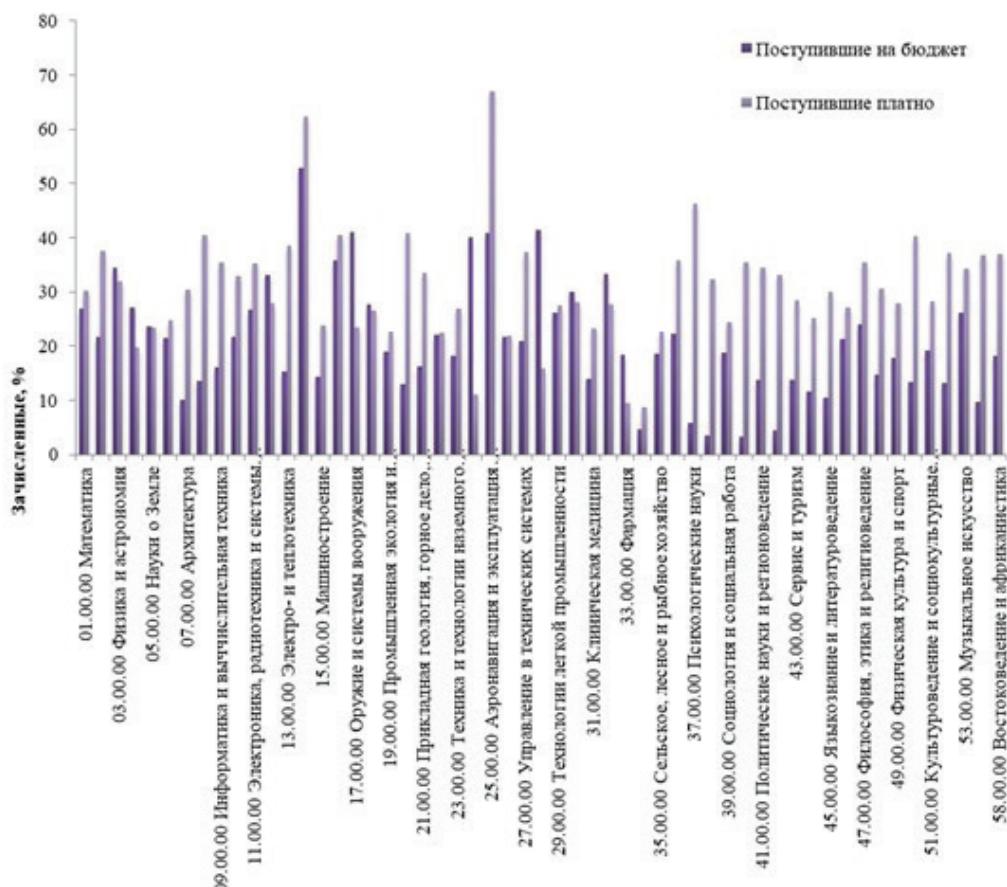

Рисунок 3 — Соотношение зачисленных на бюджет и платно по укрупненным группам специальностей поступающих с дипломом другого региона (относительно общего числа зачисленных), %.

Figure 3 — Ratio of budget and fee-paying enrollments by major groups of specialties of enrollees with a diploma from another region (relative to the total number of enrollees), %.

Заключение

В последние годы наблюдается значительный рост числа иностранных и иногородних студентов, которые являются одной из основных составных частей образовательной миграции в России. Этот тренд подтверждает возрастающую привлекательность российской образовательной системы как одного из ключевых центров международной образовательной миграции.

Лидирующими странами-донорами для миграции в Россию выступают страны Центральной Азии и ближнего зарубежья, при этом отмечается медленный, но положительный рост интереса к образованию в России у африканских и южноазиатских стран. Следовательно, география образовательной миграции расширяется.

При анализе данных о зачислении лиц с документом об образовании иностранных государств и иногородними документами заметно, что большинство встречающихся направлений и в платном, и в бюджетном наборе соответствуют приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики⁵. Существуют различные меры поддержки, которые вузы предлагают абитуриентам, выбирающим поступление именно на технологические направления и специальности. К примеру, повышенные стипендии, программы стажировок на ведущих предприятиях-партнерах и т.д. На приоритетные направления выделяется самое большое количество бюджетных мест повсеместно в каждом из регионов, где эти направления реализуются.

Помимо приоритетных специальностей, так же часто образовательными мигрантами выбираются к поступлению направления подготовки, связанные с медициной, науками о Земле (к примеру, география, экология и природопользование, землеустройство и кадастры и пр.), психология и искусствоведение.

Образовательная миграция — многоаспектный и сложный феномен, оказывающий значительное влияние на развитие системы образования в России. Дальнейшие изменения данного вида миграции зависят от качества образовательных программ, высокой заинтересованности принимающих вузов в помощи иностранным и иногородним студентам в адаптации к новому для себя социальному микроклимату. Будущее образовательной миграции напрямую зависит также от способности системы высшего образования адаптироваться к меняющимся условиям и глобальным трендам (к примеру, цифровизации образования).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Ситковский А. М. Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 226–239. doi: 10.25178/nit.2024.3.13

⁵ О Перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики: Распоряжение Правительства РФ от 06.01.2015 № 7-р (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70842752/>

Вартанян А. А. Международная образовательная миграция: региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 113–121. doi: 10.20542/0131-2227-2016-60-2-113-121

Волох В. А., Гришаева С. А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 1. С. 80–87. doi: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87

Габдрахманов Н. К., Каракурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116.

Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. № 5. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 48 с.

Дождиков А. В. Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 119–137. doi: 10.19181/demis.2024.4.3.8

Дорожинская Е.С. Международная образовательная миграция: мотивы поступления в российские вузы // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 156–161.

Ислакаева Г.Р. Образовательная межрегиональная миграция: причины и социально-экономические следствия // Уровень жизни населения регионов России. 2016. Т. 12, № 3. С. 77–88.

Корепина Т. А. Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. 2018. №3. С. 65–77.

Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А., Леухова М. Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. 2022. № 31. С. 91–112.

Леденева В.Ю. Международная образовательная миграция в России: потенциал и перспективы // Социология образования. 2014. № 3. С. 68–78.

Микрюков Н. Ю. Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 65–84. doi: 10.19181/nko.2023.29.4.6

Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. №3. С. 123–134.

Суворова В. А., Бронников И. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 7. С. 131–139.

Тошпулотов А. А., Сурина Е. А., Матвеева И. В., Марикян Е. А. Образовательная миграция и ее причины: теоретический анализ // Теоретическая экономика. 2024. № 10. С. 85–93.

Ульмясбаева А.О. Современные тенденции межрегиональной образовательной миграции российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2020. №12 (154). С. 33–37.

Шитова Н. Б. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 98–111.

Шитова Н. Б. Понятие «образовательная миграция»: отражение государственно-правового взгляда в актах стратегического планирования // Журнал юридических исследований. 2019. Т. 4, № 4. С. 7–13.

REFERENCES

- Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu. and Sitkovsky, A. M. (2024). Inter-regional educational migrations in Russia in 2017–2019: gender and spatial aspects. *Novye issledovaniya Tuvy*, 3, 226–239. doi: 10.25178/nit.2024.3.13. (In Russ.).
- Vartanyan, A. A. (2016). International educational migration: regional aspect. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60(2), 113–121. doi: 10.20542/0131-2227-2016-60-2-113-121. (In Russ.).
- Volokh, V. A., Grishaeva, S. A. (2017). International educational migration in modern Russia: features, problems and prospects. *Social'naya politika i sociologiya*, 16(1), 80–87. doi: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87. (In Russ.).
- Gabdakhmanov, N. K., Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., Leshukov, O. V. (2022). Educational migration of young people and optimization of the network of universities in different-sized cities. *Education Issues*, 2, 88–116. (In Russ.).
- Gabdakhmanov, N.K, Nikiforova N.Yu., Leshukov, O. V. (2019). “From Volga to Yenisei...”: educational migration of young people in Russia // *Modern Education Analytics*. 5(26). M. : NIU VHSsE, 2019. 48 p. (In Russ.).
- Dozhdikov, A. V. (2024). Interregional migration of youth in the Russian Federation. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 4(3), 119–137. doi: 10.19181/demis.2024.4.3.8. (In Russ.).
- Dorozhinskaya, E. S. (2015). International educational migration: motives for entering Russian universities. *International Interdisciplinary Conference “Identity and Migration in a Changing World: Methodology, Experience of empirical research”* (pp. 156–161). Ekaterinburg : UrFU. (In Russ.).
- Islakaeva, G. R. (2016). Educational interregional migration: causes and socio-economic implications. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 12(3), 77–88. (In Russ.).
- Korepina, T. A. (2016). Place and role of educational migration in the general classification of types of migration movement of population. *Vestnik NGUEU*, 3, 65–77. (In Russ.).
- Kurbatova, M. V., Donova, I. V. Kranzzeva, E. A. Leukhova, M. G. (2022). Educational migration in the regions of resource type. *Mir Rossii*, 31, 91–112. (In Russ.).
- Ledeneva, V. Yu. (2014). International educational migration in Russia: potential and prospects. *Sociologiya obrazovaniya*, 3, 68–78. (In Russ.).
- Mikryukov, N. Yu. (2023). Interregional and international migration as factors of gender imbalances in the regions of Russia. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 29(4), 65–84. doi: 10.19181/nko.2023.29.4.6. (In Russ.).

- Mitin, D. N. (2010). Educational (educational) migration: concept, problems and solutions. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 3, 123–134. (In Russ.).
- Suvorova, V. A., Bronnikov, I. A. (2019). International educational migration as a “resource of soft power” in the era of globalization. *Upravlenie*, 7, 131–139. (In Russ.).
- Toshpulotov, A. A., Surina, E. A., Matveeva, I. V., Marikyan, E. A. (2024). Educational migration and its causes: theoretical analysis. *Teoreticheskaya ekonomika*, 10(118), 85–93. doi: 10.52957/2221-3260-2024-10-85-93. (In Russ.).
- Ulmyasbaeva, A. O. (2020). Modern trends of interregional educational migration of Russian youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12(154), 33–37. (In Russ.).
- Shitova, N. B. (2020). Educational migration in Russia: conceptual issues of legal regulation. *Zhurnal rossijskogo prava*, 7, 98–111. (In Russ.).
- Shitova, N. B. (2019). The concept of “educational migration”: reflection of the state-legal view in the acts of strategic planning. *Zhurnal yuridicheskikh issledovanij*, 4(4), 7–13. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нина Сергеевна Прошина — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Nina S. Proshina — PhD student at the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.02.2025;

принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 10.02.2025;
accepted for publication 10.02.2025.

Научная статья /Research Article

УДК 316.36

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-02

Роль медиа в сохранении исторической памяти на примере семейных ценностей

Алла Владимировна Ковалева¹

Нелли Леонидовна Краснобаева²

Гульмира Дженишевна Джунушалиева³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alla_k65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6063-4107>

²Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, krasn_nelli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>

³Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика, dzun_gulmara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-1049>

Аннотация. Национальное строительство в постсоветских странах обусловило особый интерес и возврат к культурным корням и семейным ценностям. Семейная история, реконструкция родословной вполне ожидаемо вписывается в общий исторический контекст, который изобилует социально значимыми процессами и событиями не только для отдельно взятой семьи, но и в целом для гражданских сообществ суверенных государств бывшего Советского Союза. Но для современной молодежи наиболее актуальной является проблематика восстановления родственных связей, переосмысление исторической памяти, эмоциональных переживаний, реальных или воображаемых воспоминаний. В связи с этим можно утверждать, что актуальность исследований в области воспроизведения и сохранения исторической памяти в форме родословной семейных историй в цифровом обществе только возрастает. Индивидуальные воспоминания и коллективная память находятся в динамическом единстве, но при передаче последующим поколениям претерпевают серьезные изменения. Медийные коммуникационные технологии позволяют серьезным образом корректировать силу индивидуальных и коллективных переживаний. Они могут существенно повлиять на содержание исторической памяти и на формирование оценочного суждения о нем. Современное поколение молодежи выросло в новых социально-политических и социально-экономических условиях. Значимые исторические события советского прошлого не являются частью их личного опыта. Семейная история, ценности, родословная и являются связующим звеном с коллективной памятью. Благодаря коллективной и семейной памяти индивид поддерживает свою связь с социумом. В эпоху формирования цифрового общества интерпретация исторического прошлого, семейной истории, героизация отдельных эпизодов и умалчивание болезненных воспоми-

наний приводит к конструированию прошлого, в котором фокус оценивания последствий смещается индивидом произвольно. Использование медиа повышает эффективность и результативность в сохранении семейных ценностей у молодежи. В статье представлены данные социологического опроса целевой аудитории (студенты в возрасте от 18 до 24 лет, проживающие в России, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане). Результаты опроса подтверждают интерес молодежи к воссозданию семейных историй в целом и в виде медиийных продуктов в частности.

Ключевые слова: семейные ценности, семья, историческая память, медиа, коллективная память, семейная история, родословная

Для цитирования: Ковалева А. В., Краснобаева Н. Л., Джунушалиева Г. Д. Роль медиа в сохранении исторической памяти на примере семейных ценностей // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 29–41. doi: 10.14258/ssi(2025)1-02.

The Role of Media in Preserving Historical Memory on the Example of Family Values

Alla V. Kovaleva¹

Nelly L. Krasnobayeva²

Gulmira D. Dzhunushalieva³

¹Altai State University, Barnaul, Russia, alla_k65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6063-4107>

²D. Serikbayev East Kazakhstan technical university, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, krasn_nelli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>

³Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic, dzun_gulmera@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-1049>

Abstract. Nation-building in post-Soviet countries has led to a special interest and return to cultural roots and family values. Family history and the reconstruction of the family tree quite predictably fits into the general historical context, which is replete with socially significant processes and events not only for a single family, but in general for the civil communities of the sovereign states of the former Soviet Union. But for modern youth, the most urgent problem is the restoration of family ties, rethinking memorial memory, emotional experiences of real or imaginary memories. In this regard, it can be argued that the relevance of research in the field of reproduction and preservation of historical memory in the form of a family tree of family stories in a digital society is only increasing. Individual memories and collective memory are in dynamic unity, but they undergo serious changes when passed on to subsequent generations. Media communication technologies make it possible to seriously adjust the strength of individual and collective experiences. They can significantly affect the content of historical memory and the formation of a value judgment about it. The modern generation of young people has grown up

in new socio-political and socio-economic conditions. Significant historical events of the Soviet past are not part of their personal experience. Family history, values and pedigree are the link to the collective memory. Thanks to collective and family memory, an individual maintains his connection with society. In the era of the formation of a digital society, the interpretation of the historical past, family history, the glorification of individual episodes and the silence of painful memories leads to the construction of the past, in which the focus of assessing the consequences is shifted by the individual arbitrarily. The use of media increases the effectiveness and efficiency in preserving family values among young people. The article presents research data based on the results of a sociological survey of the project's target audience (students aged 18-24 years living in Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan). The survey results confirm the interest of young people in recreating family stories, in general and in the form of media products, in particular.

Keywords: family values, family, historical memory, media, collective memory, family history, lineage

For citation: Kovaleva, A. V., Krasnobayeva, N. L., Dzhunushalieva, G. D. (2025). The Role of Media in Preserving Historical Memory on the Example of Family Values. *Society and Security Insights*, 8(1), 29–41. (InRuss.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-02.

Введение

Семья является первым в истории человеческого общества социальным институтом и продолжает играть основополагающую роль во всех современных социумах. Такое продолжительное существование семьи как базовой формы социальной организации свидетельствует, во-первых, о том, что она отвечает глубинным потребностям общества, а во-вторых, что этот институт обладает необычайной гибкостью и адаптивностью. Через семью сохраняются и транслируются в следующие поколения самые устойчивые традиции, при этом формируются и распространяются новые ценности, социальные практики (Столярова и др., 2021: 11).

Важнейший тренд, получивший развитие в современном обществе, — это всесторонняя модернизация сознания в рамках процессов урбанизации и утверждение «городской цивилизации». Такая фундаментальная трансформация образа жизни влечет за собой неизбежные изменения системы общественных ценностей.

Особенностью современного этапа развития является то, что это пространство различных ценностных комплексов все больше существует в поле медиапродукции и медиапотребления. Именно здесь повсеместная доступность информации делает медиа стратегическим фактором изменения общественных ценностей.

Наиболее показательным данный процесс становится в том случае, когда речь идет о молодежи, в различных пропорциях вбирающей в себя опыт предыдущих поколений (переосмысление исторической памяти, эмоциональных переживаний, реальных или воображаемых воспоминаний) и формирующей собственные установки.

В связи с этим можно утверждать, что актуальность исследований в области воспроизведения и сохранения семейных традиций, формирования новых ценностных установок в цифровом обществе только возрастает.

Вопросы изучения семьи, семейных ценностей, традиций представлены в исследованиях ученых разных стран. История, модернизация и трансформация семейных институтов рассмотрены в работах З. Баумана (2002), А. И. Антонова (2005), А. Волкова (1986), С. И. Голода (1998), А. И. Левина, Л. В. Левиной (2001), И. В. Бестужева-Лады (1986), О. М. Здравомысловой (2003) и др.

Структура семьи, внутрисемейные процессы и формы реализации семейной политики разных государств представлены в материалах Р. Маккарти, Дж. Эдвардса (2018), , S. Demuth, S. L. Brown (2004), M. L Baran., E. Evan, B. A. Diehnelt, E. J. Janice (2013), A. Sorrenti, J. Miró, M. León, E. Pavolini, (2019), C. Saraceno (2023), Y. B. Gippenreiter (2021), П. Штомпки (1996).

В среде казахстанских исследователей семейной проблематики уделяется внимание вопросам трансформации семьи, ее социальных функций, ценностей взаимодействия с внешней средой. Примером могут служить работы Ж. С. Аубакировой (2014), Г. Г. Соловьевой, Е. Е. Буровой (2013), З. Ж. Жаназаровой (2023), А. Б. Калыш (2013), А. Б. Есимовой (2010), М. Кабаковой (2013), З. Арыстамкуловой (2014).

Проблематику влияния рыночного уклада жизни на семейные отношения рассматривали ряд исследователей Кыргызстана: Г. Б. Тумонбаева (2017), М. К. Ка-дыркулова, Р. А. Ачылова (2008), Э. Э. Дуйсенов, К. А. Айтмамат (2020), А. Б. Бактыбекова (2023), Ж. Ч. Тегизбекова (2015), А. Урисбаева (2019), А. К. Каныбекова (2020), А. Оторова (2023).

Отдельным направлением анализа являются аналитические отчеты по результатам социологических исследований, тематически связанных с поставленной проблематикой. Так, значимость тематики семейных ценностей показывают социологические опросы ВЦИОМ «Семья как ценность»¹, где «идеальная семья в представлениях россиян — многодетная, уделяющая большое внимание воспитанию детей и передаче традиций».

Широкий спектр исследований в РК по вопросам семьи проводится Казахстанским институтом общественного развития: аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему: «Факторы, влияющие на формирование благополучной семьи»², исследование проведено с целью получения актуальной информации о состоянии семейно-брачных отношений, установок и ценностей в казахстанском обществе, о проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются казахстанские семьи, а также для изучения восприятия населением образа благополучной семьи; Казахстанские семьи — 2022. Национальный доклад³; социологическое исследование на тему «Модернизация традиций: новые поведенческие нормы в казахстанском обществе» направлено на получение широкого спектра со-

¹ Семья как ценность. Опрос от 24.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 28.10.2024).

² Факторы, влияющие на формирование благополучной семьи: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. (2024). URL: <https://ru.kipd.kz/article/analiticheskii-otchet-po-rezulatamat-sotsiologicheskogo-issledovaniya-na-temu-faktory-vliyayuschie-na-formirovaniye-blagopoluchnoy-semi>.(дата обращения: 25.10.2024).

³ Казахстанские семьи — 2022: Национальный доклад. URL: <https://ru.kipd.kz/article/kazakhstanskie-semi-2022-natsionalnyy-doklad> (дата обращения: 30.10.2024).

циологической информации о ценностях и практиках казахстанцев в условиях модернизационных процессов, протекающих в обществе⁴, и др.

В Кыргызстане в 2020 г. Национальным статистическим комитетом была подготовлена аналитическая справка о гендерном дисбалансе в доходах и факто-рах, влияющих на гендерное неравенство исследования⁵. В декабре 2023 — январе 2024 г. компанией SIAR Research and Consulting был проведен национальный социологический опрос по поручению Центра исследований в области опросов (CISR) Международного Республиканского Института⁶.

Однако в Кыргызстане в большей степени внимание общественности и аналитиков привлекает тематика домашнего насилия. Поскольку данное социальное зло коснулось многих семей в республике, то вполне очевидно и внимание к нему. В 2018 г. был проведен социологический опрос среди молодежи на тему «Домашнее насилие»⁷, Национальный статистический комитет в 2021 г. провел опрос по теме семейного насилия среди женщин и мужчин⁸. В 2014 г. USAID провел соцопрос по теме «Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и конфликтное поведение»⁹.

В целом можно отметить, что недостаточно разработана в исследовани-ях специфика интерпретации исторического прошлого, семейных историй с использованием медиа для повышения эффективности и результативности в со-хранении семейных ценностей у молодежи.

Методология исследования

Методологической основой исследования служит «Исследование жизнен-ных ценностей населения» (World Values Surevey — WVS), в рамках которой проведен анализ трансформации общественных ценностей в условиях модер-низации (нравственные «фильтры», заложенные в семье, влияние внешней со-циальной и информационной среды на коммуникацию и сохранение информа-ции и т.д.).

⁴ Модернизация традиций: новые поведенческие нормы в казахстанском обществе» Социологическое исследование. 2023. URL: <https://ru.kipd.kz/article/modernizatsiya-traditsiy-novye-povedencheskie-normy-v-obschestve> (дата обращения: 22.10.2024).

⁵ Женщины Кыргызстана в семье и обществе. Молодое население и высокие тем-пы демографического роста. 2020. URL: https://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Policy_brief_Women_May-22_0.pdf (дата обращения: 30.10.2024)

⁶ Национальный опрос Кыргызстана. Декабрь 2023 — Январь 2024. URL: <https://www.iri.org/wp-content/uploads/2024/02/KGZ-23-NS-02-PT-Public-only-Russian-version.pdf> (дата обра-щения: 25.10.2024).

⁷ Домашнее насилие. Опрос молодежи. 2018. URL: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/Пресс-релизы/опрос-молодежи-о-домашнем-насилие> (дата обращения: 29.10.2024).

⁸ Семейное насилие среди женщин и мужчин. 2021. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/news/semejnoe-nasilie-sredi-zhenshin-i-muzhchin/> (дата обращения: 27.10.2024).

⁹ Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и кон-фликтное поведение. 2014. 91 с. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00JS4S.pdf (дата обра-щения: 23.10.2024).

Данные и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили данные социологического опроса среди представителей целевой аудитории (студенты в возрасте от 18 до 24 лет, проживающие в России, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и обучающиеся по направлениям «Реклама и связи с общественностью», «Медиакоммуникации» и «Журналистика»). Всего было опрошено 112 респондентов, результаты опроса подтверждают интерес к созданию семейных историй в целом и в виде медийных продуктов в частности.

Результаты исследования

Семья всегда являлась и продолжает быть главным, фундаментальным институтом общества, который включает в себя культурную преемственность поколений, сохранение общечеловеческих ценностей.

По результатам социологического исследования показательна значимость семейных связей и семейных историй в ответах респондентов: 98,2% опрошенных считают, что нужно знать историю своей семьи, своего рода, по совокупности ответов: «нужно знать обязательно» — 59,8%, «скорее нужно знать» — 38,4%. Отрицательных ответов не зарегистрировано, при этом есть 1,8% сомневающихся (вариант ответа: «скорее не нужно»).

Характеристика важности знания истории своей семьи раскрывается в указании причин необходимости данной информации. На открытый вопрос большая часть респондентов (93,8%) отметила, что это базовое знание для дальнейшей жизни, в частности «знание своей родословной дает знания истории своей семьи, понимание своего здоровья, своего происхождения и создание связей с родственниками» (11,6%), «знать своих предков, кто и кем был, какие у кого судьбы» (10,7%), «нужно знать свою историю и историю своей семьи» (10,7%), «знание своей родословной может помочь человеку понять свою историю, происхождение, культурное наследие, а также связи с другими людьми и семьей» (6,25%) и другие варианты ответов, схожие по содержанию (54,5%).

Представляет интерес не только констатация важности факта знания истории семьи, но и попытки ее воссоздания, изучения, поиски по воспоминаниям родственников. Так, 88,4% студентов, участвующих в опросе, указали, что вели поисковую работу в данном направлении. Результативность поиска представлена в ответах по вопросу «Насколько хорошо Вы знаете историю своих предков?», здесь только 14,3% знают ее хорошо, 60,7% частично, 25,0% знают плохо или не знают совсем; 91,1% опрошенных сообщили, что в семьях сохраняются домашние архивы, фотографии, письма и т.д.

Глубина знания своей родословной представлена на рисунке 2 и оценивается следующим образом: «знаю бабушек/дедушек» — 14,3%; «знаю прабабушек/прадедушек» — 76,8%; «знаю несколько поколений после прабабушки» — 5,4%; «знаю родителей прабабушек» — 1,8%. Один респондент указал, что «знает примерную историю жизни своих родственников, живших до революции и в середине XX в.», и еще один знает «до 15-го колена».

Рисунок 1 — Ответы на вопрос: «Как вы считаете, зачем человеку знать свою родословную?», %.

Figure 1 — Answers to the question: «Why do you think a person needs to know their ancestry?», %.

Рисунок 2 — Ответы на вопрос: «Насколько глубоко вы знаете свою родословную?», %.

Figure 2 — Answers to the question: «How deeply do you know your family tree?», %.

По итогам данного блока результатов можно констатировать, что основная масса респондентов считает необходимым знать историю своей семьи (93,8%), ведет поисковую работу (88,4%), сохраняет семейные архивы (91,1%), при этом 91,1% владеют информацией только об одном-двух поколениях своих предков.

В современных условиях информационного общества практически любая общественно значимая тема порождает соответствующие информационные потоки в медиапространстве, основным объектом воздействия которых является общественное мнение. Особую роль здесь играют СМИ и имеют колоссальное ко-

личество методов и способов влияния на общественное сознание не только человека, но и всего государства. Поэтому знаковым является проблема освещения в средствах массовой информации вопросов семьи, семейных отношений, примеров семейной традиционной культуры.

Как выяснилось, 50,8% респондентов не сталкивались с новостями и информационными сообщениями, посвященными семейным ценностям и традициям в СМИ, при этом 48,2% отметили, что публикации видели в различных источниках.

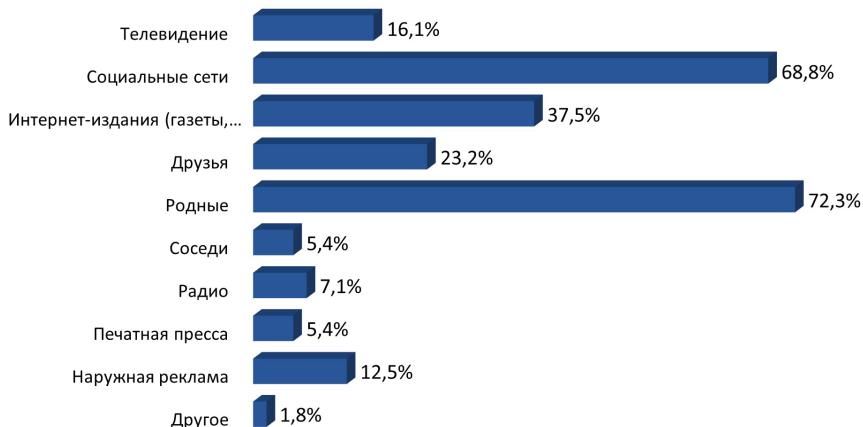

Рисунок 3 — Ответы на вопрос: «По каким каналам коммуникации Вы предпочли бы получать информацию по тематике семейных ценностей?», %.

Figure 3 — Answers to the question: «Through which communication channels would you prefer to receive information on the subject of family values?», %.

Каналы коммуникации, по которым студенты предпочли бы получать информацию по тематике семейных ценностей, отличаются спецификой подачи материала: так, основное место занимают социальные сети (68,8%) и родственники (72,3%). Наименьшее значение по актуальности получения информации имеют реклама (12,5%), радио (7,1%), соседи (5,4%), печатные СМИ (5,4%).

Безусловно, в современном мире СМИ являются важнейшим и эффективным инструментом формирования мнения в обществе, тем показательнее ответы респондентов о контенте, посвященном семейным ценностям: 56,2% опрошенных с ним сталкивались, 43,7% — нет.

При характеристике понравившегося контента указывались интернет и социальные сети — 6,25%; интернет-источники — 2,68% (с комментарием, что информация была неполной); социальные ролики — 2,7%; душевная информация в «инстаграме» — 1,8%; в рекламе продуктов питания, так как были изображены теплые, доверительные отношения между родственниками, — 1,8%.

Важно отметить, что 49,1% респондентов не ответили на данный вопрос, не вспомнив примеров информации, посвященных семье, в СМИ.

Принять участие в мероприятиях, направленных на разработку медийных продуктов, транслирующих семейные ценности, хотели бы 73,2% опрошенных, об отсутствии такого желания заявили 26,8% опрошенных.

В результате пилотный вариант социального исследования показал значительный интерес среди студенческой молодежи к вопросам семейной истории, где ценности и родословная являются связующим звеном с коллективной памятью семьи. Современное поколение молодежи, выросшее в новых социально-политических и социально-экономических условиях, самостоятельно конструирует прошлое, порой деформируя его содержание. Использование медиа повышает эффективность и результативность в сохранении семейных ценностей у молодежи.

Выводы

Значение и роль идеологических установок в республиках бывшего СССР утратили свою силу. Поэтому на всем постсоветском пространстве прослеживается общая тенденция возврата к этническим и религиозным основам общества. Современные коммуникативные технологии исторической памяти предполагают серьезную работу «преимущественно над мифами, символами, клише и идеологемами» (Кокоулин, 2020: 13). В современных условиях укорененная традиция устного воспроизведения и передачи исторической памяти неэффективно откликается на общественные запросы.

Информационно-коммуникационные технологии, новые медиа и цифровые коммуникативные площадки открывают возможности для творческого переосмысления и публичного представления своей родословной, семейных традиций и ценностей, разнообразят личный опыт индивида посредством приобщения к семейной и коллективной исторической памяти. А это значит, что медийное пространство вполне успешно может стать той площадкой, которая создает условия для решения задач сохранения и воспроизведения ценностных установок в молодежной среде.

Таким образом, мы можем сказать, что проблема сохранения и передачи семейных ценностей среди молодежи является актуальной. Уже сейчас мы можем говорить о социальной потребности в долгосрочных кросс-медийных проектах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : ИНФРА-М, 2005. 368 с.

Арыстамкулова З. Культурно-ценостные трансформации в современной казахстанской семье. 2014. URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1926> (дата обращения: 21.03.2024).

Аубакирова Ж. С. Казахская семья: трансформация семейных ценностей и демографического поведения как объект исследования // Материалы Международной научно-практической конференции «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы». Омск, 2014. С. 20–23.

Бактыбекова А. Б. История кыргызской семьи и формы брачных отношений // Известия Национальной Академии Наук Кыргызской Республики. 2023. № 4. С. 76–82.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.

Бестужев-Лада И. В. Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Финансы и статистика, 1986. 346 с.

Волков А. Семья — объект демографии. М.: Финансы и статистика, 1986. 368 с.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : Петрополис, 1998. 272 с.

Дуйсенов Э. Э., Айтмамат К. А. Специфические особенности брачно-семейных отношений в Кыргызской Республике // Известия вузов Кыргызстана. 2020. № 6. С. 168–172.

Есимова А. Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. 2010. №2. С. 8–14.

Жаназарова З. Ж. Современная семья в Казахстане и ее проблемы. Алматы, 2003. 190 с.

Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М., 2003. 571 с.

Кабакова М. Ценности и традиции современной казахской семьи. URL: <https://www.e-history.kz/ru/seo-materials/show/28984> (дата обращения: 29.09.2024).

Кадыркулова М.К., Ачылова Р.А. Причины и факторы проявления кризиса семьи в современном Кыргызстане // Известия вузов Кыргызстана. 2008. № 5–6. С. 165–174.

Калыш А. Б. Семья и брак в современном Казахстане. Алматы : Арыс, 2013. 464 с.

Каныбекова А. К. Семья как важнейшая ценность в традиционном кыргызском обществе // Вестник науки и образования. 2020. № 19. С. 25–31.

Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // Дискурс-Пи. 2020. № 3. С. 10–25.

Левин А.И., Левина Л.В. Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Курск, 2001. 188 с.

Маккарти Р., Эдвардс Дж. Исследования семьи: основные понятия. М. : ИД ВШЭ, 2018. 344 с.

Оторова А. Современные проблемы молодежи Кыргызской Республики // Вестник Бишкекского государственного университета. 2023. № 2.

Соловьева Г. Г., Бурова Е. Е. Казахстанская семья как базовая ценность общества: состояние и тенденции развития. Алматы : КР БФМ FK ФСДИ, 2013. 196 с.

Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Алексеенко А. Н. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Ценностные установки и социальные

- практики казахской молодежи (на примере Восточно-Казахстанской области)». Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2021. 148 с.
- Тегизбекова Ж. Ч. Регулирование брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву. Бишкек : Изд-во КРСУ, 2015. 206 с.
- Тумонбаева Г. Б. Изменения семейных отношений в процессе перехода к рыночному укладу жизни в Кыргызстане // Интерактивная наука. 2017. № 13. С. 110–112.
- Урисбаева А. О теоретико-правовой основе понятия «семья» // Вестник Быхтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия общественных наук. 2019. № 3–1. С. 41–45.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Baran M. L., Evan E., Diehnelt B. A., Janice E. J. Family Policies in Norway : Handbook of Family Policies Across the Globe. 2013. P. 77–90.
- Demuth S., Brown S. L. Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2024. No. 41. P. 58–81.
- Sorrenti A., Miró J., León M., Pavolini E. Policy Change and Partisan Politics: Understanding Family Policy Differentiation in Two Similar Countries // Social Politics. 2019. No. 28
- Saraceno C. The Role of the “Social Investment” Concept for the Development of Family Policy: The Oxford Handbook of Family Policy. 2023. P. 308.
- Gippenreiter Y. B. Communicate with the child. How? М. : CheRo, 2021. 304 с.

REFERENCES

- Antonov, A. I. (2005). *Microsociology of the family*. Moscow : INFRA-M. (In Russ.).
- Arystamkulova, Z. (2014). *Cultural and value transformations in the modern Kazakh family*. URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/1926> (In Russ.).
- Aubakirova J. S. (2014). The Kazakh family: transformation of family values and demographic behavior as an object of research. *Materials of the International scientific and practical conference “Kazakhs in the Eurasian space: history, culture and socio-cultural processes”* (pp. 20–23). Omsk. (In Russ.).
- Baktybekova, A. B. (2023). History of the Kyrgyz family and forms of marital relations. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic*, 4, 76–82.
- Bauman, Z. (2002). *Individualized society*. Moscow : Logos. (In Russ.).
- Bestuzhev-Lada, I. V. (1986). The future of the family and the family of the future in the problems of social forecasting. *Childhood of the family: yesterday, today, tomorrow*. Moscow : Financy i statistika (In Russ.).
- Volkov, A. (1968). *The family is an object of demography*. Moscow : Financy i statistika. (In Russ.).
- Golod, S. I. (1998). *Family and marriage: a historical and sociological analysis*. St. Petersburg : Petropolis (In Russ.).

- Duisenov, E. E., Aitmamat, K. A. (2020). Specific features of marital and family relations in the Kyrgyz Republic. *News of the universities of Kyrgyzstan*, 6, 168–172. (In Russ.).
- Yesimova, A. B. (2010). Family and family ties as social capital in the realization of reproductive behavior. *Bulletin of the PSU. The humanitarian series*, 2, 8–14. (In Russ.).
- Zhanazarova, Z. Zh. (2003). *Modern family in Kazakhstan and its problems*. Almaty. (In Russ.).
- Zdravomyslova, O. M. (2003). *Family and society: the gender dimension of the Russian transformation*. Moscow : (In Russ.).
- Kabakova, M. (2013). *Values and traditions of the modern Kazakh family*. <https://www.e-history.kz/ru/seo-materials/show/28984> (In Russ.).
- Kadyrkulova, M. K., Achylova, R. A. (2008). The causes and factors of the family crisis in modern Kyrgyzstan. *News of the universities of Kyrgyzstan*, 5–6, 165–174. (In Russ.).
- Kalysh, A. B. (2013). *Family and marriage in modern Kazakhstan*. Almaty : Arys. (In Russ.).
- Kanybekova, A. K. (2020). Family as the most important value in the traditional Kyrgyz society. *Bulletin of Science and Education*, 19 25–31. (In Russ.).
- Kokoulin, V. G. (2020). Technologies of transformation of historical memory of the Great Patriotic War in post-Soviet Russia. *Discourse-Pi*, 3, 10–25. (In Russ.).
- Levin, A. I., Levina, L. V. (2001). *The modern family and its evolution in the context of transition to a post-industrial society*. Kursk. (In Russ.).
- McCarthy, R., Edwards, J. (2018). *Family studies: basic concepts*. Moscow : ID VShE. 344 p. (In Russ.).
- Otorva A. (2023). Modern problems of youth of the Kyrgyz Republic // *Bulletin of Bishkek State Universit*, 2. (In Russ.).
- Solovyova, G. G., Burova, E. E. (2013). *The Kazakh family as the basic value of society: the state and trends of development*. Almaty : KR GGM GC FSDI. 196 p. (In Russ.).
- Stolyarova, E. O., Aubakirova, J. S., Alekseenko, A. N. (2021). *Analytical report on the results of a sociological study “Value attitudes and social practices of Kazakh youth (on the example of the East Kazakhstan region)”. Ust-Kamenogorsk : Media-Al'yanc*. (In Russ.).
- Tegizbekova, Zh. Ch. (2015). *Regulation of marriage and family relations of Kyrgyz under customary law*. Bishkek : Izd-vo KRSU. (In Russ.).
- Tumonbaeva, G. B. (2017). Changes in family relations in the process of transition to a market lifestyle in Kyrgyzstan. *Interactive science*, 13, 110–112. (In Russ.).
- Urisbayeva, A. (2019). On the theoretical and legal basis of the concept of “family”. *Bulletin of Nosir Khusrav Bokhtar State University. A series of social sciences*, 3–1, 41–45. (In Russ.).
- Shompka, P. (1996). *Sociology of social change*. Moscow : Aspect Press. (In Russ.).
- Baran, M. L., Evan, E., Diehnelt, B. A., Janice, E. J. (2013). *Family Policies in Norway. Handbook of Family Policies Across the Globe* (pp. 77–90).

- Demuth, S., & Brown, S. L. (2024). Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 41, 58–81.
- Sorrenti, A. & Miró, J. & León, M. & Pavolini, E. (2019). Policy Change and Partisan Politics: Under-standing Family Policy Differentiation in Two Similar Countries. *Social Politics*. 28.
- Saraceno, C. (2023). *The Role of the “Social Investment” Concept for the Development of Family Policy. The Oxford Handbook of Family Policy.* (pp. 308).
- Gippenreiter, Y. B. (2021). *Communicate with the child. How?* Moscow: CheRo. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алла Владимировна Ковалева — д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Alla V. Kovaleva — Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, the Head of the Department of Mediacommunications, Advertising Technologies and Public Relations, Altai State University, Barnaul, Russia.

Нелли Леонидовна Краснобаева — канд. ист. наук, главный научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «DIGITAL SOCIAL RESEARCH» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д. Серикбая, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Nelly L. Krasnobaeva — Cand. Sci. (History), Chief Researcher at the International research Center «DIGITAL SOCIAL RESEARCH» of D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan.

Гульмира Дженишевна Джунушалиева — д-р ист. наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Gulmira D. Dzhunushalieva — Dr. Sci. (History), Associate Professor, the Head of the Department of advertising and public relations, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025
принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 18.11.2024;
approved after reviewing 15.01.2025;
accepted for publication 15.01.2025.

Научная статья

УДК 314.8: 504.03

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-03

Демографические аспекты устойчивого развития регионов степной зоны России

Оксана Сергеевна Руднева¹

Александр Андреевич Соколов²

¹Институт степи УрО РАН, Оренбург, Россия, Ksen1909@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

²Институт степи УрО РАН, Оренбург, Россия, SokolovAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

Аннотация. Россия характеризуется неравномерностью расселения и асимметрией процессов воспроизводства населения. Устойчивость в демографических процессах является важнейшим свойством территории, формируя ее потенциал к развитию. Проблема депопуляции и асимметрии развития регионов является актуальной в связи с возможностью нарастания дисбаланса как в сопредельных регионах, так и в крупных межрегиональных образованиях.

Регион исследования — степная зона России, специализирующаяся на сельскохозяйственном производстве и расположенная в главной полосе расселения, и проблема формирования устойчивого развития здесь актуальна. Для выявления предпосылок демографической устойчивости степных регионов проведен анализ данных по темпам динамики региональной численности населения, показателями рождаемости и смертности, выделены территории депопуляции. Определена асимметрия 17 регионов степной зоны по показателям естественного прироста, суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Выявлено, что наилучшая демографическая ситуация относительно среднероссийской сложилась в Краснодарском и Ставропольском краях, наихудшая — в Саратовской области. Основная проблема для перехода к устойчивому развитию в степной зоне — высокая смертность от внешних причин и неинфекционных заболеваний, которой подвержено в большей степени мужское население трудоспособного возраста.

Наиболее благоприятная ситуация для формирования устойчивого развития относительно демографических процессов сложилась в западных регионах степной зоны. Этому способствует густая сеть расселения и развитие высокопродуктивного сельского хозяйства, в том числе фермерства, что более экологически сбалансировано ввиду использования меньших объемов природных ресурсов и во многих случаях более технологично. Для остальных регионов степной зоны необходимо слаживание причин и последствий высокой депопуляции, особенно среди сельского населения, путем повышения качества человеческого капитала и комплексного эколого-экономического подхода, учитывающего специфику распределения населения, его хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, степная зона России, демографические процессы, депопуляция, эколого-экономическое развитие

Финансирование: статья подготовлена в рамках темы государственного задания Института степи ОФИЦ УрО РАН АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования: Руднева О. С., Соколов А. А. Демографические аспекты устойчивого развития регионов степной зоны России // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 42–54. doi: 10.14258/ssi(2025)1-03.

Demographic Aspects of Sustainable Development of the Regions of the Steppe Zone of Russia

Oksana S. Rudneva¹

Alexander A. Sokolov²

¹Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia, Ksen1909@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

²Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia, SokolovAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

Abstract. Russia is characterized by uneven settlement and asymmetry of population reproduction processes. Stability in demographic processes is the most important property of the territory, forming the potential for its development. The problem of depopulation and asymmetry of regional development is relevant due to the possibility of increasing imbalance both in neighboring regions and in large interregional entities. The research region is the steppe zone of Russia, specializing in agricultural production and located in the main settlement zone, and the problem of forming sustainable development is relevant here. To identify the prerequisites for the demographic stability of the steppe regions, an analysis of data on the rates of dynamics of the regional population, fertility and mortality rates was carried out, depopulation territories were identified. The asymmetry of 17 regions of the steppe zone in terms of natural growth, total fertility rate and life expectancy has been determined. It was revealed that the best demographic situation relative to the average Russian one was in the Krasnodar and Stavropol territories, the worst — in the Saratov region. The main problem for the transition to sustainable development in the steppe zone is high mortality from external causes and non-communicable diseases, to which the male population of working age is more susceptible.

The most favorable situation for the formation of sustainable development in relation to demographic processes has developed in the western regions of the steppe zone. A dense settlement network facilitates this and the development of highly productive agriculture, including farming, which is more environmentally balanced due to the use of smaller amounts of natural resources and, in many cases, more technologically advanced. For other regions of the steppe zone, it is necessary to smooth out the causes and consequences of high depopulation, especially among the rural population, by improving the quality of human capital and an integrated ecological and economic approach

that takes into account the specifics of the distribution of the population and its economic activities.

Keywords: sustainable development, steppe zone of Russia, demographic processes, depopulation, ecological and economic development

Financial Support: the work was supported by the framework of the topic of the state assignment of the Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences AAAA21-121011190016-1.

For citation: Rudneva, O. S., Sokolov, A. A. (2025). Demographic Aspects of Sustainable Development of the Regions of the Steppe Zone of Russia. *Society and Security Insights*, 8(1), 42–54. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-03.

Введение

Переход к устойчивому развитию территории является наиболее важным процессом развития России. На региональном уровне устойчивость территории определяется как состояние равновесия социо-эколого-экономической системы при воздействии факторов различного уровня и ее способность выходить на более высокий уровень (Рожкова, 2011). Население планеты растет достаточно быстро (с 1900 г. оно увеличилось в 4,7 раза), экономика, обеспечивая возрастающие потребности общества, резко увеличила нагрузку на природную среду. В то же время деградация экосистем и дестабилизация окружающей среды — серьезное препятствие для экономического развития (Munasinghe, Cruz, 1995). Принципы устойчивого развития являются способом формирования экономического роста при сохранении природной среды и ресурсов для последующих поколений.

Россия ввиду достаточно большой площади и протяженности располагает дифференцированными территориями как по потенциалу экономического развития, так и по особенностям воспроизводства и распределения населения. Для России проблема устойчивого развития в демографическом аспекте состоит в снижении численности населения из-за отрицательного или нулевого естественного прироста и приводит к существенному снижению уровня заселенности значительных по площади территорий. Снижение плотности, особенно сельского населения, приводит к разрыву экономических связей как между субъектами, так и между муниципальными образованиями внутри региона.

Особо интересна для исследований влияния демографических процессов на формирование устойчивого развития территории природная зона степей, протянувшаяся с запада на восток вдоль южной границы России. Здесь расположены 17 регионов, которые занимают около 30% территории страны, где проживает 29,1% населения России (42,7 млн чел.). Спецификой степной зоны ввиду природных особенностей является специализация в производстве сельскохозяйственной продукции, в связи с чем особое внимание необходимо уделять устойчивому развитию сельских территорий.

Устойчивое развитие села заключается в стабильном социально-экономическом функционировании территорий, производящих сельскохозяйственную продукцию минимум в достаточном объеме для внутреннего потребления при увеличении продуктивности агропромышленного комплекса, обеспечивая заня-

тость сельского населения и достижение им высокого уровня жизни при рациональном использовании земель (Мерзлов, Овчинцева, Попова, 2012).

Зачастую достижение на территории устойчивого развития определяют как сохранение окружающей среды, не уделяя в достаточной мере внимания и другим важнейшим факторам — социальным, демографическим, экономическим и др. В совокупности и экологическая безопасность, и экономическое развитие являются проблемой социальной, оба эти направления в конечном итоге ведут к социальной стабилизации.

В основе принципа устойчивости территории лежит социальное развитие. Она направлена на сохранение сбалансированности социума при высоком уровне благосостояния и экологической безопасности в каждом регионе страны.

Население является ресурсом социально-экономической системы территории, представленным в виде человеческого капитала, его сохранение и развитие качества является основным направлением политики устойчивого развития как страны в целом, так и каждого региона. Развитие территории неустойчиво, если в ее пределах продолжительное время происходит систематическая депопуляция (Орлинский, Хаванский, 2011). Изменение численности населения оказывает значительное влияние на дестабилизацию устойчивого развития территории.

Демографический фактор является значимым для развития территории в направлении устойчивого развития¹. Прежде всего, показатели воспроизводства населения объективны, постоянно верифицируются органами государственной статистики и их изменения оказывают влияние на все уровни взаимоотношений в обществе. Анализ демографической ситуации является одним из первостепенных при анализе сложившейся ситуации в регионе и последующей выработке сценария перехода к устойчивому развитию (Коковин, 2017) и преобразованию социально-экономической ситуации.

Целью исследования является оценка направления демографических процессов, протекающих в степных регионах, и последствий, оказывающих воздействие на динамику устойчивости социо-экологического-экономических систем. В настоящее время не сформирована концепция устойчивого развития территорий, объединенных общностью физико-географических и социально-экономических условий, поэтому необходимы исследования в этом направлении для каждой группы факторов. Регионы степной зоны, столкнувшись с общероссийскими демографическими тенденциями, зачастую по-разному формируют концепции территориального устойчивого развития. И исследование демографических процессов в сравнении между субъектами позволит выявить причины напряженности и пути их преодоления на основе положительного опыта.

¹ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблей 25.09.2015. 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030. URL http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E

Материалы и методы

Теоретическую и методологическую основу исследования составили положения концепции устойчивого развития территорий мировых и отечественных исследователей, научные публикации о взаимосвязи населения, экологии и экономики.

Основными методами исследования являются подходы и процедуры индикативного анализа, метод экспертных оценок и математической статистики. В качестве информационной базы исследования использованы материалы Федеральной службы государственной статистики и региональных отделений Росстата².

В качестве исходных данных были использованы показатели численности населения степных регионов и России в целом с 1990 г. С помощью методов статистического анализа были рассчитаны темпы динамики коэффициентов рождаемости и смертности в 2019 г. и выявлены среднегодовые темпы за периоды 2000–2019 и 2009–2019 гг. Для оценки глубины асимметрии в степной зоне методом экспертных оценок выбраны показатели (коэффициент рождаемости и смертности, суммарный коэффициент рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни) с последующим их индексированием и ранжированием.

Результаты

Естественное движение населения является наиболее значимым показателем, отражающим состояние общей демографической ситуации на рассматриваемой территории.

Темпы сокращения численности населения России были максимальными в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

В России рост численности населения начался только с 2009 г., прервав длительное падение последних 20 лет. В периоды 2009–2012 и 2016–2017 гг. этому способствовал миграционный прирост, компенсирующий естественную убыль.

Сокращение населения в степной зоне за период 2009–2019 гг. было не так значительно (86 тыс. чел.), как за период с 2000 года (1,5 млн чел.). Только в пяти регионах (Белгородская область, Адыгея, Краснодарский край, Ставропольский край и Новосибирская область) из 17 с 2000 г. наблюдался рост населения. Сельское население во всей степной зоне сократилось на 5,1% при увеличении городского населения на 2,3%, на региональном уровне — в 14 субъектах (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Индексы динамики численности населения в 2019 г. относительно 2009 г., %

The indices of the population dynamics in 2019 relative to 2009, %

Regions of the Steppe zone	Total population	Urban population	Rural population
Russian Federation	102.79	104.30	98.57

² Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная статистическая система. URL: <http://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 07.10.2020).

Belgorod region	101.26	103.73	96.48
Voronezh region	99.53	108.88	84.24
Republic of Adygea	104.40	96.52	112.62
Republic of Kalmykia	93.76	97.33	90.96
Krasnodar region	108.79	113.92	103.06
Volgograd region	95.53	97.44	89.61
Rostov region	97.94	99.63	94.49
Stavropol region	100.96	104.30	96.55
Republic of Bashkortostan	99.52	103.09	94.14
Orenburg region	95.93	97.84	93.14
Samara region	98.76	98.35	100.42
Saratov region	95.71	97.52	90.47
Kurgan region	90.13	93.85	84.64
Chelyabinsk region	99.65	100.66	95.08
Altai region	95.49	99.73	90.43
Novosibirsk region	105.29	108.57	94.44
Omsk region	97.46	99.74	91.82
Steppezone	99.8	102.32	94.89

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Оценка индексов динамики численности населения по типам поселения выявила регионы, где произошло не только общее снижение численности, но и усилился процесс поляризации между городом и селом (Белгородская область, Воронежская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Челябинская область, Новосибирская область), что нарушает процесс формирования устойчивого развития.

Степная зона исторически специализируется на сельском хозяйстве, продуктивность которого тесно связана с плотностью расселения сельского населения и сформированных рынках сбыта.

Выявленные исследователями (Нефедова, 2003) уровни плотности населения, при которых возможно оптимальное развитие агросектора при существующих технологиях («5 чел./км² для животноводства, 10 чел./км² для растениеводства») определяют тесное взаимодействие сбалансированного функционирования хозяйства территории с предельно допустимым уровнем населенности.

В результате снижения численности населения произошло изменение густоты расселения сельского населения в 14 регионах (табл. 2). Пороговых показателей для растениеводства не достигли девять регионов степной зоны, для животноводства — четыре региона.

Депопуляция сельского населения, помимо сжатия потенциала сельскохозяйственного производства, приводит к сокращению обрабатываемых сельскохозяйственных земель.

зяйственных угодий, сокращает сеть социальных институтов и инфраструктуры на селе, что и далее снижает демографический потенциал для этих территорий, усиливая неустойчивость их развития (Кирпичев, 2012).

Таблица 2.

Table 2.

Динамика плотности сельского населения, чел./км²

Dynamics of rural population density, people/km²

Regions of the Steppe zone	1990	2000	2010	2019
Belgorod region	18.7	19.3	19.2	18.6
Voronezh region	18.4	17.9	16.2	14.4
Rostov region	12.3	14.3	13.9	13.3
Krasnodar region	28.3	31.5	32.6	33.5
Republic of Adygea	26.6	27.1	27.7	30.8
Stavropol region	17.1	18.3	18.0	17.5
Republic of Kalmykia	2.4	2.4	2.2	2.0
Volgograd region	5.6	6.1	5.6	5.1
Samara region	11.6	11.9	11.9	12.0
Saratov region	6.8	7.1	6.4	5.9
Republic of Bashkortostan	9.9	10.3	11.3	10.7
Orenburg region	6.2	7.6	6.7	6.3
Chelyabinsk region	7.2	7.6	7.1	6.8
Kurgan region	7.0	6.4	5.1	4.5
Novosibirsk region	3.9	3.9	3.4	3.3
Omsk region	4.9	4.8	4.0	3.8
Altai region	6.6	7.4	6.6	6.1

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Одним из условий стабилизации сложившейся на селе ситуации является развитие малых форм хозяйства — фермерства и личных подсобных хозяйств, которые могут занять место крупных предприятий в обеспечении поставок продовольствия на рынки.

Устойчивость территории также характеризуется динамикой воспроизводства населения: чем ниже уровень смертности, тем более сбалансированы социально-демографически процессы.

Для анализа ситуации изменения естественного прироста в регионах проведен анализ темпов динамики коэффициентов воспроизводства населения за 2019 г. и средние за период 10 лет (2009–2019 гг.) и 19 лет (2000–2019 гг.), что позволило

выявить тенденцию снижения рождаемости в 10-летний период (с 2009 г.) и снижение смертности с 2000 г. (табл. 3).

Таблица 3.

Table 3.

Темпы роста/падения коэффициента рождаемости и смертности в 2019 г. и среднее за периоды 2000–2019, 2009–2019 гг., %

Growth/decline rates of fertility and mortality in 2019 and the average for the period 2000–2019, 2009–2019, %

Regions of the Steppe zone	Crude birth rate			Crude death rate		
	2019	2000-2019	2009-2019	2019	2000-2019	2009-2019
Russian Federation	-7.34	0.91	-1.45	-0,81	-1.11	-1.47
Belgorod region	-7.61	0.46	-2.21	-1,48	-0.79	-0.90
Voronezh region	-8.70	0.65	-0.97	-4,08	-1.21	-1.75
Republic of Adygea	-8.08	0.17	-2.96	0,00	-1.01	-1.77
Republic of Kalmykia	-7.21	-0.34	-3.25	-3,09	-0.82	-0.69
Krasnodar region	-6.09	1.13	-0.87	3,36	-1.07	-1.21
Volgograd region	-10.64	0.26	-2.47	-1,50	-0.75	-0.83
Rostov region	-7.22	0.75	-1.43	-1,48	-0.68	-1.01
Stavropol region	-9.09	0.69	-1.44	-1,74	-0.93	-1.32
Republic of Bashkortostan	-11.21	0.28	-2.22	-2,42	-0.35	-1.10
Orenburg region	-9.09	0.36	-2.26	-2,26	-0.51	-1.33
Samara region	-10.58	1.04	-1.59	-2,22	-1.11	-1.12
Saratov region	-8.79	0.29	-2.15	-1,44	-0.90	-1.02
Kurgan region	-10.68	-0.04	-2.73	-1,30	-0.32	-0.83
Chelyabinsk region	-8.33	0.74	-2.23	-0,76	-0.85	-1.27
Altai region	-9.00	0.08	-2.79	-2,10	-0.06	-0.79
Novosibirsk region	-8.55	1.38	-1.28	-1,55	-0.55	-1.19
Omsk region	-10.09	0.94	-2.04	-1,56	-0.32	-1.25

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Во всех регионах степной зоны прослеживается снижение коэффициента рождаемости. Это проблема не только российских регионов. В развитых странах также наблюдается процесс снижения и коэффициента рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости (СКР). В мировой тенденции идет сокращение числа детей, рожденных женщиной за период fertильности. Если в 1960 г. у женщины за ее жизнь рождались в среднем 5 детей, то к 2019 г. показатель стал вдвое ниже — 2,4 (Myrskylä, Kohler, Billari, 2009). В степной зоне СКР наименьший показатель в Белгородской области — 1,3, в Краснодарском крае он наибольший — 1,74 (при среднероссийском показателе 1,49).

Коэффициент рождаемости в регионах степной зоны стал снижаться с 2014 г. Самый высокий темп снижения за 10-летний период наблюдался в Алтайском крае (табл. 3). В Воронежской области и Краснодарском крае темпы снижения рождаемости наименьшие.

Коэффициент смертности снижается во всех регионах на протяжении последних 20 лет. В Воронежской области и Адыгее снижение составило более 1,7%.

Устойчивое развитие социально-экономических систем регионов возможно и при существующем уровне рождаемости. В большинстве регионов смертность выше средней по стране. И главным фактором является не старение населения, а высокий уровень неинфекционных заболеваний (в т.ч. чрезмерное употребление алкоголя, нездоровое питание, запущенность хронических заболеваний и пр.). Развитие здравоохранения, повышение уровня жизни, улучшение уровня общего благосостояния населения существенно сможет снизить уровень смертности, что значительно ослабит темпы депопуляции. На графике представлена тенденция взаимосвязи показателей ожидаемой продолжительности жизни и уровня смертности от основных неинфекционных болезней среди регионов степной зоны России (рис. 1). Прослеживается тренд обратно пропорциональной зависимости: чем выше уровень заболеваний среди населения, тем ниже продолжительность жизни.

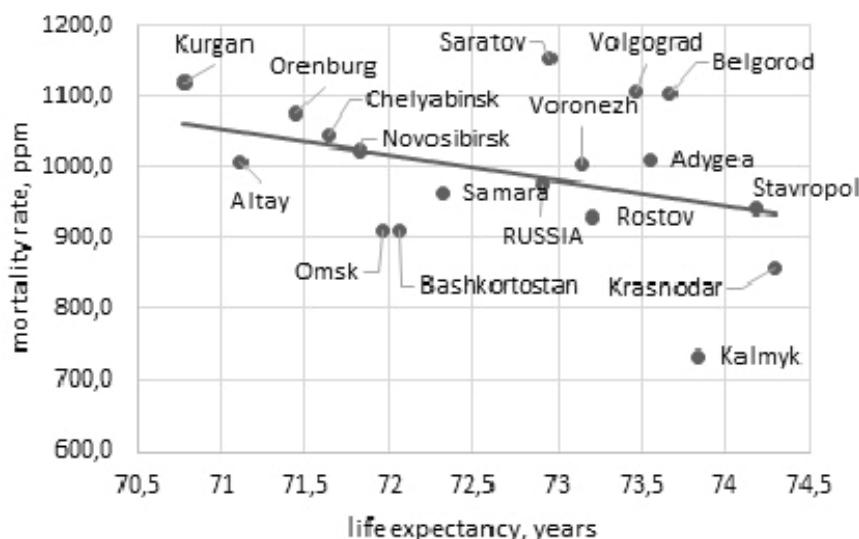

Рисунок 1 — Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и уровень смертности (на 100 000 населения) от основных неинфекционных заболеваний для населения регионов степной зоны России в 2018 г.

Figure 1 — Life expectancy at birth and mortality rate (per 100,000 population) from major non-communicable diseases for the population of the regions of the steppe zone of Russia in 2018.

Наихудшая ситуация сложилась в Курганской области (рис. 1): депрессивное состояние экономики пагубно отражается на демографии, смертность от всех

причин самая высокая в степной зоне — 15,2 чел. на 1000 населения при средней продолжительности жизни 70,7 года. В южных регионах — Краснодарском и Ставропольском краях — население живет дольше 74,3 года.

Помимо общероссийских тенденций каждый регион степной зоны обладает своей спецификой демографических процессов в контексте устойчивого развития. Для оценки глубины этой асимметрии проведено ранжирование регионов степной зоны по индексам показателей рождаемости, смертности, суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни относительно среднероссийского уровня. В таблице 4 представлены расчеты индексов основных демографических показателей относительно среднероссийского уровня для визуализации распределения регионов степной зоны.

Таблица 4.

Table 4.

Уровень асимметрии регионов по показателям воспроизводства населения

The level of asymmetry of regions in terms of population reproduction

rank	Regions of the Steppe zone	Index relative to the national average			
		Crude birth rate	Crude death rate	Total fertility rat	Expectation of life at birth
1	Krasnodar region	1.07	1.00	1.08	1.02
2	Republic of Kalmykia	1.02	0.76	1.02	1.01
3	Stavropol region	0.99	0.92	0.95	1.02
4	Republic of Bashkortostan	1.02	0.98	1.01	0.99
5	Novosibirsk region	1.06	1.03	1.04	0.99
6	Orenburg region	0.99	1.06	1.06	0.98
7	Republic of Adygea	0.90	1.00	0.92	1.01
8	Omsk region	0.97	1.02	0.99	0.99
9	Chelyabinsk region	0.98	1.07	0.99	0.98
10	Samara region	0.92	1.07	0.94	0.99
11	Belgorod region	0.84	1.08	0.86	1.01
11	Volgograd region	0.83	1.07	0.86	1.01
13	Rostov region	0.89	1.08	0.90	1.00
13	Kurgan region	0.91	1.24	1.09	0.97
15	Altai region	0.90	1.14	0.97	0.98
16	Voronezh region	0.83	1.15	0.85	1.00
17	Saratov region	0.82	1.11	0.85	1.00

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Наилучшая демографическая ситуация сложилась в Краснодарском и Ставропольском краях — регионах с благоприятными агроклиматическими условиями, развитой густой сетью сельских населенных пунктов и высокой трудовой занятостью. В Республике Калмыкия в силу национальных особенностей достаточно низка смертность от внешних причин и так называемых «социальных» заболеваний (алкоголизм, наркомания, новообразования, туберкулез и пр.), выше рождаемость и доля многодетных семей. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в Саратовской области.

Обсуждение

Депопуляция в российских условиях несет значительные отрицательные последствия: сокращение численности экономически активного населения приводит к дефициту трудовых ресурсов, снижение потребительской активности уменьшает объем сбыта готовой продукции, снижается предпринимательский, научный и социальный потенциал, увеличивается угроза социальной и экономической напряженности, запустения значительных территорий, исчезновения культурной идентичности и т.д. (Симагин, 2018).

Устойчивое развитие территории зависит не только от численности населения, но и от его размещения. Анализ плотности сельского населения в регионах выявил снижение заселенности в приграничных территориях, усиление поляризации вокруг. Сильная диспропорция в распределении населения в степной зоне (в масштабе страны эта территория входит в главный пояс расселения) влечет проблемы с последующим социально-экономическим развитием как каждого региона, так и страны в целом. Это нарушение или ослабление инфраструктурных и экономических связей, возникновение зон социального и хозяйственного «отчуждения» (Нефедова, 2018). Поэтому стремление к снижению темпов падения численности населения по всем группам причин и сглаживанию поляризованности территорий является положительным направлением перехода к устойчивому развитию.

В долгосрочной перспективе нет предпосылок значительного увеличения рождаемости, следовательно, для развития регионов необходимо сохранение и дальнейшее развитие человеческого потенциала — повышение качества жизни, ее продолжительности и снижение риска смертности в трудоспособном возрасте.

Заключение

Наиболее благоприятная ситуация для формирования устойчивого развития относительно демографических процессов сложилась в западных регионах степной зоны. Активная вовлеченность населения в высокопродуктивное сельскохозяйственное производство позволяет поддерживать достаточно высокий уровень жизни сельского населения, тем самым снижая смертность, увеличивая продолжительность жизни. Регионы азиатской части степной зоны — Курганская область и Алтайский край в силу своего недостаточно высокого экономи-

ческого развития теряют население как вследствие миграции, так и в результате сверхсмертности (особенно мужчин).

В современных условиях экономического развития и демографического перехода сбалансированному развитию территории способствует стабильный рост ожидаемой продолжительности жизни при снижении уровня смертности, особенно от внешних причин.

При разработке концепции перехода к устойчивому развитию на региональном уровне необходимо применение комплексного эколого-экономического подхода, учитывающего специфику распределения населения и хозяйственной деятельности. Необходима также активная поддержка социальной инфраструктуры, особенно в отдаленных и малонаселенных районах, где это не всегда экономически оправдано. Но прежде всего учреждения образования, здравоохранения и культуры формируют пространство для положительной динамики демографических процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Кирпичев В. В. Влияние демографических процессов на экономическое развитие сельских территорий России и ее регионов // Теория и практика социального развития. 2012 №. 2. С. 310–313.

Коковин П. А. Демографический фактор на пути к устойчивому развитию территории // Аграрный вестник Урала. 2017. № 3. С. 67–74.

Мерзлов А. В., Овчинцева Л. А., Попова Л. А. Региональный опыт разработки программ устойчивого развития сельских территорий. М. : Росинформагротех, 2012. 112 с.

Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М. : Новое Издательство, 2003. 405 с.

Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции структуры сельских поселений в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации географов и обществоведов России. 2018. № 7. С. 1–12.

Орлинский А. С., Хаванский А. Д. Экологический баланс и устойчивое развитие территорий. Подходы, методы и приложения. Саарбрюккен : Lap Lambert, 2011. 268 с.

Рожкова А. Ю. Устойчивое развитие региона как предмет исследования // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2011. № 1. С. 11–15.

Симагин Ю. А. ТERRITORIALНЫЙ ОХВАТ ИНТЕНСИВНОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ В РОССИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ. Народонаселение. 2018. № 21. С. 60–69.

Munasinghe M., Cruz V. Economic policy and environment. Experience and conclusions // World development report. World Bank, 1995. No 10. P. 86–91. doi: 10.1596/978-0-1952-1102-3

Myrskylä M., Kohler H., Billari F. Advances in development reverse fertility declines // Nature. 2009. No 460. P. 741–743. doi: 10.1038/nature08230

REFERENCES

- Kirpichev, V. V. (2012). Influence of demographic processes on the economic development of rural areas in Russia and its regions. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 310–313. (In Russ.).
- Kokovin, P. A. (2017). Demographic factor on the way to sustainable development of the territory. *Agrarian Bulletin of the Urals*, 3, 67–74. (In Russ.).
- Merzlov, A. V., Ovchintseva, L. A., & Popova, L. A. (2012). *Regional experience in developing programs for sustainable development of rural territories*. Moscow : Rosinformatmagotech. (In Russ.).
- Nefedova, T. G. (2003). *Rural Russia at the crossroads: Geographical essays*. Moscow : Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.).
- Nefedova, T. G. (2018). factors and trends of the structure of rural settlements in Russia. *Socio-economic Geography. Bulletin of the Association of Russian geographers and social scientists*, 7, 1–12. (In Russ.).
- Orlinsky, A. S., Khavansky, A. D. (2011). *Ecological balance and sustainable development of territories. Approaches, methods, and applications*. Saarbrücken : Lap Lambert. (In Russ.).
- Rozhkova, A. Yu. (2011). Sustainable development of the region as a subject of research. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 1, 11–15. (In Russ.).
- Simagin, Yu. A. (2018). Territorial coverage of intensive depopulation in Russia at the municipal level. *Population*, 21(1), 60–69. (In Russ.).
- Munasinghe, M., & Cruz, V. (1995). Economic policy and environment. Experience and conclusions. *World development report. World Bank*. 10, 86–91. doi: 10.1596/978-0-1952-1102-3
- Myrskylä, M., Kohler, H. & Billari, F. (2009). Advances in development reverse fertility declines. *Nature*, 460, 741–743. doi: 10.1038/nature08230

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Оксана Сергеевна Руднева — канд. геогр. наук, старший научный сотрудник ОФИЦ УрО РАН, Института степи УрО РАН, г. Оренбург, Россия.

Oxana S. Rudneva — Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher of the Orenburg Federal Research Center, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Александр Андреевич Соколов — канд. геогр. наук, старший научный сотрудник ОФИЦ УрО РАН, Института степи УрО РАН, г. Оренбург, Россия.

Alexander A. Sokolov — Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher of the Orenburg Federal Research Center, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Статья поступила в редакцию 21.03.2024;
одобрена после рецензирования 08.11.2024;
принята к публикации 15.11.2024.
The article was submitted 21.03.2024;
approved after reviewing 08.11.2024;
accepted for publication 15.11.2024.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-04

Образовательно-карьерные траектории в современных условиях: социологический анализ

Виктория Сергеевна Новикова¹

Светлана Геннадьевна Максимова²

¹РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, v1ctorr1a@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>

²РОСБИОТЕХ, Москва, Россия; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Аннотация. Статья посвящена анализу различий образовательно-карьерных траекторий представителей разных поколений. За основу разделения по поколениям взята теория Н. Хоу и У. Штрауса, а также В. В. Радаева. Под образовательно-карьерной траекторией понимается последовательность мотивированных жизненных выборов индивида в рамках образовательных и профессиональных институтов, влияющих на социально-трудовой статус индивида, опосредованных использованием своих возможностей и способностей. В статье анализируются дискурсы современной социологии, которые находят отражение в состоянии нынешнего рынка труда в связи с высокими темпами технологизации и автоматизации. Анализируются подходы Дж. Рифкина, А. Турена и О. Тоффлера. Так, рынок труда становится все более динамичным и гибким, а возможности для профессионального роста и самореализации расширяются. Это актуализирует исследование новых стратегий накопления профессионального капитала личности, мотивов образовательных выборов

молодого поколения и его отношения к карьере. На основе авторского исследования методом глубинного полуформализированного биографического интервью выявлены факторы образовательно-карьерных траекторий представителей трех возрастных групп: до 2003 г.р. (поколение Z), 1989–1998 г.р. (поколение Y), 1969–1979 г.р. (поколение X). Выявлено, что молодое поколение склонно к частой смене работодателя, совмещению нескольких деятельности одновременно, выбору образовательных курсов и стажировок с целью накопления профессиональных навыков и низкому горизонту планирования карьеры. В то время как старшее поколение ориентировано на более стабильные формы карьерной траектории, выбор высшего образования в качестве доминирующего. К общим для всех исследуемых поколений факторов, влияющих на смену вектора образовательно-карьерной траектории, можно отнести: склонность обучающегося в школе к интересующим предметам, поддержка родительской семьи, удовлетворенность полученным/получаемым образованием, установление слабых связей в процессе обучения, наличие целей и мотивов к профессиональной деятельности, материальное положение, пол. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных в сфере проектирования образовательных программ, HR, консалтинга, карьерного консультирования.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, профессиональный капитал, карьера, образовательно-карьерная траектория, поколения, технологизация, супериндустриальное общество

Для цитирования: Новикова В. С., Максимова С. Г. Образовательно-карьерные траектории в современных условиях: социологический анализ // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–70. doi: 10.14258/ssi(2025)1-04.

Educational and Career Trajectories in Modern Conditions: Sociological Analysis

Viktoria S. Novikova¹

Svetlana G. Maximova²

¹ ROSBIOTECH, Moscow, Russia, v1ctorr1a@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2845-0070>

² ROSBIOTECH, Moscow, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Abstract. The article is devoted to the analysis of differences in educational and career trajectories of representatives of different generations. The generational division is based on the theory of N. Howe and W. Strauss, V.V. Radaev. The educational and career trajectory is understood as a sequence of motivated life choices of an individual within the framework of educational and professional institutions that affect the social and labor status of an individual, mediated by the use of their capabilities and abilities. The article analyzes the discourses of modern sociology, which are reflected in the state of the current labor market due to the high rates of technologization and automation. The approaches of J. Rifkin, A. Touren and O. Toffler are analyzed. Thus, the labor

market is becoming more dynamic and flexible, and the opportunities for professional growth and self-realization are expanding. This actualizes the study of new strategies for accumulating professional capital of a personality, the motives of educational choices of the younger generation and their attitude to a career. Based on the author's research by the method of in-depth semi-formalized biographical interview, the factors of educational and career trajectories of representatives of three age groups have been identified: born before 2003 (generation Z), born in 1989-1998 (generation Y), born in 1969-1979 (generation X). It has been revealed that the younger generation is prone to frequent employer changes, combining several activities at the same time, choosing educational courses and internships in order to accumulate professional skills and a low career planning horizon. While the older generation is focused on more stable forms of career trajectory, the choice of higher education as the dominant one. The factors common to all the studied generations that influence the change in the vector of the educational and career trajectory include: the propensity of a student at school to study subjects of interest, parental family support, satisfaction with the education received, the establishment of weak connections in the learning process, the presence of goals and motives for professional activity, financial status, gender. The practical significance of the work lies in the possibility of using the data obtained in the field of educational program design, HR, consulting, and career counseling.

Keywords: professional self-realization, professional capital, career, educational and career trajectory, generations, technologization, superindustrial society

For citation: Novikova, V. S., Maximova, S. G. (2025). Educational and Career Trajectories in Modern Conditions: Sociological Analysis. *Society and Security Insights*, 8(1), 55–70. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-04.

Введение

Современные тенденции технологизации создают новые условия для всех сфер общественной жизни. Стремление к гибкому заработка, популяризация знаний и информации в постиндустриальном мире, развитие коммерческого сектора образовательных услуг и высокие темпы развития технологий создают новые возможности для индивида. занятость личности трансформируется как в рыночном, так и в государственном секторах. Это происходит за счет активно появляющихся отраслей экономики, что порождает процесс исчезновения старых. Примером могут выступать NBIC-технологии и умные системы управления.

Общество погружено в ускоренную и нестабильную систему, где выбор и реализация карьерного пути может осуществляться нелинейно и непредсказуемо. Появляются новые, гибкие формы занятости по типу проектной работы, самозанятости, фриланса. Согласно исследованию Национальной гильдии фрилансеров, в 2020 г. фриланс рассматривали как подработку 75% респондентов, в то время как в 2024 г. большинство (65%) уже отмечает данную форму занятости в качестве основной (Переселкова, 2024: 89).

Молодежь перестает воспринимать стабильность как ценность, а карьерные траектории становятся нелинейными и хаотичными. Частая смена работодателей и сфер деятельности становится нормой, обусловленной поиском наиболее выгодных условий и профессионального развития. Человек, выходя на рынок

труда, может не следовать предполагаемой траектории и не относить себя к иерархичным структурам. Для самообеспечения человеку достаточно обладать узкопрофильным набором знаний, которые могут быть приобретены не только с помощью получения многоступенчатого образования. Путь к профессиональной самореализации становится более вариативным.

Современные мобильные формы занятости можно рассмотреть через концепцию Г. Стэндинга, в которой «статус временного работника заключает в себе главную характеристику прекариата» (Стэндинг, 2014: 23). К основным характеристикам прекариата относятся нестабильный доход, отсутствие социальных гарантий и незащищенность труда в целом. Сравнивая 60-е гг. XX в. и современное состояние рынка труда, Г. Стэндинг отмечает, что раньше за всю трудовую карьеру работник в среднем менял четырех работодателей, в то время как сейчас число может доходить до девяти в возрасте 30 лет (Стэндинг, 2014: 70).

В таких условиях организации сталкиваются с необходимостью пересмотра кадровой политики. Несмотря на сокращение уровня безработицы в стране, организации сталкиваются с «кадровым голодом»¹. Удержание молодых сотрудников требует создания благоприятных условий труда, включая гибкий график, корпоративное обучение и развитие нематериальной мотивации. О. Тоффлер, описывая супериндустриальное общество, делал акцент на новом типе организационной структуры — адхократии, обладающей необходимой гибкостью для успешной адаптации к новым условиям (Тоффлер, 1980).

В этой связи образовательная система также претерпевает трансформацию. Образование используется для реализации практических целей и воспринимается как услуга, а не как социально-значимое благо: «смысл извлечения прибыли занял место смысла совершенствования личности и обеспечения долгосрочной жизнеспособности и развития всего общества» (Лёвкин и др., 2020: 9). Согласно исследованию Института образования НИУ ВШЭ, основной мотивацией при выборе высшего образования выступают следующие факторы: поиск хорошо оплачиваемой работы (67%), формирование себя как востребованного специалиста на рынке труда (45%), построение карьеры и достижение успеха (40%), получение фундаментальных знаний (20%)². При этом государственные образовательные организации не успевают за динамикой рынка труда. У высшего образования появляются конкурентоспособные альтернативы в виде онлайн-курсов, онлайн-платформ, корпоративных университетов, среднего профессионального образования и др. Традиционная образовательная модель постепенно уходит в прошлое, уступая место персонализированным образовательным траекториям.

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Заседание круглого стола ВЦИОМ и Деловой России «Как избежать кадрового голоды?». 2024. URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/zasedanie-kruglogo-stola-vciom-i-delovoi-rossii-kak-izbezhat-kadrovogo-goloda-2>

² Влияние образования на карьерную траекторию: систематический обзор исследований, выполненный Институтом образования НИУ ВШЭ. 2023. URL: <https://education.yandex.ru/project/educational-choice>

Поскольку современное общество динамично, то и работник должен уметь подстраиваться под скоротечность и неопределенность. Накопление профессионального капитала теперь происходит посредством освоения компетенций в рамках нескольких видов деятельности одновременно. Традиционная модель «школа — вуз — работа» уходит в прошлое и дает меньше гарантий в отличие от адаптивной стратегии совмещения обучения в вузе и работы, стажировок, дополнительных курсов (или отказа от получения высшего образования и рассмотрения работы в качестве основного источника получения навыков и компетенций).

Теоретико-методологические основы изучения образовательно-карьерных траекторий в современных условиях

Н.Л. Полякова отмечает, что общество в привычном для нас виде оформилось в конце XX в. в результате ряда трансформаций (Полякова, 2009). Разрыв новых и предшествующих социальных институтов находит отражение в теоретических дискурсах современной социологии, нацеленных на формулировку новых свойств и процессов, определяющих общества конца XX — начала XXI в.

К теоретикам дискурса «культуры эндиизма» можно отнести Дж. Рифкина. Он описывает переход на новую ступень общественного развития и выделяет характеристики современного посттрудового общества (Rifkin, 1996). Новая ступень общественного развития характеризуется глобальным пересмотром ценности человеческого труда в связи с возрастающим технологическим прогрессом. Так, подход Дж. Рифкина предполагает контроль человеческих ресурсов в условиях пострыночной эпохи на государственном уровне с упором на справедливость и равенство. Он, подобно К. Марксу, опасается, что несправедливое распределение появившихся технологических благ и избытков производства может привести к политической нестабильности в глобальном масштабе.

Стоит также отдельно обозначить теоретиков дискурса постиндустриализма и информационного общества. Базовым термином А. Турена является «программируемое общество»: «Принципиальное отличие программируемого общества от капиталистического индустриализированного состоит в том, что социальный конфликт определяется уже не рамками фундаментального экономического механизма, а совокупностью всех социально-экономических отношений» (Touraine, 1971). Эта тенденция расширяет трудовые возможности индивида, определяя его образовательно-карьерную траекторию не только экономическими показателями, но и социальным и культурным капиталами.

Опираясь на концепцию личностных капиталов П. Бурдье (2002), можно раскрыть их виды применительно к карьере. К экономическому капиталу относится непосредственно рабочая сила. Социальный капитал в этом ключе представляет собой совокупность включенности работника в социальную жизнь фирмы, потенциальных деловых взаимодействий вне корпорации. Культурный капитал подразумевает наличие габитуса у работника, другими словами, системы определенных действий исходя из сформированной системы ценностей по типу образования и дальнейшей карьеры. Символический капитал, в свою очередь, интегри-

ирует экономический, культурный и социальный, формируя авторитет, престиж и репутацию работника.

К последователям П. Бурдье можно отнести В. Чудзиковски и В. Майрхофера, которые рассматривают понятия карьерного габитуса (Chudzikowski, Mayrhofer, 2011). Под карьерным капиталом понимаются те ресурсы, которые использует актор для функционирования в своем карьерном поле. Он раскрывается через понятия суперполя, поля и субполя. Под первым понимается абстрактное пространство, которое в контексте карьеры рассматривается как рынок труда в целом и пространство для конкуренции. В свою очередь, субполя и поля — это более специализированные и узкопрофильные сферы трудовой деятельности и конкретные организации.

Концепцию карьерного, или профессионального, капитала также необходимо рассматривать сквозь призму теории человеческого капитала (Becker, 1962). Карьера в этом случае рассматривается как приобретение знаний, умений и навыков в результате образовательных и профессиональных выборов. В 1990-е гг. российские ученые начали активно изучать отдельные аспекты теории человеческого капитала, его структуру, формирование и развитие. С. А. Дятлов рассматривает человеческий капитал как совокупность ресурсов, которые человек накопил благодаря инвестициям в свое развитие. Эти ресурсы включают в себя здоровье, знания, умения, навыки и мотивацию (Дятлов, 1966: 22). Тем не менее разные исследователи вкладывают в понятие «человеческий капитал» различные характеристики. С. Г. Караткевич берет за основу фактор образовательных учреждений и родительской семьи (Караткевич, 2011: 54). С точки зрения Е. А. Маклаковой, человеческий капитал включает совокупность характеристик, которые можно объединить в несколько групп: физиологические характеристики, характеристики профессиональных компетенций (уровень образования, уровень квалификации, компетенции), характеристики психического развития, характеристики личности (Маклакова, 2010: 58).

Таким образом, в рамках использования концепции профессионального капитала на данный момент не существует четко сформированных, универсальных современных моделей. Эта концепция нуждается в систематизации и актуализации существующих компетенций, что позволяет более точно оценивать тренды, формируемые молодым поколением.

Можно утверждать, что в результате построения карьерной траектории человек формирует свой собственный профессиональный капитал в течение всей жизни. А. Я. Кибанов, сторонник процессуального подхода изучения карьеры, определяет профессиональную карьеру как динамическое явление, постоянно изменяющийся и развивающийся процесс (Кибанов, Дуркова, 2011). Схожим по смыслу и контексту является определение Т. Ю. Базарова: «результат осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанный с должностным или профессиональным ростом» (Базаров, 2002).

Карьера прежде всего подразумевает активность субъекта посредством его выборов на жизненном пути и сформированного мировоззрения. Субъектив-

ный личностный аспект наиболее полно раскрывается в рамках социально-психологического подхода к карьере (Михайлова, 1977). Результатом в этом случае является достижение профессиональной самореализации личности, которая «означает ее высокий профессионализм, успешность профессионального самоопределения, карьерный рост» (Гаврилова, 2015: 19). Она делится на три ключевых компонента: целевой, ресурсный и феноменологический.

С точки зрения социологического подхода карьеру можно рассматривать сквозь призму парадигмы мобильностей, а именно через изменения стратификационных позиций индивида и социального статуса (Сорокин, 1992). Парадигма мобильностей на сегодняшний день акцентирует внимание на пространственном и мобильном перевороте, концепции мгновенного времени Дж. Урри в связи с высокими темпами глобализации (Урри, 2012). Основным тезисом выступает снижение темпов вертикальной мобильности в сторону горизонтальной. Анализом и разработкой классификации и деления профессиональных групп занимался Дж. Голдторп, который акцентировал свое внимание на межпоколенном сравнении возможностей вертикального перемещения, приходя к выводу о росте горизонтального перемещения и молодого поколения (Goldthorpe, 1982).

Исследования представителей «новой карьерной теории» (Ибарра, 2005; Хоффман, 2013; Hall, 2002) показывают уход от традиционной линейной модели развития карьеры (образование — занятость — уход на пенсию). Из этого следует, что не стоит игнорировать значимость новых карьерных и профессиональных траекторий развития в виде свободных и смешанных. Под свободными формами подразумеваются работа на неполную ставку, предпринимательство, самозанятость, консультирование и волонтерство.

Подводя итог, сформулируем социальные и социально-психологические характеристики карьеры, которые выступили в качестве основных критериев для анализа образовательно-карьерных траекторий: индивидуальные устремления и мотивы, возможности и способности личности, профессиональные параметры по типу ступеней образования и опыта работы, социальный капитал и неформальные социальные связи.

Методы исследования

Для раскрытия темы была поставлена цель реализации сравнительного анализа построения образовательно-карьерной траектории и горизонта планирования у различных поколений. Основным методом выступило глубинное полуформализованное биографическое интервью. Далее осуществлялся контент-анализ транскриптов интервью на основе кодировки по выделенным в результате теоретического обзора показателям. Интервью проводилось в 2024 г. и включало в себя следующие блоки вопросов: налаживание контакта, образовательная траектория, профессиональная траектория, ожидания и представления об идеальной работе, социально-демографические характеристики. Эмпирической базой исследования выступили 46 респондентов из Москвы, разбитые на три возрастных интервала: до 2003 г.р. (поколение Z), 1989–1998 г.р. (поколение Y), 1969–1979 г.р. (поколение X).

ление X). Обоснование выделения данных возрастных диапазонов можно найти в статье В. С. Новиковой (2024). Стоит отметить, что для более детального анализа поколенческих различий не учитывались представители переходного поколения, стоящие на стыке возрастных интервалов, поскольку они могут обладать характеристиками двух поколений одновременно.

Результаты исследования

Ценность высшего образования у представителей старшего поколения сохранялась и в возрасте 30 лет. Так, уже во время работы по специальности респонденты обращались к традиционным формам обучения.

Ну, высшее учебное заведение я заканчивала чуть позже, потому что сразу как-то я поленилась пойти. И большая нагрузка на работе у меня была... И я пошла для того, чтобы карьерный рост был какой-то. И просто курсы по повышению квалификации — это немножко не то. Хотелось такого качественного образования, хорошего (Жен., 54).

В то время как респонденты без высшего образования, относящиеся к поколению Y, не ориентированы на его получение в обозримой перспективе. Данная тенденция частично актуализирует снижение востребованности высшего образования в связи с появлением конкурентоспособных альтернатив в виде краткосрочных практических курсов, курсов повышения квалификации и переподготовки.

Я после армии пришел и понял, что хочу идти на философский факультет ... в целом просто было интересно. Потом я и в этом разочаровался и просто ушел из института... в целом у меня система образования, которая вот такая, я не могу в ней нормально вариться (Муж., 25).

На смену вектора образовательно-карьерной траектории влияет неудовлетворенность полученным/получаемым образованием. Она характерна для тех, кто поступал для получения «корочки», не соотнеся выбранное направление подготовки с собственными интересами и ценностями, желаемой профессией. В этом случае, несмотря на проявление интереса в школе к конкретным предметам, профессиональный вектор может смениться ближе к 30 годам (для поколения Y).

Но корочка есть корочка, корочку иметь надо... У меня специальность вузовская — это менеджер по управлению человеческими ресурсами, как продвинутый кадровик. ... Я сейчас работаю бухгалтером в благотворительном фонде (Жен., 29).

Неудовлетворенность образованием может быть обусловлена отсутствием практических навыков для трудоустройства и перспективной работы в будущем.

К сожалению, магистратура слишком теоретическая и довольно оторвана от практики. И, кстати, в магистратуру я пошла не на мехмат, я пошла на эконом. И даже там, несмотря на все, что там происходило, несмотря на прекрасных преподавателей, многие остались в прошлом веке, нет практического применения (Жен., 36).

Отказ от получения высшего образования может формировать неосознанные профессиональные выборы с целью заработка, где образование в работе не имеет личностных смыслов.

Я работал уже, пока в колледже находился... После колледжа четыре года откисал, ничего не делал, ну как ничего, работал, искал себя, не знал, чем хочу заниматься (Муж., 27).

На этапе выбора образовательного учреждения отмечается важность поддержки родителей. При проявлении заинтересованности родителей в самореализации своих детей, сопровождающейся вниманием, помощью и поддержкой, вероятность удовлетворенности образованием и профессией в будущем возрастает.

Мне кажется, даже 50% моих каких-то достижений и успехов в моей области — это поддержка моей семьи... На данный момент всё, что я прошла и получила от университета, — в целом да, я довольна, я не жалею, что выбрала именно его (Жен., 21).

Если же родители демонстрируют авторитаризм и принципиальность, игнорируя интересы и способности ребенка, его дальнейшая трудовая деятельность будет хаотичной. Под хаотичностью карьерной траектории понимается частая смена не только работодателя, но и сферы деятельности (без углубления в определенную профессию). В данном случае респондентам требовалось больше времени на самоопределение посредством трудовой деятельности в период ранней взрослости. Так, вместо формирования вертикальной или горизонтальной карьеры в возрасте 20–30 лет респонденты продолжали искать точку входа в профессию.

Я помню, что я говорила маме, почему ты вообще считаешь, что я хочу быть дизайнером? Она говорит, а кем ты хочешь быть? И я на тот момент ей произнесла другие профессии... На что мама сказала, ты какую-то вот эту вот не рассказывай мне, будешь дизайнером. Ну, соответственно платила мама. Соответственно сейчас я не дизайнер. И всё (Жен., 26).

Однако, несмотря на включенность родителей в интересы ребенка и помочь в выстраивании его образовательно-карьерной траектории, смена профессионального вектора может произойти ситуативно, под влиянием случая или знакомых.

Возможно, что на первых курсах еще входила работа по профессии, а потом я поработала пару лет по специальности, и я поняла, что это вообще не то, чем я хочу заниматься... Потом, когда я уже закончила магистратуру и передо мной встал выбор, чем заниматься дальше... И случайно познакомилась с девочкой, которая мне рассказала про такую профессию, как ИТ-рекрутер (Жен., 27).

29 респондентов из 46 отметили, что у них был случай, который повлиял на карьерную траекторию. К «случаю» респонденты относили как неожиданные предложения о смене работы, так и установление ранних слабых связей. Говоря о последнем, можно отметить сильное влияние социального капитала (наработанного в течение обучения в вузе и в предыдущих местах работы) на возможное предложение о трудоустройстве в будущем. В основном подобные случаи отмечали представители поколений X и Y.

К «случаю» представители старшего поколения также отнесли и макропроцессы, происходящие в связи с социально-экономической ситуацией государства:

Мы попали в переломный момент для страны. Это был 1991 год, когда уже имевшимся сотрудникам не находилась работы, а нас выпускали без распределений, соответственно мы выходили просто в никуда (Жен., 54).

Стоит отметить, что немаловажным фактором при выстраивании образовательно-карьерной траектории также выступает сама профессиональная сфера. Так, респонденты, обладающие линейной траекторией, отмечали, что основная их мотивация — это работа «по призванию». В частности, это относится к профессии учителей, воспитателей и медицинских работников.

В свою очередь, обучающиеся (и отучившиеся) на социогуманитарных направлениях подготовки, очень часто прибегают к курсам по дополнительному образованию и стажировкам в качестве карьерного лифта, находясь в поиске профессии. Дополнительное образование влияет скорее на горизонтальную мобильность. Социально-гуманитарная сфера достаточно широка и разнообразна. В связи с этим обучающийся может неограниченно совершенствовать свои знания в смежных областях. В то же время для поколения Z дополнительное образование выступает инструментом освоения универсальных навыков, применимых в любой сфере, на основе их личного интереса.

Я сейчас прохожу курсы в Contented по Фигме, несмотря на то что учусь на бизнес-аналитика... Мне эта сфера просто интересна для получения каких-то навыков и, наверное, личностного развития (Жен., 21).

Наиболее распространенным трендом у поколения Y выступает совмещение высшего образования с курсами, что повышает конкурентоспособность на рынке труда. Например, при получении географического высшего образования параллельно с IT-курсами открывается возможность выбрать профессию геоаналитика:

Перед устройством на работу я обучался на курсах от другой компании, которая специализируется в сфере IT... Сейчас занимаюсь аналитикой данных с уклоном в программирование и работаю с геоинформационными системами и данными на карте, что в достаточной степени соответствует моей специализации и тем знаниям, навыкам, которые я частично приобрел в процессе обучения в университете (Муж., 29).

Поколение X также использует формы повышения квалификации. Различие заключается в выборе не сторонних курсов крупных образовательных платформ, а скорее корпоративных университетов.

У нас внутри банка развитая корпоративная история обучения. Я методолог, то есть я как раз и занималась разработкой обучения для работников банка, пришедших в ту сферу, где я работаю... На предыдущей работе я со стороны потребителя этих курсов была, тогда и поняла, что мне это ближе... (Жен., 48).

Отношение к фрилансу у разных поколений дифференцируется: поколение X рассматривает его в качестве продолжения профессиональной самореализации после достижения пика карьеры в собственной компании, поколение Y смотрит на него как на дополнительный заработок, в то время как поколение Z прибегает к фрилансу как к основному источнику дохода (при совмещении с учебой).

Если бы у меня было много пассивного дохода, я бы не работала. Точнее я бы работала на фрилансе себе в удовольствие. Каким-нибудь консультантом (Жен., 45).

Что касается фриланса... Достаточно заманчивое предложение. Иногда из-за нехватки заработка приятно участвовать в каких-то кратковременных активностях (Муж., 25).

Подработка у меня есть... Моя работа удаленная, график ненормированный, наверное, где-то часов 20 в неделю... Я делаю что-то, что может быть полезно людям в дальнейшем, и к моей сфере это близко (Муж., 19).

Наиболее значимыми факторами, вне зависимости от поколения, являются: снижение заработной платы и разногласия с руководством (отсутствие «общего языка»). При этом поиск работы у старшего поколения определялся прежде всего уровнем заработной платы и престижем, а миллениалы отмечали также стремление решать интересные задачи.

Престижная или непрестижная работа — все профессии важны, все профессии нужны, вот, но просто где-то платят побольше (Муж., 26).

В целом при поиске работы для меня приоритетом была не только зарплата, но и возможность влиять на процессы, принимать решения и видеть их результаты... Искал работу я, скорее всего, исходя из того, насколько она соответствует моим интересам и дает возможность влиять на процессы (Муж., 32).

Что касается мотивов поиска работы — выявлены скорее гендерные различия, а не поколенческие. Мужчины более ориентированы на руководящие должности и увеличение дохода, чем женщины. Женщины склонны выстраивать горизонтальную карьерную траекторию: либо смена направления деятельности в рамках одной компании, либо сохранение сферы деятельности со сменой компании. Это хорошо прослеживается в ответах о предполагаемом пике карьеры:

Пик — это просто постоянно рост, рост оборота прибыли, увеличение заказов, доходов, рост численности компании, фундаментальность этой компании, чтобы она уже более серьезной становилась. Но я генеральный директор. Выше я не могу занять себя в этой компании и перерости (Муж., 51).

Ну, я не могу сказать, что я там в своем возрасте какую-то карьеру собираюсь сделать. Я в принципе не карьерист. Мне это не нужно было, потому что у меня в приоритете всегда была семья (Жен., 54).

Стоит отметить, что молодое поколение, отвечая на вопрос о пике карьеры, скорее затрудняется ответить, что свидетельствует о низком горизонте планирования (исключение составляют обучающиеся медицинских вузов).

При анализе профессиональной траектории респондентов необходимо было выявить частоту смены работы в зависимости от принадлежности к поколению. В результате описанные Г. Стэндингом трансформации занятости нашли отражение в анализируемых интервью. Представители поколения X в среднем меняли работодателей трижды за карьеру, в то время как поколение Y меняет работу в среднем раз в 2 года.

Я, скорее всего, все-таки не менял часто, и вообще я как бы чем начал заниматься после учебы, тем и занимаюсь сейчас. Просто раньше я был наемным сотрудником, потом я там развился, и потом уже на базе того, что я развился и получил связи ... уже в этой же сфере дальше сам начал действовать (Муж., 53).

Молодое поколение, опасаясь упущеных возможностей, стремится реализоваться в нескольких профессиях одновременно. Данную тенденцию можно рассмотреть как с положительной, так и с негативной точки зрения. С одной стороны, это может повлиять на отсутствие глубоких познаний в одной сфере. С другой — это дает шанс овладения новыми профессиями на рынке труда, для которых в вузах еще не разработаны образовательные программы. Эта тенденция может быть вызвана недостаточным информированием школьников о профессиях: их ожидания от будущей работы расходятся с реальностью, что мотивирует их искать иные сферы применения своих навыков. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что необходима ранняя осознанная профориентация в школе, где учитываются личностные характеристики и повышение информированности о современных междисциплинарных профессиях.

Обсуждение и заключение

В результате анализа теоретико-методологических основ изучения карьеры определена специфика современного посттрудового общества. На основе анализа работ теоретиков дискурсов конца трудового общества, постиндустриализма, информационного общества выявлено, что сфера труда характеризуется ростом динамичности и гибкости, путь к профессиональной самореализации также становится более вариативным.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что традиционная модель карьерного развития, предполагающая последовательное вертикальное продвижение, уступает место более гибким и динамичным формам карьерного роста с частой сменой как места работы, так и сферы деятельности (или их совмещения). Представители поколения X стремятся к стабильности, в то время как поколения Y и Z ориентируются на самореализацию и разнообразие профессиональных ролей, что отражает их потребность в автономии и гибкости в профессиональной сфере.

Для представителей поколений X и Y характерен тип карьерного движения, обозначаемый как «спиральная модель», при котором изменение профессионального статуса происходит примерно каждые 5–7 лет. У поколения X наблюдается тенденция к предпочтению стабильности и устойчивости в карьере, что связано с социально-экономическими факторами (в первую очередь, политические и экономические кризисы, которые им пришлось пережить) и воспитанием. В то время как для миллениалов характерен преобладающий мотив саморазвития и проявления креативности в профессиональной сфере. Представители поколения Z, в свою очередь, склонны к модели «переходная карьера», при которой наблюдается частая смена сфер деятельности (в среднем раз в 1–4 года) либо одновременное осуществление нескольких видов профессиональной деятельности с целью обеспечения свободы выбора и автономности в карьерном планировании.

В этом контексте дальнейшие исследования должны сосредоточиться на изучении конкретных стратегий адаптации к новым реалиям рынка труда и на возможностях управления карьерными траекториями в условиях нестабильности и неопределенности, что будет способствовать формированию эффективных образовательных и профессиональных программ, ориентированных на запросы современного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Базаров Т. Ю., Еремина Б.Л. Управление персоналом : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 2002. 560 с.
- Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
- Гаврилова Е. А. Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации»: разработка, описание и психометрия // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология, 2015. № 3. С. 19–34.
- Дятлов С. А. Теория человеческого капитала. Санкт-Петербург: СПбУЭФ, 1996. 141 с.
- Ибарра Э. Обретая Я. Неординарные стратегии, изменяющие карьеру. СПб. : Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 237 с.
- Караткевич С. Г. Методы формирования и оценки человеческого капитала социотехнических систем // Вопросы экономики и права. 2011. № 7. С. 54–58.
- Кибанов А. Я., Дуркова И. Б. Управление персоналом организации. Стратегия, маркетинг, интернационализация. М. : Инфра-М, 2011. 312 с.
- Лёвкин В. Е., Лёвкина А. О., Доценко Е. Л., Волосникова Л. М. Смысл образования: развитие или оказание услуг? // Образование и наука. 2020. № 4. С. 9–42. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-4-9-42
- Маклакова Е. А. Человеческий капитал: понятие, оценка, учет // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 56–69.
- Михайлова Г. Б. Понятие карьеры в психологической науке // Психологические проблемы профессиональной деятельности кадров государственной службы. М. : НИТИ, 1997. 400 с.
- Новикова В. С. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 4. С. 128–143. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143>
- Переселкова З. Ю. Фриланс как вид трудовой занятости на российском рынке труда: социологический анализ // Социология. 2024. № 7. С. 89–92.
- Полякова Н. Л. Образ современных обществ в социологической теории конца XX — начала XXI в. // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 2. С. 128–143.
- Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество. М. : Изд-во политической литературы, 1992. С. 297–307.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.

- Тоффлер Э. Третья волна, 1980. М. : ACT. 2010. 784 с.
- Урри Дж. Мобильности. М. : Практис, 2012. 576 с.
- Хоффман Р. Жизнь как стартап: Страй карьеру по законам Кремниевой долины. М. : Альпина Паблишер, 2013. 237 с.
- Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, no. 5. P. 9–49.
- Chudzikowski K., Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice // Human Relations. 2011. Vol. 64, no. 1. P. 19–36.
- Goldthorpe J. H. On the Service Class, its Formation and Future // Social Class and the Division of Labour. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. P. 162–185.
- Hall D. T. Careers In and Out of Organizations. Thousand Oaks, Calif. : Sage. 2002. 345 p.
- Rifkin J. The End of Work. The decline of the global labor force and the dawn of the post-market era. N.Y., 1996. 350 p.
- Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society N.Y. : Random House. 1971. 244 p.

REFERENCES

- Bazarov, T. Yu., Eremina, B. L. (2002). *Personnel Management: A textbook for universities*. Moscow : YuNITI. (In Russ.).
- Bourdieu, P. (2002). Form of Capital. *Ekonomicheskaya Sociologiya*, 3(5), 60–74. (In Russ.).
- Gavrilova, E. A. (2015). Diagnostics instruments “Type and Level of Professional Self-Realization”: Development, Description and Psychometrics. *Vestnik TvGU. Seriya: Pedagogika i Psichologiya*, 8(3), 19–34. (In Russ.).
- Dyatlov, S. A. (1996). *Theory of human capital*. St. Petersburg: SPbUEF. (In Russ.)
- Ibarra, H. (2005). *Flapping I. Extraordinary Career-Changing Strategies*. St. Petersburg: Stokgol'm. shk. ekonomiki v Sankt-Peterburge. (In Russ.).
- Karatkevich, S. G. (2011). Methods of Formation and Assessment of Human Capital of Sociotechnical Systems. *Voprosy ekonomiki i prava*, 7, 54–58. (In Russ.).
- Kibarov, A. Ya., Durkova, I. B. (2011). *Personnel Management of the Organization. Strategy, Marketing, Internationalization*. Moscow : Infra-M. (In Russ.).
- Lyovkin, V. E., Lyovkina, A. O., Docenko, E. L., Volosnikova, L. M. (2020). The Idea of Education: Development or Service Delivery? *The Education and Science Journal*, 4(22), 9–42. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-4-9-42 (In Russ.).
- Maklakova, E. A. (2010). Human Capital: Concept, Assessment, Accounting. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 1(1), 56–69. (In Russ.).

- Mikhailova, G. B. (1997). The Concept of a Career in Psychological Science. In: *Psychological problems of professional activity of civil service personnel*. Moscow : NITI. (In Russ.).
- Novikova, V. S. (2024). Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Generations: a Comparative Analysis. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 16(4), 128-143. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-128-143> (In Russ.).
- Pereselkova, Z. Yu. (2024). Freelancing as a Type of Employment in the Russian Labor Market: Sociological Analysis. *Sociologiya*, 7, 89–92. (In Russ.).
- Polyakova, N. L. (2009). The Image of Modern Societies in the Sociological Theory of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 2, 128–143. (In Russ.).
- Sorokin, P. (1992). Social and Cultural Mobility. In: *Chelovek, civilizaciya, obshchestvo*. Moscow : Izd-vo politicheskoy literature, 297–307. (In Russ.).
- Standing, G. (2014). *The Precariat: a New Dangerous Class*. Moscow : Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Toffler, E. (1980). *The Third Wave*. Moscow : AST. (In Russ.).
- Urry, J. (2012). *Mobility*. Moscow : Praxis, 2012. (In Russ.).
- Hoffman, R. (2013). *Life as a startup: Build a career according to the laws of Silicon Valley*. Moscow : Alpina Publisher. (In Russ.).
- Becker, G. S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, 70(5), 9–49.
- Chudzikowski, K., Mayrhofer, W. (2011). In Search of the Blue Flower? Grand Social Theories and Career Research: The Case of Bourdieu's Theory of Practice. *Human Relations*, 64(1), 19–36.
- Goldthorpe, J. H. (1982). On the Service Class, its Formation and Future. In: *Social Class and the Division of Labour*. Cambridge : Cambridge University Press, 162–185.
- Hall, D. T. (2002). *Careers In and Out of Organizations*. Thousand Oaks, Calif. : Sage.
- Rifkin, J. (1996). *The End of Work. The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. N.Y.
- Touraine, A. (1971). *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. N.Y. : Random House.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Виктория Сергеевна Новикова — аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Viktoria S. Novikova — graduate student at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025;
одобрена после рецензирования 15.02.2025;
принята к публикации 15.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 15.02.2025;
accepted for publication 15.02.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-05

Деятельность некоммерческих организаций по решению социальных проблем жителей Заонежья: результаты разведывательного исследования

Юлия Александровна Петровская¹

Ольга Владимировна Федосеева²

¹Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, julia_petrovskaya85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6923>

²Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, ovo.fedoseeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты разведывательного исследования, проведенного в рамках комплексной научной экспедиции «Кижи-2024» с участием преподавателей и студентов ПетрГУ, посвященного вопросам влияния деятельности некоммерческих организаций, действующих на территории Заонежья, на решение социальных проблем местных сообществ. В ходе исследования с использованием комплекса методов определялись особенности территории, структуры населения и специфика социальной инфраструктуры; анализировалась деятельность не просто зарегистрированных, а реально действующих на территории Заонежья немногочисленных НКО, осуществлялась их типологизация, были определены основные достижения с точки зрения решения проблем местных жителей; определен уровень информированности и ожидания населения относительно деятельности этих НКО; определена степень вовлеченности местных жителей Заонежья в деятельность общественных организаций. В результате исследования мы приходим к выводу о том, что решение проблем Заонежья возможно только путем межсекторного взаимодействия при деятельном участии региональных властей. Существующие в настоящее время в Заонежье общественные организации не имеют достаточных для этого ресурсов и в большинстве случаев не ставят таких целей. Значительная часть из них может быть отнесена к категории клубных, существует лишь как форма организации занятости их участников и способ дополнительного привлечения средств для реализации собственных инициатив.

Ключевые слова: НКО, общественные организации, местное сообщество, малозаселенные территории, повседневность, Заонежье, социальные проблемы

Для цитирования: Петровская Ю. А., Федосеева О. В. Влияние деятельности некоммерческих организаций на повседневность жителей Заонежья: результаты разведывательного исследования // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 71–85. doi: 10.14258/ssi(2025)1-05.

The Activity of Non-Profit Organizations in Solving the Social Problems of Zaonezhye Residents: the Results of an Intelligence Study

Yuliya A. Petrovskaya¹

Olga V. Fedoseeva²

¹Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, julia_petrovskaya85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6923>

²Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ovo.fedoseeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the intelligence study conducted within the framework of the integrated scientific expedition «Kizhi-2024» with the participation of teachers and students of PetrSU, devoted to the impact of the activities of non-profit organizations operating in the Zaonezhye region on solving social problems of local communities. In the course of the study, using a set of methods, the features of the territory, the structure of the population and the specifics of the social infrastructure were determined; the activities of not just registered, but actually operating in the territory of Zaonezhye, a few NGOs were analyzed, their typologization was carried out, the main achievements in terms of solving the problems of local residents were identified; the level of awareness and expectations of the population regarding the activities of these NGOs was determined; the degree of involvement of local residents of Zaonezhye in the activities of public organizations was determined. As a result of the research, we come to the conclusion that solving the problems of the Zaonezhye region is possible only through intersectoral interaction with the active participation of regional authorities. Currently existing public organizations in Zaonezhye do not have sufficient resources for this and in most cases do not set such goals. A significant part of them can be classified as club ones, they exist only as a form of organizing the employment of their participants and a way to attract additional funds for the implementation of their own initiatives.

Keywords: NGOs, public organizations, local community, sparsely populated areas, everyday life, Zaonezhye, social problems

For citation: Petrovskaya, Yu. A., Fedoseeva, O. V. (2025). The Activity of Non-Profit Organizations in Solving the Social Problems of Zaonezhye Residents: the Results of an Intelligence Study. *Society and Security Insights*, 8(1), 71–85. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-05.

Введение

Актуальность темы влияния деятельности некоммерческих организаций на решение социальных проблем местных сообществ связана с компенсаторной функцией гражданского общества, «закрывающего» на основе самоорганизации лакуны, образовавшиеся в силу разных причин в деятельности государства как социального института. Различные социальные проблемы становятся стимулом

для самоорганизации, и в том числе создания НКО. Но логическая цепочка «много проблем» — «много НКО», и уж тем более — «много альтруистических НКО», которую можно было бы предположить, на практике не реализуется. Значимость исследуемой темы в условиях Республики Карелия обусловлена тем, что, несмотря на положительную экономическую динамику последних лет, регион имеет целый ряд острых социальных проблем, составляющих широкое поле деятельности для общественных организаций и объединений. Среди особенностей внешней среды, в условиях которой функционируют некоммерческие организации региона, можно выделить следующие.

Качество жизни в Республике Карелия в последнее время, согласно ежегодному рейтингу, составляемому Центром экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня», несколько выросло: в 2022 г. Карелия набрала 41,009 рейтинговых балла, а в 2023 г. — 41,937 (однако в общем списке регионов Республика Карелия при этом сместилась с 73-го места на 74-е¹). В итоговом рейтинге российских регионов в 2024 г. Карелия находится на 70-м месте. Рейтинг составлен на основе 67 показателей качества жизни, среди которых социально-экономическое положение, состояние рынка труда, материальное благополучие населения, научно-технологическое развитие и приверженность жителей здоровому образу жизни².

Следует также учитывать социально-экономические характеристики региона. В республике наблюдается высокая концентрация граждан пенсионного возраста, лиц с ОВЗ и инвалидов и населения с низким уровнем доходов. Согласно данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия за 2023 г., население региона составляет 523 856 чел.: городское — 79,9%, сельское — 20,1%, нетрудоспособное население — 44,07%. При этом численность населения с денежными доходами ниже границы бедности составляет около 10%. Основная часть населения республики сосредоточена в региональном центре — Петрозаводском городском округе. Численность жителей столицы региона составляет 235 694 чел. (45% от общей численности населения³), что соответственно отражает наличие в регионе большого количества малозаселенных территорий.

Специфика деятельности общественных организаций в регионе как одних из ключевых субъектов гражданского общества обусловлена рядом факторов:

- природно-климатическими (значительная часть территории региона относится к арктической зоне РФ и мало заселена);
- экономическими (дотационный статус большинства районов Карелии);

¹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2023 // РИА «Новости». 12.02.2024. URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (дата обращения: 08.11.2024).

² Карелия снова оказалась в конце итогового рейтинга регионов России за год // РБК. 23.12.2024. URL: <https://karelia.rbc.ru/karelia/23/12/2024/676978df9a7947af438d35b9?ysclid=m5xj2tm9s9973057735> (дата обращения: 15.01.2024).

³ Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: https://10.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения: 08.11.2024).

- географическими (приграничный статус региона и, как следствие, ориентация региональных НКО в недавнем прошлом в существенной мере на зарубежное финансирование).

Территория Заонежья, где проходило исследование, входит в состав Медвежьегорского района Республики Карелия и представлена малозаселенными сельскими поселениями. Следует отметить, что именно с этих территорий начиналось освоение современной Карелии русскими переселенцами в XV в., и в начале XX в. здесь концентрировалась большая часть населения Олонецкой губернии Российской империи. А сейчас сельское население Медвежьегорского района составляет всего 6440 чел. При этом, поскольку Заонежье — это в основном островные территории, социально-экономические проблемы местного населения усугубляются сложностями транспортного сообщения с большой землей. Таким образом, зачастую именно самоорганизация местного населения и деятельность общественных организаций имеют решающее значение в сохранении экономического потенциала и развитии территории Заонежья.

Методы исследования

В июне 2024 г. состоялась комплексная научная экспедиция с участием преподавателей и студентов Петрозаводского государственного университета «Кижи-2024» совместно с АНО «Центр развития социального туризма» в рамках проекта «Кижские шхеры. Освобождение» при поддержке Фонда президентских грантов. В рамках комплексной экспедиции проводилось исследование проблем сохранения человеческого капитала в Заонежье, одним из направлений которого стало изучение роли деятельности общественных организаций в решении социальных проблем местных сообществ. Исследование носило разведывательный характер, поскольку ранее подобных исследований на территории Заонежья не проводилось, специфика местности требовала предварительного полевого изучения и осмысления.

Объектом разведывательного исследования стала деятельность некоммерческих организаций на территории Заонежья, а предметом — ее роль в решении социальных проблем местного населения. Цель исследования была обозначена следующим образом: определить вклад деятельности некоммерческих организаций в решение социальных проблем местных сообществ Заонежья.

Для конкретизации цели был сформулирован ряд задач, направленных на: выявление реально действующих некоммерческих организаций на территории Заонежья, их возможную типологизацию по направлениям деятельности; определение уровня информированности населения о деятельности НКО на территории Заонежья; выявление ожиданий местного населения в отношении деятельности общественных организаций на территории Заонежья; определение степени вовлеченности местного населения в деятельность общественных организаций; изучение возрастного состава местных жителей Заонежья, вовлеченного в деятельность общественных организаций; определение основных достижений в де-

ятельности общественных организаций Заонежья (успешно реализованные проекты и мероприятия, принесшие пользу местному сообществу).

Степень научной разработанности темы

Заонежье, представляя собой уникальное природно-географическое и социокультурное пространство, попадает в центр внимания представителей различных наук. На территории Заонежья ранее проводились археологические, геологические, географические исследования, изучалась растительность. Значительный объем научных изысканий на данной территории занимают историко-культурные (Гущина, 2008), этнографические исследования. Однако среди всего разнообразия научных работ по Заонежью социально-экономические исследования встречаются достаточно редко. Социально-экономический уклад заонежской деревни в пореформенный период проанализирован в научной справке Б. А. Гущина⁴. Более современные исследования чаще всего посвящены возможностям развития туризма на территории Заонежья. В качестве объекта исследования в статье В. С. Плотниковой и Т. М. Глушанок анализируются средства размещения, расположенные на историко-культурной территории Заонежского полуострова (Плотникова, Глушанок, 2019). В статье А. И. Шишкина и Е. Д. Биктимировой приводятся Методические основы создания туристско-рекреационного кластера «Заонежье» (Шишкин, Биктимирова, 2013).

Вопросы самоорганизации местных сообществ и деятельности субъектов гражданского общества на территории Заонежья не становились объектом научного осмысления.

Теоретико-методологическая база

В рамках исследования мы опираемся на классификацию некоммерческих организаций на основе мотивов их деятельности и достигаемых эффектов, предложенную Л. И. Якобсоном. Некоммерческие организации как один из форматов самоорганизации граждан могут иметь в основании своей деятельности различные мотивы. Как пишет Л. И. Якобсон, существует две группы НКО: «НКО, миссии которых ориентированы на общее благо, не связанное или относительно связанное с потребностями участников» («альtruистические НКО») и «организации, которые в существенной мере удовлетворяют потребности своих участников» («клубные НКО») (Беневоленский и др., 2024: 27). В первом случае деятельность членов организации связана со стремлением к общественному благу, во втором — со стремлением к благу для участников. Л. И. Якобсон отмечает также, что многие НКО сочетают в себе черты первого и второго типа. Очевидно, что эффект от деятельности выделенных типов организаций будет различным как по содержанию и масштабам, так и по соответствуанию ожиданиям «потребителей» этого эффекта. Являясь абсолютно добровольной и самостоятельно организованной, работа НКО, как

⁴ Гущин Б. А. Социально-экономический уклад заонежской деревни в пореформенный период // Музей Кижи. Электронная библиотека. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/811.html?ysclid=m38g9ymrjv502251469> (дата обращения: 08.11.2024).

и любой иной организации, осуществляется в условиях внешней среды, одним из элементов которой являются вольные или невольные «потребители» производимых организацией эффектов. Можно предположить, что если НКО изначально позиционирует себя как организация, связывающая свою деятельность с конкретной территорией, и более того, использует в своем наименовании географические названия местности, жители данных территорий будут ожидать для себя какого-либо эффекта от работы организации. Но ни «альtruистическая», ни «клубная» организации не гарантируют эффекта, соответствующего данным ожиданиям.

При анализе поведенческих практик, ожиданий и массового сознания представителей местных сообществ мы опираемся на представления М. К. Горшкова (2021) и других отечественных социологов (Попов, 2021; Региональная социология..., 2015) о роли региональной социологии, важности научного обеспечения стратегического управления регионов и муниципальных образований. Особенности развития сельской местности северного региона анализируются В. А. Ивановым (2020), вопросы самоорганизации сельского населения — В. Г. Виноградским и О. Я. Виноградской (Виноградский, Виноградская, 2023). Муниципальное образование с позиций экосистемного подхода анализируется в исследованиях К. С. Карамана и Ю. Н. Лапыгина (Караман, Лапыгин, 2022). Предпосылки современного этапа развития некоммерческого сектора в Карелии анализируются в работах карельских ученых В. А. Иноземцевой (2016), Е. И. Черненковой (2016; 2017).

Методы исследования

Исследование включало в себя несколько этапов, каждый из них предполагал применение соответствующего метода. При изучении деятельности общественных организаций, функционирующих на территории Заонежья, применялись такие методы, как анализ вторичных данных, в том числе работа с реестром социально-ориентированных некоммерческих организаций⁵, что позволило выделить круг организаций, связывающих свою работу именно с данной территорией. Для определения основных направлений деятельности отобранных организаций и их реальной ориентированности на работу в выделенном районе был использован метод стандартизованных интервью с представителями данных НКО. В рамках полевого этапа основными методами исследования стали анкетирование местного населения и наблюдение, в ходе которого велись неструктурированные заметки, что позволило впоследствии выделить ключевые социальные проблемы Заонежья, оценить степень вовлеченности НКО в решение данных проблем и местного населения в деятельность НКО.

Характеристика генеральной совокупности и обоснование выборки

В ходе подготовки к экспедиции был осуществлен предварительный анализ деятельности общественных организаций на территории Заонежья, в результате

⁵ Реестр социально-ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 № 1290 // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all> (дата обращения: 08.06.2024).

которого выделены следующие четыре НКО, реализующие деятельность на данной территории (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Общественные организации, осуществляющие деятельность в Заонежье

Public organizations operating in Zaonezhye

Наименование организации	Год регистрации	Направление деятельности
КРОО «Кижский берег»	2021	Сохранение и развитие Заонежского наследия (краеведческие исследования, мемориальные проекты)
АНО «Заонежская изба»	2005	Социокультурные инициативы, направленные на развитие местного сообщества
АНО «Центр развития социального туризма»	2017	Обеспечение финансовой и физической доступности туристских услуг для граждан старшего поколения; сохранение исторического, культурного и природного наследия
КРОО «Заонежская сторона»	2018	Повышение качества проживания в населенных пунктах, находящихся на Большом Клименецком острове

Как видно из приведенной в таблице 1 информации, перечисленные общественные организации, за исключением КРОО «Заонежская сторона», в основном ориентированы на культурно-просветительскую деятельность. В рамках исследования удалось взять интервью у представителей двух из перечисленных организаций: АНО «Центр развития социального туризма»⁶ и КРОО «Заонежская сторона»⁷.

Территория Заонежья, как уже было сказано, характеризуется низкой численностью и плотностью населения, а также ограниченностью ресурсов. Общественные организации, функционирующие здесь, ставят перед собой различные цели, не всегда связанные с актуальными проблемами местного сообщества. Тем не менее данные организации оказывают влияние на жизнь и повседневность

⁶ Центр развития социального туризма. URL: <https://vk.com/socialtourptz?ysclid=m6hqhm3th29571312> (дата обращения: 29.01.2025).

⁷ Заонежская сторона. URL: <https://vk.com/club175028667?ysclid=m6hqcv7k3u300932797> (дата обращения: 29.01.2025).

местных жителей посредством вовлечения их в волонтерскую деятельность, привлекая туристов и сохраняя культурное и историческое наследие. Это позволяет предположить, что перечисленные организации относятся к смешанному типу — альтруистически-клубные.

В связи с тем, что в рамках экспедиции проводилось разведывательное исследование, а также с учетом особенностей местности выборка респондентов для анкетного опроса местных жителей осуществлялась методом доступного массива. Заонежье включает в себя 46 населенных пунктов. Для обследования, в связи с особенностями местного транспортного сообщения (в основном водный транспорт), были доступны только три из них (табл. 2).

Таблица 2.

Table 2.

Распределение опрошенных по населенным пунктам Заонежья

Distribution of respondents by localities in Zaonezhye

Населенный пункт	Постоянно проживающее население, чел.	Опрошено (в том числе временно проживающие дачники), чел.
Сенная Губа	13	20
Великая Губа	1035	8
Ерсенево	5	3
ВСЕГО	1053	31

Проведенный опрос позволил апробировать инструментарий для продолжения исследования в будущем. Всего был опрошен 31 респондент. Половозрастное распределение участников опроса представлено в таблице 3.

Таблица 3.

Table 3.

Половозрастное распределение участников опроса, %

Gender-age distribution of survey participants, %

Пол	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 61 года	Всего
Мужской	0	6	13	13	32
Женский	6	10	13	39	68
Всего	6	16	26	52	100

В основном в опросе приняли участие женщины старше 60 лет. Это объясняется особенностями структуры местного населения и тем, что, как правило, при

проводении опроса в домохозяйстве мужчины уклонялись от заполнения анкеты, поручая взаимодействие с анкетерами-женщинам.

Как показал опрос, наиболее информированы местные жители о деятельности следующих общественных организаций:

АНО «Заонежская изба»⁸ — 36%;

КРОО «Заонежская сторона» — 29%;

АНО «Центр развития социального туризма» — 29%.

Результаты

Отвечая на вопрос об актуальных задачах, которые должны решать общественные организации Заонежья, участники опроса чаще всего указывали следующее: «сохранение территории» — 13 чел. и «привлечение внимания к социально-экономическим проблемам местного населения» — 11 чел. из 31 опрошенных. При этом в качестве основных проблем, в разрешении которых местные жители ждут помощи от общественных организаций, респонденты указывали: отсутствие качественного медицинского обслуживания и отсутствие регулярного и удобного транспортного сообщения с большой землей (трансфер людей из Сеннной Губы осуществляется на вертолете по пятницам и воскресеньям, оплата частного водного транспорта местным жителям недоступна по финансовым соображениям).

Говоря о том, чем должны заниматься общественные организации в Заонежье, местные жители отмечали варианты ответов — соответствующие уставным целям организаций, представленных на данной территории:

«сохранение культурного наследия, в том числе сохранение и продвижение традиций и истории Заонежья» — 32%;

«организация и проведение культурно-образовательных мероприятий и мастер-классов для местных жителей» — 26%;

«участие в социальных проектах для улучшения качества жизни местного населения» — 26%

Реже всего респонденты указывали в качестве целей работы НКО в Заонежье «охрану природы и биоразнообразия» и «содействие развитию туризма». Следует отметить, что около половины респондентов давали комментарии относительно того, что туризм на данных территориях в принципе не нужен, так как ведет к разрушению их «мира» (социокультурного и природного пространства, привычного образа жизни).

Сопоставляя ожидания жителей Заонежья в отношении деятельности общественных организаций с тем, что составляет сущность их работы в действительности, следует привести основные проекты, реализуемые тремя наиболее известными жителям Заонежья. Ниже представлены проекты НКО, информация о которых была получена в ходе интервью с их представителями и при анализе открытых источников.

⁸ Заонежская изба // Автономная некоммерческая организация «Заонежская изба». URL: <https://zaonezhskaya-izba.ru/> (дата обращения: 29.01.2025).

АНО «Заонежская изба» реализовала следующие проекты: «Заонежская кадриль», направленный на создание условий для изучения местными жителями (в том числе молодежью) традиционной культуры коренного русского населения Заонежья; «Не красна изба углами, а красна пирогами», предусматривающий создание традиционной «Чайной» с национальной кухней и интерьераами, открытие «Заонежских мастерских» на базе местного Дома культуры и обустройство заонежской избы; «Дерево жизни», целью которого было создание новых форм самозанятости и активного досуга населения на базе существующих ресурсов; «Ожившие легенды Заонежья», в рамках которого осуществлялась разработка культурно-образовательных программ, основанных на особенностях традиционной культуры заонежан, и создание общего туристического маршрута на территории Заонежья; «Северная колесница», в ходе которого составлялись социальные паспорта и историко-культурные опорные планы ряда деревень, а также предполагалось выявление ресурсов территорий и организация новых ТОСов, участники которых будут развивать местные традиции; «Завалинка: перезагрузка», направленный на возрождение традиций добрососедского общения; «По следам Рыбникова и Гильфердинга», включающий в себя серию экспедиций, посвященных наследию исследователей северного устного фольклора П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга.

КРОО «Заонежская сторона» выполняла проекты, в большей степени ориентированные на развитие поселения Сенная Губа. В рамках этих проектов был обновлен поклонный крест у церкви Николая Чудотворца; организуются престольные праздники, основными участниками которых становятся местные жители; регулярно проводятся концерты народных коллективов Заонежья; была создана добровольная пожарная дружины; силами местных жителей отремонтирован причал, что имеет особое значение для сохранения транспортного сообщения между Сенной Губой и о. Кижи, а также другими островами Заонежского архипелага.

Деятельность АНО «Центр развития социального туризма» в соответствии с уставными целями организации направлена на развитие социального туризма в Карелии. В Заонежье организация реализовала следующие проекты: три проекта из цикла «Доступный туризм для старшего поколения», направленные на повышение доступности путешествий по региону для пенсионеров; два проекта, посвященных Советско-финляндской (Зимней) войне — «Незнаменитая война. Школа краеведа» и «Незнаменитая война. Уроки мира», включающие в себя разработку соответствующих туристических маршрутов; «Реальная экономика Карелии — выбор выпускника» — профориентационный проект, в рамках которого ученики 10–11-х классов выезжали на экскурсии на предприятия Республики Карелия; «Легендарная Карелия. Заонежье», «Заонежье обетованное», «Кижские шхеры. Освобождение» — проекты, направленные на развитие местного туризма, сохранение исторической памяти и природоохранную деятельность.

Анализ представленных проектов показывает, что большая их часть имеет культурно-просветительскую направленность, они напрямую не связаны с реше-

нием насущных социальных проблем местного населения. Что позволяет сделать вывод, что действующие в Заонежье общественные организации можно рассматривать скорее как «клубы по интересам». Альтруистический аспект деятельности данных организаций имеет объектом в большей степени не местных жителей, а общество в целом. Решение местных социально-экономических проблем не является изначально целью указанных общественных организаций, за исключением КРОО «Заонежская сторона».

Никакая общественная организация не сможет собой заменить работу местных органов власти, осуществляющих в соответствии с законодательством самостоятельно и под свою ответственность решение проблем местного значения, в чьи непосредственные обязанности входит решение проблем, на которые указывали в ходе опроса местные жители. Тем не менее определенные ожидания в отношении того, что общественные организации повлияют на качество жизни в Заонежье, у местного населения есть. Это прослеживается и в их ответах на вопросы анкеты, и в частных беседах, которые проводились с ними после анкетирования.

Говоря об участии местного населения в работе общественных организаций, можно отметить, что абсолютно не вовлеченными в эту деятельность оказалось около трети респондентов, о чем свидетельствует выбор такого варианта ответа, как «Не принимаю участия ни я, ни члены семьи» — 42% опрошенных. Однако остальные участники опроса отмечали, что либо сами, либо члены их семей хотя бы однажды принимали участие в проектах, реализуемых общественными организациями на территории Заонежья:

«Я участвую постоянно, семья — нет» — 13%;
«Участвуем постоянно всей семьей» — 10%;
«Участвуют члены семьи постоянно, я — нет» — 16%;
«Участвую иногда, если попросят» — 19%.

Обсуждение

Согласно результатам опроса в основном в работе общественных организаций принимают участие женщины пенсионного возраста (41%). Данный результат в связи с особенностями выборки разведывательного исследования нельзя считать репрезентативным, однако следует отметить, что молодежь среди местных жителей крайне немногочисленна, что объясняется неразвитостью социальной инфраструктуры, как следствие, сложными условиями проживания и практическим отсутствием привлекательных для молодежи рабочих мест.

Это подтвердил в ходе интервью представитель КРОО «Заонежская сторона»: «На территории Сенной Губы наблюдается активный отток местных жителей в более благоприятные условия проживания, что усложняет эффективное взаимодействие между общественными организациями и молодежью. Одной из основных причин миграции является стремление к лучшим экономическим условиям, поскольку в городах часто доступнее рабочие места с более высоким уровнем заработной платы и возможностями для карьерного роста. Молодежь

Сенной Губы покидает территорию острова по причине недостатка качественной медицинской помощи, отсутствия образовательных учреждений, досуговых возможностей и общественных сервисов. Несмотря на то что пенсионеры составляют значительную часть населения, их активность в работе общественной организации остается крайне низкой в силу различных физических и психологических ограничений».

Инициативы действующих в Заонежье общественных организаций, таких как АНО «Заонежская изба» и АНО «Центр развития социального туризма», напрямую не направлены на решение перечисленных проблем, но косвенно могут влиять на развитие территории, создавая в рамках реализуемых проектов туристические маршруты и новые туристические объекты, способствуя сохранению культурного наследия и привлекая местных жителей к работе в рамках проектов, чем они и занимаются.

Однако, как отметил в интервью представитель АНО «Центр развития социального туризма», подтвердив результат, полученный в ходе анкетного опроса, развитие сферы гостеприимства на территории Заонежья вызывает противоречивую реакцию местного населения: «В этом вопросе мнения местных разделились примерно 50 на 50. Половина относятся с интересом и даже благодарностью, предлагают свою помощь в реализации проектов, работают в качестве волонтеров, а половина категорически против, считая что туристы погубят Заонежье».

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что основными социальными проблемами Заонежья являются: убыль и старение населения, низкая социальная активность местного сообщества, низкая обеспеченность медицинским обслуживанием, ограниченные возможности транспортного сообщения между островной и материковой частями Заонежья, отсутствие привлекательных для молодежи рабочих мест.

Общественные организации, работающие в Заонежье, косвенно влияют на решение проблем местного сообщества, но в большинстве случаев не связывают свою деятельность с социально-экономическим развитием данной территории, не имея необходимых для этого ресурсов и реализуя в первую очередь культурные инициативы. При этом, как отметил представитель АНО «Центр развития социального туризма», зачастую «общественники-энтузиасты видят какую-то болевую точку, изучают проблему, намечают пути решения» и обращаются с предложениями в администрации различного уровня за помощью. Одной из таких болевых точек в настоящее время является отсутствие на островной части Заонежья доступного досугового центра: «Комплекс Кизи — был естественной точкой притяжения, но в конечном итоге они сосредоточились на музейной деятельности и коммерческом обслуживании туристов. У местных осталась только возможность посещать храм. Организованного досуга нет».

Таким образом, можно сделать вывод, что решение проблем Заонежья возможно только путем межсекторного взаимодействия при деятельном участии ре-

гиональных властей. Существующие в настоящее время в Заонежье общественные организации не имеют достаточных для этого ресурсов и в большинстве случаев не ставят таких целей. Значительная часть из них может быть отнесена к категории клубных, существует лишь как форма организации занятости их участников и способ дополнительного привлечения средств для реализации собственных инициатив.

Разведывательное исследование с использованием комплекса методов, в том числе наблюдений в условиях полевой экспедиции, позволило его участникам сформировать общее представление об особенностях территории и структуры населения Заонежья, его быта и повседневности, а также роли некоммерческих организаций в решении повседневных проблем местных сообществ. Это позволит в дальнейшем усовершенствовать инструментарий и более глубоко изучить причины низкой социальной активности населения, неготовности принимать активное участие в решении социально-экономических проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367.

Горшков М. К. Социология в регионах и социология для регионов (Вместо введения) // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России : сборник статей / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 5–8. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.1.

Гущина В. А. По следам экспедиции в Великую губу (Заонежье) // Живая старина. 2008. № 3. С. 50–52.

Иванов В. А. Сельское развитие северного региона: проблемы направления и механизмы // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 2. С. 36–45.

Иноземцева В. А. Общественная палата Республики Карелия и некоммерческие организации: опыт сотрудничества // Современные научные исследования: актуальные теории и концепции : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. М. : Олимп, 2016. С. 339–342.

Караман К. С., Лапыгин Ю. Н. Муниципальное образование с позиций экосистемного подхода // Муниципальная академия. 2022. № 4. С. 103–109.

Лямин Б. М. К вопросу о развитии сельских территорий в условиях Республики Карелия // Российский электронный научный журнал. 2018. № 3(29). С. 151–163.

Плотникова В. С., Глушанок Т. М. Рекомендации по развитию средств размещения в сельской местности в Республике Карелия (на примере Заонежья) // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 693–703.

Попов М. Ю. О месте региональной социологии в развитии гуманитарного знания в современной России // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России: сборник статей / отв. ред. М.К. Горшков; Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 33–41. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.6.

Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. М. : Новый Хронограф, 2015. 600 с.

Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции / под ред. Л. И. Якобсона. М. : ИД ВШЭ, 2024. 376 с.

Черненкова Е. И. О государственной поддержке социально ориентированных НКО в муниципальных образованиях Республики Карелия // Самоуправление. 2016. № 5. С. 38–41.

Черненкова Е. И. Субсидирование социальных проектов в системе государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Карелия (2012–2015 годы) // Политика и общество. 2017. № 5. С. 72–87. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.5.20241.

Шишкин А. И., Биктимирова Е. Д. Методические основы создания туристско-рекреационного кластера «Заонежье» (Республика Карелия) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 2. С. 74–86.

REFERENCES

- Vinogradskiy, V. G., & Vinogradskaya, O. Ya. (2023). The phenomenon of self-organization of rural population: principles and prospects of research. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*, 23(2), 355–367. (In Russ.).
- Gorshkov, M. K. (2021). Sociology in regions and sociology for regions (Instead of introduction). In: Gorshkov, M. K. (Ed.). *Sociological support for strategic management of the development of regions and municipalities of Russia: a collection of articles* (pp. 5–8). Moscow : FNISC RAN. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.1. (In Russ.).
- Guschina, V. A. (2008). In the footsteps of the expedition to Velikaya Guba (Zaonezhye). *Zhivaya starina*, 3, 50–52. <https://www.booksite.ru/folk/data/gushina.pdf?ysclid=m6i7rxp77w253878831> (In Russ.).
- Ivanov, V. A. (2020). Rural development of the northern region: problems, directions and mechanisms. *Korporativnoye upravleniye i innovacionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i vechernogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 36–45. (In Russ.).
- Inozemtseva, V. A. (2016). The Public Chamber of the Republic of Karelia and non-profit organizations: experience of cooperation. In: *Modern scientific research: actual theories and concepts: a collection of materials of the XIV International Scientific and Practical Conference* (pp. 339–342). Moscow : Olimp. (In Russ.).
- Karaman, K. S., & Lapygin, Yu. N. (2022). Municipal education from the perspective of an ecosystem approach. *Municipalnaya akademiya*, 4, 103–109. (In Russ.).

- Lyamin, B. M. (2018). On the issue of rural development in the Republic of Karelia. *Rossijskij elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 3, 151–163. (In Russ.).
- Plotnikova, V. S., Glushanok, T. M. (2019) Recommendations for the development of rural accommodation facilities in the Republic of Karelia (using the example of Zaonezhye). *Economika, предпринимательство и право*, 9(4), 693–703. (In Russ.).
- Popov, M. Yu. (2021). On the place of regional sociology in the development of humanitarian knowledge in modern Russia In: Gorshkov, M. K. (Ed.). *Sociological support for strategic management of the development of regions and municipalities of Russia: a collection of articles* (pp. 33–41). Moscow : FNISC RAN. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.1. (In Russ.).
- Markin, V. V. (Ed.) (2015). *Regional Sociology: Problems of Consolidation of Russia's Social Space*. Moscow : Novyj Hronograf. (In Russ.).
- Jacobson, L. I. (Ed.) (2024). *Citizens' self-organization, charity, and the Third Sector: theories, History, and Current trends*. Moscow : ID VSHE. (In Russ.).
- Chernenkova, E. I. (2016). On state support for socially oriented NGOs in municipalities of the Republic of Karelia. *Samoupravleniye*, 5, 38–41. (In Russ.).
- Chernenkova, E. I. (2017). Subsidizing social projects in the system of state support for socially oriented non-profit organizations of the Republic of Karelia (2012–2015). *Politika i obshchestvo*, 5, 72–87. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.5.20241. (In Russ.).
- Shishkin, A. I., & Biktimirova, E. D. (2013). Methodological foundations of the creation of the Zaonezhye tourist and recreational cluster (Republic of Karelia). *Ekonicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2, 74–86. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Юлия Александровна Петровская — канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Россия.

Yuliya A. Petrovskaya — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, the Head of Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Ольга Владимировна Федосеева — канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Россия.

Olga V. Fedoseeva — Cand. Sci. (Sociology), Associate professor of Department of political and social sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025;
одобрена после рецензирования 04.02.2025;

принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025;
approved after reviewing 04.02.2025;
accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 34.023

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-06

Трансформация правового регулирования статуса инвалидов

Светлана Викторовна Соловьев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, s.v.solovyeva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-1686>

Аннотация. Государственная политика в отношении инвалидов является результатом общественного развития, основанного на изменении отношения к этой категории лиц. Динамика отношения к инвалидам обусловила государственное регулирование медицинской реабилитации, социальной защиты инвалидов, затем способствовала признанию и утверждению гражданских прав инвалидов и принятию мер по их вовлечению в жизнь общества. Изучение трансформации правового регулирования статуса инвалидов актуально в контексте обеспечения безопасности как защищенности от систематических угроз, связанных с дискриминацией, безопасности как ощущения ценности и достоинства, безопасности как возможности поддерживать оптимальные параметры жизнедеятельности. В качестве предмета исследования определены нормы международного права и российского законодательства, регламентирующие правовой статус инвалидов. Цель исследования заключается в изучении динамики формирования правового статуса инвалидов в международной и отечественной практике, рассмотрении эволюции норм российского законодательства, регулирующего правовой статус инвалидов. Анализируются документы Всемирной организации здравоохранения и правовые акты Организации Объединенных Наций на предмет изучения динамики понимания инвалидности и прав этих лиц, систематизированы периоды развития российского законодательства в сфере прав инвалидов. Результатом исследования является определение ряда выводов, раскрывающих трансформацию правового регулирования статуса инвалида в России, и определение необходимости совершенствования практики правоприменения.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой статус, специальный статус, равные права, инвалид, международные нормы, российское законодательство.

Для цитирования: Соловьева С. В. Трансформация правового регулирования статуса инвалида // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 86–101. doi: 10.14258/ssi(2025)1-06.

Transformation of the Legal Regulation of the Status of Persons with Disabilities

Svetlana V. Solovyeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: s.v.solovyeva@urfu.ru, [http://orcid.org/0000-0001-8688-1686](https://orcid.org/0000-0001-8688-1686)

Abstract. The current policy towards people with disabilities is the result of the development of society, during which it has changed, going from providing medical care and social protection

to people with disabilities, to recognizing civil rights and taking measures to involve people with disabilities in society. Studying the transformation of the legal regulation of the status of persons with disabilities is relevant in the context of ensuring safety as protection from systematic threats related to discrimination, safety as a sense of value and dignity, and safety as an opportunity to maintain optimal vital parameters. The norms of international law and Russian legislation regulating the legal status of persons with disabilities have been identified as the subject of the study. The purpose of the study is to study the dynamics of the formation of the legal status of persons with disabilities in international and domestic practice, to consider the evolution of the norms of Russian legislation regulating the legal status of persons with disabilities. The article analyzes the documents of the World Health Organization and the legal acts of the United Nations in order to study the dynamics of understanding disability and the rights of these persons, systematizes the periods of development of Russian legislation in the field of disability rights. The result of the study is the identification of a number of conclusions revealing the transformation of the legal regulation of the status of a disabled person in Russia, and the determination of the need to improve law enforcement practice.

Keywords: legal regulation, legal status, special status, equal rights, disabled person, international norms, Russian legislation

For citation: Solovyeva, S. V. (2025). Transformation of the Legal Regulation of the Status of Persons with Disabilities. *Society and Security Insights*, 8(1), 86–101. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-06.

Введение

За последние десятилетия в мире значительно возросла заинтересованность проблематикой инвалидности. Проблема инвалидности широко обсуждается в связи с относительно высокой численностью инвалидов и их недостаточной социальной защищенностью. Исследования Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют о том, что примерно 1,3 млрд чел. в мире, или 15% мирового населения, имеют инвалидность¹. По данным Росстата, численность инвалидов в России по состоянию на 31 декабря 2023 г. представлена 11 041 тыс. чел.², что составляет 7,5% от численности населения страны.

С целью оказания помощи инвалидам и полноценной их интеграции в жизнь общества необходимо определение правового статуса инвалидов. Правовой статус представляет собой систему признанных и гарантированных государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права (Большая..., 2010). Структура правового статуса представлена правами и обязанностями, законными интересами, правосубъектностью, гражданством, юридической ответственностью. Правовой статус может быть общим, специальным и индивидуальным. В контексте исследования следует принять во внимание общий статус, который является одинаковым для

¹ Глобальный доклад о справедливости в отношении здоровья людей с инвалидностью: резюме (2022) // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/publications/item/9789240063624>

² Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>

всех граждан, и специальный статус, определяющий особенности положения отдельных категорий граждан, одной из которых являются инвалиды.

В научных источниках представлены исторический анализ государственного регулирования социальной защиты инвалидов (Жаворонков, 2020), эволюция социальной политики в сфере защиты прав инвалидов (Демьянова, 2015), изучение формирования общего и специального правового статуса инвалидов (Осипов, 2024; Попадейкин и др., 2023; Сивакова, 2023; Шилов, 2024). Значительное внимание уделено вопросам имплементации норм Конвенции ООН о правах инвалидов в российское законодательство (Винникова, 2015; Клишас, 2012; Жаворонков, 2020), проблемам правового регулирования создания доступной среды для инвалидов (Дидяковский, 2023; Каирова, Никитин, 2023), разным аспектам защиты прав инвалидов и надзора за их соблюдением (Гришковец, Галицкая, 2023; Богатова, Шмелев, 2023). Однако исследование трансформации правового статуса инвалидов с учетом развития международных правовых норм, а также анализ имплементации норм международного права в отношении инвалидов в российское законодательство недостаточно обоснованы в научной литературе.

Развитие международного законодательства, регулирующего правовой статус инвалидов

Значимая роль в определении и трансформации правового статуса инвалидов принадлежит ООН и ВОЗ. В 1976 г. в соответствии с резолюцией 31/123 Генеральной Ассамблеи ООН 1981 год провозглашен Международным годом инвалидов, лейтмотивом которого определено всестороннее участие и равенство³. Считаем этот факт первоосновой действий как во внедрении в государствах социальной модели инвалидности, так и в актуализации вопроса о закреплении равного правового статуса инвалидов. Результатом явилось принятие Всемирной программы действий в отношении инвалидов, которая в качестве приоритетных задач установила необходимость определения правового статуса инвалидов в сфере образования, медицинской помощи, трудовой занятости и других сферах, признание того факта, что инвалиды, обладая равными правами, имеют также и равные обязанности, и их право на участие в жизни общества может быть обеспечено через меры политического и социального характера.

ВОЗ в части решения разнообразного спектра вопросов в отношении инвалидов оказывает существенное влияние как на понимание сути инвалидности, так и на формирование международного законодательства в отношении инвалидов и трансформацию их правового статуса. В 1983 г. подготовлен доклад Комитета экспертов ВОЗ по предупреждению инвалидности и реабилитации «Предупреждение инвалидности и реабилитация», в котором актуализируется не-

³ Международный год инвалидов, 1981 год: совместная деятельность ВОЗ с другими учреждениями системы ООН, направленная на предупреждение потери трудоспособности и реабилитацию: Доклад Генерального директора Всемирной организации здравоохранения. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/177573/1/EB67_31_rus.pdf (дата обращения: 23.01.2025); Всемирная программа действий в отношении инвалидов (принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН от 03.12.1982). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml (дата обращения: 23.01.2025).

обходимость обеспечения качества первичной медико-социальной помощи для профилактики инвалидности, изменения в понимании термина «инвалидность», раскрываются причины социальной сегрегации. В докладе впервые представлено понятие социальной интеграции, под которой понимается активное участие инвалидов в основных направлениях жизни общества, а при характеристике качества жизни инвалидов особое внимание обращается на распространность социальной сегрегации инвалидов, когда негативное отношение к ним по причине укоренившихся страхов и суеверий является в обществах скорее правилом, нежели исключением⁴. С учетом этого отмечается необходимость формирования социальной политики, основанной на уважении прав каждого человека и стремлении гарантировать социальное равенство всех граждан, что содержит указание на значимость регламентации правового статуса инвалидов с учетом актуального понимания прав человека.

Через 28 лет после выхода доклада, в 2011 г., Целевой группой ВОЗ по инвалидности был подготовлен *Всемирный доклад об инвалидности*, цель которого — обеспечить органы государственной власти и гражданского общества анализом состояния инвалидности, подготовить рекомендации для улучшения жизни инвалидов и содействия реализации Конвенции о правах инвалидов как документу, отражающему основной сдвиг в глобальном понимании проблемы инвалидности. Для изменения правового статуса инвалидов как равного наряду с другими людьми и понимания того, что реализации этого статуса препятствуют многочисленные барьеры, государствам предлагается ряд рекомендаций по обеспечению доступа инвалидам ко всем сферам и услугам, принятие национальной стратегии и плана действий в области инвалидности⁵. Считаем, что радикальным изменением за 28 лет явился переход от декларации приоритета лечебно-профилактических мер в отношении инвалидов к актуализации проблемы преодоления барьеров, связанных с инвалидностью, устранение которых возможно только при нормативном закреплении и реализации прав инвалидов.

Доклад Секретариата ВОЗ на тему «Инвалидность. Проект Глобального плана Всемирной организации здравоохранения по инвалидности на 2014–2021 годы: лучшее здоровье для всех людей с инвалидностью» состоялся в 2014 г. и признал инвалидность в качестве глобальной проблемы не только здравоохранения, но и прав человека, так как лица с инвалидностью испытывают стигматизацию, дискриминацию и неравноправие, подвергаясь нарушениям их прав, в том числе связанных с уважением достоинства⁶. Необходимость устранения нарушений

⁴ Предупреждение инвалидности и реабилитация: доклад комитета экспертов ВОЗ по предупреждению инвалидности и реабилитации. 1983. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/40896/3/WHO_TRS_668_rus.pdf (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Всемирный доклад об инвалидности (2011). URL: https://web.archive.org/web/20120127045351/http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html (дата обращения: 23.01.2025).

⁶ Проект глобального плана ВОЗ по инвалидности на 2014–2021 гг. Лучшее здоровье для всех людей с инвалидностью: Доклад секретариата. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB134/B134_16-ru.pdf?ua=1&ua=1 (дата обращения: 23.01.2025).

прав инвалидов на основе нормативного утверждения равного правового статуса инвалидов и соблюдения их прав определена как важная задача для каждого государства. Подготовка или модернизация государствами законов, стратегий и планов по вопросам здоровья и инвалидности в соответствии с Конвенцией о правах инвалидов провозглашены как ключевые действия государств.

Следовательно, ВОЗ оказала значительное влияние не только на установление стандартов в сфере здравоохранения в части предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов, но и содействовала формированию международного законодательства в отношении инвалидов и трансформации их правового статуса.

Первостепенная роль как в развитии международного законодательства, так и в изменении правового регулирования статуса инвалидов принадлежит ООН. Международные правовые стандарты в области прав и свобод человека разработаны и приняты во второй половине XX в. Они касались закрепления правового статуса человека в целом и практически не выделяли в особую группу лиц с инвалидностью. Отдельные международные документы, регулирующие правовой статус лиц с инвалидностью, стали предметом обсуждения в 70-е гг. прошлого столетия. Полагаем, что эта временная составляющая совпадает с обоснованием социальной модели инвалидности, в рамках которой особое внимание обращено на необходимость преодоления барьеров и изменения правового статуса инвалидов, что определило существенную трансформацию правового регулирования статуса инвалидов.

Первым документом является принятая 10 декабря 1948 г. резолюцией 217A (III) Генеральной Ассамблеи ООН *Всеобщая декларация прав человека*, которая утверждает, что каждый человек обладает всеми провозглашенными правами без какого бы то ни было различия⁷. Впервые закрепляя равенство прав и свобод людей независимо от различий, Декларация не дает указания на различия по состоянию здоровья, которое имеет место по отношению к лицам с инвалидностью, но обозначает право обеспечения жизненного уровня в случае наступления инвалидности. Инвалиды как отдельная группа не выделены, но закрепленные Декларацией права и свободы, запреты распространяются на каждого человека, следовательно, имеют прямое отношение к рассматриваемой категории лиц.

Резолюцией 2200 (XXI) 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеи ООН принят *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах*, который во многом дублирует и отчасти дополняет содержание прав и свобод, определенных Всеобщей декларацией прав человека, и фиксирует гарантии прав каждого человека на труд, достаточный жизненный уровень, наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и др.⁸ Анализ документа

⁷ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 23.01.2025).

⁸ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 23.01.2025).

свидетельствует о том, что инвалиды имеют экономические, социальные и культурные права, что прямо не указывается в документе.

Декларация социального прогресса и развития, принятая резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1969 г., содержит призыв к применению ее содержания в качестве базиса политики развития социальной сферы, основывающейся на признании права всех людей без исключения жить в достойных условиях, права на уважение достоинства и ценности личности и индивидуальности, а также обеспечение развития прав человека и социальной справедливости, содействие лицам, находящимся в неблагоприятных условиях, в реализации равных возможностей социального и экономического развития⁹. Впервые появляется указание на значимость особых гарантий прав лиц, пребывающих в социально неблагополучном положении, в том числе инвалидов. Указанная категория лиц обозначена как испытывающие потребность в особой защите государства, основной акцент ставится на необходимости их социального обеспечения и попечительства. Можно предположить, что инвалиды рассматривались в документе в качестве получателя определенных пособий и услуг, обеспечивающих их жизнедеятельность. Отдельно выделяется категория лиц с интеллектуальными и физическими недостатками, для которых важно обеспечить меры, ориентированные на помочь им в развитии их как полезных членов общества и устранение их исключения в силу особенностей психофизического развития.

Таким образом, с момента принятия Всемирной декларации прав человека до начала 70-х гг. прошлого столетия в ряде международных правовых актов закреплены общие права человека без выделения отдельной категории лиц — инвалидов. При этом имеются указания на необходимость социальной поддержки лиц, пребывающих в состоянии социального неблагополучия, людей с физическими и интеллектуальными недостатками. Разработка международных стандартов защиты прав инвалидов началась в 1970-е гг., когда ООН было инициировано принятие Декларации о правах умственно отсталых лиц и Декларации о правах инвалидов, которые подготовлены в целях регулирования правового статуса лиц с инвалидностью на международном уровне.

Декларация о правах умственно отсталых лиц принятая резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1971 г. В документе подчеркивается, что умственно отсталое лицо обладает теми же правами, что и другие люди, — право на надлежащую медицинскую помощь, право на получение образования, право на труд, право на материальное обеспечение и удовлетворительный жизненный уровень, право на включение в общественную жизнь, право на защиту от эксплуатации, злоупотреблений и унизительного обращения и др.¹⁰ Для реализации этих прав умственно отсталым лицам необходимо оказание помощи, и если при

⁹ Декларация социального прогресса и развития (принята резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 11.12.1969). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁰ Декларация о правах умственно отсталых лиц (принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.1971). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml (дата обращения: 23.01.2025).

наличии инвалидности это лицо не может осуществлять надлежащим образом свои права, часть из них следует ограничить или аннулировать, предусмотрев правовые гарантии от злоупотреблений. Таким образом, в начале 1970-х гг. нормативно определены как равные, так и особые права умственно отсталых лиц, при этом при определенных условиях эти права могут быть ограничены.

Декларация о правах инвалидов, принятая резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г., провозглашает права одной из социально уязвимых категорий, которой являются инвалиды, и предлагается как фундаментальная основа для защиты прав инвалидов на государственном и международном уровнях. Впервые сформулировано понятие «инвалид», обозначена совокупность гарантированных инвалидам основных прав, как равных с их согражданами того же возраста, которые должны быть признаны за всеми инвалидами без исключений и без дискриминации, так и специальных, обусловленных наличием у инвалидов особенностей и ряда потребностей, утверждена необходимость приятия нужд инвалидов при социальном и экономическом планировании¹¹.

Таким образом, на международном уровне в 70-е гг. прошлого столетия произошла серьезная трансформация правового статуса инвалида, связанная с признанием этой категории лиц как тех, кто в силу наличия недостатка не имеет возможности самостоятельно обеспечивать потребности личной и социальной жизни, но это обстоятельство не должно быть препятствием для реализации равных со всеми прав и должно гарантировать в отношении инвалидов закрепление особых прав.

В 1981 г. принятая *Санбергская декларация*, признающая первостепенное значение образования, науки, культуры и информации в жизни всех людей, и особенно лиц с инвалидностью, способствуя максимальному проявлению их способностей и всестороннему участию в жизни общества¹². Документ актуализирует права инвалидов на всеобщий доступ к образованию, профессиональной подготовке, культуре и информации, участию в жизни общества, признавая эти сферы наиболее значимыми для решения проблем инвалидов, формирования положительного общественного мнения и социальной солидарности, что будет способствовать реализации инвалидами своих прав.

На протяжении почти 20 лет с момента принятия в 1975 г. Декларации о правах инвалидов не подготовлено никаких международных документов, регулирующих правовой статус лиц с инвалидностью. Возможно, принятые ранее ООН конвенции и декларации в отношении прав инвалидов не принесли действительно результата в государствах, в связи с чем по итогам проведения Десятилетия инвалидов в ООН в период с 1983 по 1992 г. подготовлен документ, стимулирующий государства к проведению активной политики в отношении инвалидов, за-

¹¹ Декларация о правах инвалидов (принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеей ООН от 09.12.1975). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 23.01.2023).

¹² Санбергская декларация. 1981. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/sundberg.shtml (дата обращения: 23.01.2025).

креплению и осуществлению их прав, реализации комплекса мер в части преодоления барьеров полноценного участия в общественной жизни — *Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов* (1993). Несмотря на то что равные со всеми людьми права инвалидов провозглашены в нескольких декларациях, в качестве цели Правил обозначено содействие такому положению инвалидов, при котором они, как члены общества, имели бы те же права и обязанности, что и другие лица. Впервые введен в оборот термин «обеспечение равных возможностей», который означает процесс, благодаря которому различные системы общества и окружающей среды, такие как обслуживание, трудовая деятельность и информация, оказываются доступными всем, особенно инвалидам¹³. Устанавливается, что после достижения инвалидами равных прав им следует обеспечить выполнение равных обязательств, так как в процессе трансформации правового статуса инвалидов общество и государство вправе ожидать от них большего. Определена совокупность мер по обеспечению равных возможностей, основными среди которых являются учет вопросов инвалидности при разработке национальной политики; создание правовой основы для принятия мер для включения инвалидов в жизнь общества и их равноправия. Этот документ, в отличие от предшествующих ему, содержит не просто перечень прав инвалидов, как равных со всеми людьми, так и особых, обусловленных их состоянием здоровья, а представляет содержательное нормирование правил в сфере образования, медицинской помощи, занятости и многих других, соблюдение которых будет гарантировать предоставление инвалидам равных возможностей участия в социальной жизни. Это один из первых международных документов, четко определивших правовой статус инвалидов с целью обеспечения им равных возможностей участия во всех сферах жизнедеятельности человека.

Наиболее значимым документом в сфере обеспечения прав инвалидов является принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. *Конвенция о правах инвалидов*, которая впервые на уровне мирового сообщества определила понятия дискриминации по признаку инвалидности, разумного приспособления и др., важные для понимания инвалидности в контексте ее социальной модели и изменения правового статуса инвалидов, принципиальные положения деятельности государств в отношении инвалидов, а также обозначила широкий спектр прав инвалидов, не учтенных в ранее принятых международных актах. Обозначая в качестве цели документа поощрение, защиту и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, поощрение уважения присущего им достоинства, Конвенция устанавливает правовой статус инвалида как способного к реализации всех прав человека и основных свобод всеми инвалидами без исключения, их равенство перед законом, право на равную защиту закона и равное пользование им без сегрегации, гарантии им равной и эффективной правовой защиты от дискри-

¹³ Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12211/ (дата обращения: 23.01.2025).

миации на любой почве¹⁴. Конвенция закрепила исчерпывающую совокупность прав инвалидов, равных со всеми людьми независимо от состояния здоровья, и специальных прав. Таким образом, трансформация правового статуса инвалидов произошла за счет расширения их прав, равных со всеми людьми, особых прав, реализуемых с учетом принципов разумного приспособления и универсального дизайна, а также закрепления мер, способствующих реализации общих и специальных прав инвалидов. При этом к 2013 г. на международном уровне приверженность целям в области развития в интересах инвалидов не привела к должному учету потребностей инвалидов, их участию во всех аспектах развития¹⁵. Отмечается недостаточная реализация прав инвалидов, закрепленных Конвенцией, и декларируется необходимость трансформации правового статуса инвалидов в государствах на основе полномасштабного применения международной нормативной базы по вопросам инвалидности и развития путем поощрения ратификации и соблюдения Конвенции о правах инвалидов, принятия, изменения и исполнения национального законодательства для содействия участию инвалидов в жизни общества.

Таким образом, трансформация правового статуса инвалидов связана с тем, что изначально в документах международного уровня был определен общий правовой статус инвалидов, инвалиды не выделялись как особая группа, но подразумевалось, что они имеют равный со всеми людьми правовой статус с определением общих прав и обязанностей. В 70-е, 90-е гг. прошлого столетия, а затем в 2006 г. были принятые документы, которые наряду с общими правами закрепляли особые права лиц с инвалидностью, что обусловлено особенностями их здоровья, интеллектуальными и физическими особенностями, необходимостью преодоления барьеров, препятствующих нормальному включению инвалидов в систему общественных отношений.

Развитие отечественного законодательства в части регулирования правового статуса инвалидов на основе имплементации норм международного права

Для обоснования собственной позиции относительно развития отечественного законодательства, влияния норм международного права на изменение правового статуса инвалидов в России нами принята и дополнена периодизация А. В. Демьяновой, которая раскрывает динамику социальной политики по поддержке инвалидов на основе анализа изменений законодательства по присуждению статуса инвалида и их пенсионному обеспечению, мер по вовлечению инвалидов в жизнь общества (Демьянова, 2015).

Первый период — система социальной защиты инвалидов в СССР до 1990 г. на основе медицинского подхода к инвалидности. Принципы функционирования

¹⁴ Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006) // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/18436.html> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁵ Резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения по инвалидности от 27.05.2013. URL: http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA66/A66_R9-ru.pdf?ua=1&ua=1 (дата обращения: 23.01.2025).

ния социальной защиты инвалидов и реализации их прав сформированы в советское время и частично действуют в текущий период. Нормативная правовая база, регулирующая правовой статус инвалидов, носила фрагментарный характер, отсутствовал единый закон о защите прав инвалидов, существовал ряд документов, регламентирующих пенсионное обеспечение инвалидов, значительное внимание уделялось пассивным, компенсирующим мерам по поддержке жизнедеятельности инвалидов. Описанная ситуация не способствовала активному вовлечению инвалидов в общественную и трудовую жизнь, группа инвалидности назначалась в зависимости от трудоспособности человека, действовал ряд документов по пенсионному обеспечению инвалидов с учетом группы инвалидности, заработной платы, дифференциации размера пенсионных выплат для рабочих и служащих в зависимости от природы заболевания. Содержание нормативных правовых актов, регулирующих правовой статус инвалидов, не соответствовало международным стандартам.

Второй период — формирование новой модели институтов социальной защиты и поддержки населения, в том числе инвалидов, в период с 1990 по 1994 г., создание предпосылок перехода к социальной модели инвалидности. В этот период принят первый закон, устанавливающий права инвалидов, — закон СССР от 11 декабря 1990 г. № 1826-1 «Об основных началах социальной защищенности в СССР», который привел законодательство страны в соответствие с нормами международного права, закрепив права инвалидов на получение образования, медицинскую помощь, трудовую деятельность и др., тем самым существенно изменив правовой статус инвалидов. Назначение документа состояло в определении государственной политики в отношении инвалидов для обеспечения им равных со всеми другими гражданами СССР возможностей в реализации прав и свобод, устранив ограничений в их жизнедеятельности, создании благоприятных условий для ведения ими полноценного образа жизни, активного участия в экономической и политической жизни общества, выполнения своих гражданских обязанностей. Следовательно, в этот период состоялось юридическое оформление перехода от медицинской трактовки инвалидности к ее социальной интерпретации. В перспективе это привело к существенной трансформации правового статуса инвалидов в Российской Федерации.

Третий период — развитие концепции инвалидности и реализация мер по интеграции инвалидов в общество в период с 1995 по 2001 г. Законодательное нормирование правового статуса инвалидов осуществлялось в контексте международных правовых актов. Важным событием явилось принятие Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который стал неким «преемником» упомянутого закона и включал ряд положений Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов (1993). По этой причине состоялось реформирование системы освидетельствования инвалидов. В этот период впервые Постановлением Правительства РФ от 16 января 1995 г. № 59 утверждена Федеральная комплексная программа «Социальная поддержка инвалидов» на 1995–1999 гг. Несмотря на принятие новых

законодательных актов и программно-целевых документов, утверждающих понимание инвалидности в контексте социального подхода, продолжалась реализация медицинской модели инвалидности. По нашему мнению, при нормативном закреплении равных со всеми людьми прав инвалидов посредством имплементации международных норм в российское законодательство данная категория лиц продолжала рассматриваться как пассивные получатели медицинских и социальных услуг.

Четвертый период — изменение положения инвалидов с учетом реформирования пенсионной системы и монетизации льгот в период с 2002 по 2009 г. Приняты новые нормативные правовые акты, которые определяли три вида пенсий по инвалидности: трудовую, государственную и социальную, в контексте реформы предоставления льгот инвалидам произошли такие изменения, как монетизация части льгот, объединение ряда льгот в социальный пакет (набор социальных услуг), а начатое в 1990-е гг. наращивание социального обеспечения лиц в трудной жизненной ситуации за счет повышения пенсий и пособий, предоставления неденежных льгот в 2000-х гг. выступало в качестве сдерживающего фактора социальных проблем в результате экономических преобразований (Демьянова, 2015). В 2000–2005, затем в 2006–2010 гг. осуществлялась реализация федеральных целевых программ по социальной поддержке инвалидов, благодаря которым решались задачи максимально возможной интеграции инвалидов в общество путем повышения качества медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов, развития отечественного рынка реабилитационной индустрии, содействия безбарьерному доступу инвалидов к инфраструктуре.

Пятый период — формирование доступной среды для инвалидов в рамках концепции равных прав инвалидов на участие во всех сферах жизни общества в 2010–2015 гг. Период характеризуется в основном принятием Федерального закона от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» и Федерального закона от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов». С учетом этого произошли изменения в нормативной правовой базе, регламентирующей правовой статус инвалидов и реализацию комплекса мер в отношении инвалидов: утверждены классификации и критерии для осуществления медико-социальной экспертизы граждан с учетом международных стандартов, принята государственная программа «Доступная среда», реализация мероприятий которой не только стала показателем готовности страны к формированию условий для соблюдения международных стандартов в области прав инвалидов, но и утвердила принципы политики государства в отношении лиц с инвалидностью. Приняты нормативные акты о порядке разработки федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления мероприятий по повышению доступности для инвалидов объектов и услуг в сфере образования, здравоохранения, труда,

занятости и социальной защиты. Эти акты ориентированы на реализацию права инвалидов на беспрепятственный доступ к объектам и услугам в приоритетных сферах жизнедеятельности. Указами Президента РФ 2012 г. определена необходимость реализации права инвалидов на получение образования и трудовую занятость, а именно подготовка специализированных программ профессионального обучения, обеспечение безбарьерной среды в профессиональных образовательных организациях, создание специальных рабочих мест для инвалидов. В данный период Российская Федерация стала активно руководствоваться международными стандартами прав инвалидов, которые определили смысл государственной политики в отношении этой категории лиц, а также содержание нормативных правовых актов, регулирующих правовой статус инвалидов.

Дополняя периодизацию А. В. Демьяновой, обозначим следующий период. *Шестой период — развитие российского законодательства в отношении инвалидов с учетом практики правоприменения с 2016 г. по настоящее время.* Этот период характеризуется внесением изменений в действующие и принятием новых нормативных правовых актов, закрепляющих права инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов, и с учетом анализа практики правоприменения действующего законодательства, который выявил системные лакуны в государственном регулировании создания безбарьерной среды и устранения исключения по признаку инвалидности. Стала очевидной необходимость внесения существенных и коррелирующих между собой изменений в целый ряд законодательных актов. В связи с этим Федеральным законом от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» произведены изменения в ряде законодательных актов о занятости населения, социальной защите населения, об образовании, о гарантиях избирательных прав граждан, о связи, о культуре и др. Все изменения связаны с обеспечением доступности объектов и услуг для инвалидов, что в целом соответствует международным нормам. Не менее 55 изменений претерпел Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», большая часть из которых связана с закреплением равных со всеми людьми или особых прав инвалидов в разных сферах в соответствии с нормами международных документов. Системообразующим документом в проводимых изменениях выступает государственная программа РФ «Доступная среда» с комплексом мер по созданию правовых, экономических и институциональных условий по интеграции инвалидов в общество и повышению качества их жизни. Поэтапная реализация дорожных карт по повышению доступности для инвалидов объектов органов и организаций и услуг, предоставляемых ими, способствовала направленности на соблюдение прав инвалидов на полное и полноценное участие в жизни общества.

Принимая во внимание тот факт, что рамки статьи не позволяют провести детальный анализ всего спектра нормативных правовых актов в части прав инва-

лидов, сформулируем ряд выводов, отражающих трансформацию правового регулирования статуса инвалида:

- трансформация правового статуса инвалидов в отечественном законодательстве осуществлялась от приоритета патернализма и минимального социального обеспечения к признанию, нормативному закреплению и расширению прав инвалидов как субъектов, обладающих всем комплексом прав человека наряду с другими людьми;
- в контексте реализации норм международного права во многих нормативных правовых актах закреплен принцип недискриминации инвалидов по разным основаниям и меры по устранению барьеров равного участия в различных сферах жизнедеятельности;
- правовой статус инвалидов претерпел существенные изменения, произошло уточнение и расширение как общих, так и специальных прав инвалидов на основе имплементации норм международного права в российское законодательство;
- нормативными правовыми актами сформированы гарантии прав инвалидов на получение доступного и качественного образования, услуг в сфере здравоохранения, труда и занятости населения, в сфере социального обслуживания и многих других, которые существенно расширяют возможности интеграции лиц с инвалидностью в общество;
- в нормативных правовых актах отсутствуют правовые основания, предполагающие конфликт норм российского законодательства с положениями Конвенции о правах инвалидов, но эффективность утвержденных мер по соблюдению прав инвалидов нивелируется по-прежнему существующими барьерами в разных сферах социальной жизни;
- признание инвалидов субъектами прав человека, обладающими совокупностью прав наравне с остальными людьми, а также специальными правами, приводит к осознанию необходимости трансформации правового регулирования статуса инвалидов в части определения специфических обязанностей этой категории лиц, так как правовой статус включает не только права и законные интересы, но и обязанности и ответственность;
- при нормативном закреплении общих и специальных прав инвалидов практика правоприменения свидетельствует о многочисленных нарушениях прав граждан с инвалидностью практически во всех сферах жизнедеятельности¹.

Заключение

Таким образом, трансформация правового регулирования статуса инвалидов происходила от восприятия лиц с инвалидностью как субъектов социального обеспечения к их принятию как субъектов равных прав, для полной реализации которых инвалиды нуждаются в социальной защите. В настоящее время спектр общих и специальных прав инвалидов является исчерпывающим и соот-

¹ О многочисленных нарушениях прав граждан с инвалидностью, допускаемых органами государственно власти, местного самоуправления и хозяйствующими субъектами // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=82977095>

ветствующим международным правовым актам. В качестве перспективы определяем необходимость анализа практики правоприменения и реализации прав инвалидов, совершенствование нормативных актов с целью устранения пробелов правового регулирования, реализацию превентивных мер на основе правового просвещения представителей органов власти и граждан в сфере прав инвалидов, а также мониторинг фактического положения инвалидов, позволяющий установить повышение качества жизни инвалидов в результате трансформации их правового статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Богатова Е. В., Шмелев А. В. Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 173–177. DOI 10.24412/2227-7315-2023-6-172-177

Большая юридическая энциклопедия / авт.-сост. А.Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2010.

Винникова Р.В. Имплементация норм Конвенции ООН о правах инвалидов в законодательстве Российской Федерации и других государств // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25. С. 61–66.

Гришковец А. А., Галицкая Н. В. Актуальные проблемы государственной поддержки и защиты прав инвалидов в современной России (административно-правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 2. С 105–116. DOI 10.52452/19931778_2023_2_105

Демьянова А.В. Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России: препринт. М., 2015. 50 с. URL: https://www.hse.ru/data/2015/10/19/1076582141/WP3_2015_09_.pdf (дата обращения: 23.01.2025).

Дитятковский М. Ю. О доступной среде в муниципальных образованиях Российской Федерации // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 4. С. 96–105. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).96-105

Жаворонков Р. Н. Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты). М. : У Никитских ворот, 2020. 248 с.

Каирова А. И., Никитин А. Н. Нормативно-правовое регулирование механизма контроля соблюдения требований к обеспечению доступной среды для инвалидов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 29–31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_29

Клишас А. А. Международно-правовые аспекты, связанные с ратификацией Россией Конвенции о правах инвалидов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 210–215.

Особенности правового регулирования труда и социального обеспечения инвалидов / сост. М. Ю. Осипов. 2-е изд. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024. 275 с.

Попадейкин В. В., Соловьев А. А., Розанова Е. В., Нарциссова С. Ю. Правовая защита и социализация инвалидов. М.: Эдитус, 2023. 228 с.

Сивакова И.В. Инвалидность. Полный универсальный справочник. М. : Пропсект, 2023. 96 с.

Шилов Ю. В. Вопросы формирования особого правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья // Флагман науки. 2024. № 10. С. 231–233.

REFERENCES

- Bogatova, E. V., Shmelev A. V. (2023). The specifics of prosecutorial supervision over the observance of the rights of socially vulnerable categories of citizens. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, 6, 173–177. <https://doi:10.24412/2227-7315-2023-6-172-177> (In Russ.).
- Barikhin, A.B. (author-comp.) *The Great Legal Encyclopedia* (2010). Moscow: Knizhnyj mir. (In Russ.).
- Vinnikova, R. V. (2015). Implementation of the norms of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the legislation of the Russian Federation and other States. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25, 61–66. (In Russ.)
- Grishkovets, A. A., Galitskaya, N. V. (2023). Actual problems of state support and protection of the rights of persons with disabilities in modern Russia (administrative and legal aspects). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2, 105–116. https://doi: 10.52452/19931778_2023_2_105 (In Russ.).
- Demyanova, A. V. (2015). *Social policy in the field of protection of the rights of persons with disabilities in Russia. Preprint*. Moscow. URL: https://www.hse.ru/data/2015/10/19/1076582141/WP3_2015_09_____.pdf (date of request: 01/23/2025). (In Russ.).
- Dityatkovsky, M.Yu. (2023). About the accessible environment in the municipalities of the Russian Federation. *Pravoprimenenie*, 4(7), 96–105. [https://doi: 10.52468/ 2542-1514.2023.7\(4\).96-105](https://doi: 10.52468/ 2542-1514.2023.7(4).96-105) (In Russ.).
- Zhavoronkov, R. N. (2020). *Social protection of the disabled: yesterday, today, tomorrow (legal aspects)*. Moscow: U Nikitskih vorot (In Russ.).
- Kairova, A. I., Nikitin, A. N. (2023). Regulatory and legal regulation of the mechanism for monitoring compliance with requirements for providing an accessible environment for people with disabilities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 1, 29–31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_29 (In Russ.).
- Klishas, A. A. (2012). International legal aspects related to Russia's ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2, 210–215. (In Russ.).
- Osipov, M. Yu. (comp.). (2024). *Features of legal regulation of labor and social security for the disabled. 2nd ed.* Moscow : Aj Pi Ar Media (In Russ.).
- Popadeikin, V. V., Soloviev, A. A., Rozanova, E. V., Narcissova, S. Yu. (2023). *Legal protection and socialization of the disabled*. Moscow : Editus (In Russ.).
- Sivakova, I. V. (2023). *Disability. A complete universal reference*. Moscow : Prospekt (In Russ.).

Shilov, Yu.V. (2024). Issues of formation of the special legal status of persons with disabilities. *Flagman nauki*, 10, 231–233. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Светлана Викторовна Соловьева — канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Svetlana V. Solovyeva — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
одобрена после рецензирования 14.02.2025;

принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025;
approved after reviewing 14.02.2025;
accepted for publication 14.02.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 376.2

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-07

Экспертная оценка современных проблем формирования инклюзивной образовательной среды (результаты социологического исследования)

Ильдар Закиевич Гимаев

Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия, gimaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6374-5139>

Аннотация. С введением статистического учета в 1996 г. и по настоящее время в России фиксируется непрерывный рост числа детей с ОВЗ и инвалидностью в возрасте от 0 до 15 лет. Негативная тенденция носит устойчивый характер и привела к увеличению численности детей с ОВЗ и с инвалидностью за этот период на 63,5%. На современную систему специального и инклюзивного образования наряду с основной задачей передачи знаний возложены функции абилитации и социализации, психолого-педагогической коррекции ребенка. Цель исследования — выявить современные проблемы формирования образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью и получить экспертную оценку системы факторов, оказывающих влияние на ее формирование. Метод социологического исследования — экспертный опрос педагогов и заместителей директоров учреждений специального и инклюзивного образования, обладающих необходимыми знаниями и опытом работы. В результате исследования выявлены и охарактеризованы проблемы развития кадрового потенциала и обеспеченность квалифицированными кадрами в области специального образования. Даны экспертная оценка навыков и компетенций педагогов и специалистов, уровень психологической готовности, эмпатии и адаптивности к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью. Рассмотрены вопросы нормативно-правовой, учебно-методической, материально-технической обеспеченности образовательной среды, а также представление экспертного сообщества о глубине и значимости существующих проблем.

Ключевые слова: специальное образование, инклюзивное образование, дети с ОВЗ и с инвалидностью, коррекционные школы, образовательная среда

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания «Социальные проблемы повышения качества образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью в школах Республики Башкортостан» (рег. № НИОКР 124030100104-8).

Для цитирования: Гимаев И. З. Экспертная оценка современных проблем формирования инклюзивной образовательной среды (результаты социологического исследования) // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 102–115. doi: 10.14258/ssi(2025)1-07.

Expert Assessment of Contemporary Problems of Inclusive Educational Environment Formation (Results of a Sociological Research)

Ildar Z. Gimaev

Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia,
gimaev@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6374-5139

Abstract. Since the introduction of statistical accounting in 1996 and up to the present time in Russia there has been a continuous increase in the number of children with disabilities aged 0 to 15 years. The negative trend is sustainable and has led to an increase in the number of children with disabilities during this period by 63.5%. The modern system of special and inclusive education, along with the main task of transferring knowledge and forming behavioral skills, is assigned the functions of habilitation and socialization of the child, his psychological and pedagogical correction. The objective of the study is to identify current problems of forming an educational environment for children with disabilities and disabilities and to obtain an expert assessment of the system of factors influencing its formation. The method of sociological research is an expert survey of teachers and deputy directors of special and inclusive education institutions who have the necessary knowledge and work experience. The problems of development of human resources and provision of qualified personnel in the field of special education, availability of relevant competencies and skills, psychological readiness, empathy and adaptability to work with children with disabilities and disabilities are identified and characterized. An expert assessment of the regulatory, educational and methodological, material and technical support of special education and the formation of the educational environment, the expert community's view of the depth and significance of existing problems are given.

Keywords: special education; inclusive education, children with disabilities and disabilities; correctional schools, educational environment

Financial Support: the article was prepared within the framework of the state assignment "Social problems of improving the quality of the educational environment for children with disabilities in schools of the Republic of Bashkortostan" (reg. N NIOKTR 124030100104-8).

For citation: Gimaev I. Z. (2025). Expert Assessment of Contemporary Problems of Inclusive Educational Environment Formation (Results of a Sociological Research) *Society and Security Insights*, 8(1), 102–115. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-07.

Введение

Образовательные учреждения специального и инклюзивного образования в силу своей специфики и организации отличаются по содержанию, форме и методам обучения. Образовательные учреждения, реализующие основные адаптивные программы (т.е. школы, под которыми традиционно принято понимать коррекционные образовательные учреждения), ориентированы в первую очередь на коррекцию дефицитов и развитие специфических навыков, необходимых для учащихся с ограниченными возможностями, имеют разработанное методическое, ин-

фраструктурное, педагогическое обеспечение. В коррекционных школах отмечается щадящий режим обучения, малая наполняемость классов, индивидуальный подход и целенаправленная коррекционная работа, включающая как лечебные, так и психолого-педагогические технологии работы; в работе используют специальные методики, направленные на коррекцию и поддержку (Елисеева, Ерсарина, 2019). Материально-техническое оснащение в таких учреждениях в полной мере ориентировано на имеющиеся у детей особенности развития (Алехина, 2023).

В инклюзивных учреждениях содержание обучения интегрируется и адаптируется под различные группы учащихся, чтобы обеспечить всем равные возможности. Это может включать в себя использование индивидуализированных учебных планов и заместительных технологий. Инклюзивное образование включает совместное обучение детей с разными потребностями в одном классе, что способствует социальной интеграции и обмену опытом между учащимися, а учреждения имеют дополнительные штатные единицы, необходимую архитектурную среду, расширенный спектр услуг для удовлетворения множественных образовательных запросов (Фуряева, 2019). В условиях современной школы наиболее распространенным видом инклюзии становится преобразование школьного пространства, организация доступности на уровне инфраструктуры: наличие лифта, пандусов, расширенных дверных проемов, табличек со шрифтом Брайля, звукового сопровождения и т.д. (Миронова, Смолина, Новгородцева, 2019). Эти различия определяют подходы образовательных учреждений и влияют на успех учащихся с различными потребностями.

В силу своей специфики и специализации современная система дифференцированного образования, в отличие от инклюзивного, носит устойчивый характер и не подвержена каким-либо серьезным изменениям. Система инклюзивного образования, несмотря на особое внимание государства и накопленный опыт, имеет ряд противоречий (Гимаев, 2024). Социальные противоречия в организации инклюзивной образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью заключаются, во-первых, в необходимости соблюдения педагогами оптимального баланса между реализацией образовательных программ, передачи знания, освоения учебного материала и решением вопросов социализации, психофизиологической коррекции ребенка, во-вторых, в необходимости сочетания профессиональных качеств, связанных с педагогической деятельностью и психоэмоциональной подготовленностью педагога. В рамках настоящего исследования решалась задача определения экспертного мнения по данным противоречиям.

Методика исследования

С целью получения наиболее полной и достоверной информации по вопросам формирования образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью в школах Республики Башкортостан, а именно для анализа и характеристики существующих проблем и противоречий в образовательной среде и факторов, оказывающих влияние на качество образовательной среды, коллективом Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан в сентябре

бре 2024 г. был проведен сбор социологической информации методом экспертного опроса в области специального образования.

В ходе исследования были выявлены определенные противоречия, наличие или отсутствие которых непосредственным образом оказывает влияние на формирование образовательной среды. Участники группы — педагоги и специалисты в области специального и инклюзивного образования со сходными социально-демографическими характеристиками, установками и моделями поведения (n = 34). Критерием отбора информантов стали их профессиональный статус, компетентность, опыт и специальные практические знания, активная вовлеченность в проблематику, доступ к «эксклюзивной» информации и практическим наработкам.

Социально-демографическая характеристика участников экспертного опроса: большинство участников — женщины (95,1%, мужчин — 4,9%). Старше 50 лет — 43,7%, в возрасте 40–49 лет — 37,9%, 30–39 лет — 12,6%. Педагогический стаж более 15 лет в области специального образования у 65,0%, 13,6% — от 10 до 15 лет, 9,7% — от 5 до 10 лет, 11,7% — до 5 лет. Вклад в развитие системы образования большинства участников опроса отмечен федеральными, республиканскими и муниципальными знаками отличия, грамотами, благодарственными письмами. В состав группы вошли отличники образования Республики Башкортостан, почетные работники воспитания и просвещения Российской Федерации, заслуженный учитель, «Учитель года».

Результаты

Образовательная среда для детей с ОВЗ и с инвалидностью участниками экспертного опроса воспринимается неоднозначно. Более половины участников экспертного опроса (54,4%) считают, что образовательная среда в целом приемлема, но имеет некоторые проблемы. Каждый десятый участник (9,7%) воспринимает ее как неприемлемую, а 2,9% — как абсолютно не приемлемую для качественного обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью. Еще 7,8% респондентов затруднились ответить. Согласно полученным данным, проблемы в образовательной среде существуют, и эксперты этого не скрывают (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Оценка состояния образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью в республике, %

Evaluation of the state of the educational environment for children with disabilities in the republic, %

Варианты ответов	Процент
Образовательная среда вполне приемлема	25,2
Образовательная среда в целом приемлема, но имеются некоторые проблемы	54,4

Продолжение табл. №1

Образовательная среда скорее неприемлема для качественного обучения детей-инвалидов	9,7
Образовательная среда абсолютно не приемлема для качественного обучения детей-инвалидов	2,9
Затрудняюсь ответить	7,8
Итого	100,0

Источник: Данные социологического опроса, проведенного среди экспертов — педагогов и специалистов в области специального и инклюзивного образования в Республике Башкортостан в 2024 г. Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан.

Это подтверждается результатами анализа ответов на вопрос о способности современной системы специального образования дать ребенку с ОВЗ и с инвалидностью необходимые знания, обеспечить психофизиологическую коррекцию и социализацию в обществе. Большинство экспертов (58,2%) скорее положительно оценили возможности современной системы образования, чем отрицательно, т.е. отметили некоторое наличие проблем и противоречий. Скорее отрицательно, чем положительно, — 10,7% респондентов. Твердое «да» сказали 31,1% респондентов, что коррелирует с предыдущими ответами (рис. 1).

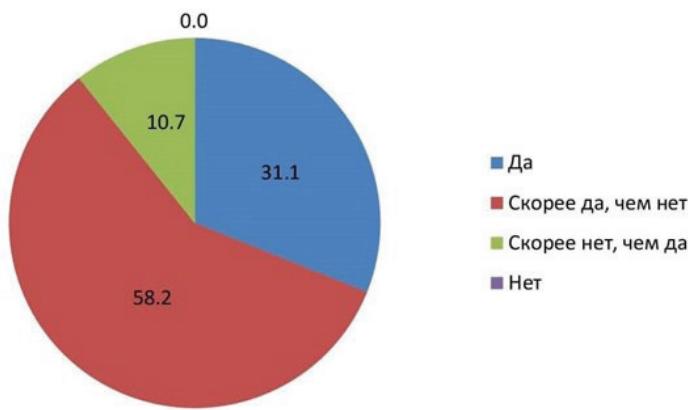

Рисунок 1 — Оценка эффективности современной системы специального образования, %.

Figure 1 — Evaluation of the effectiveness of the modern system of special education, %.

По мнению экспертов, современными факторами, оказывающими влияние на формирование образовательной среды, являются:

1) низкая заработная плата — «Низкая зарплата специалиста», «В обычных образовательных учреждениях эти занятия не оплачиваются»,

2) недостаток педагогических кадров — «Не хватает специалистов», «Нет специалистов», «Не хватает специалистов, специально обученных. В школе невозможно уделять отдельное внимание детям с особенностями», «В школах нет достаточного количества педагогов-психологов, дефектологов», «Не хватает специалистов для качественного обучения детей с ОВЗ», «Нет специалистов, условия не полностью соответствуют»,

3) отсутствие необходимой материальной базы — «Не все сделано для детей инвалидов», «Недостаточно оборудования для работы с детьми с ОВЗ. Количество таких ребятишек с каждым годом только растет и требует от специалистов все большие внимания. Но нельзя забывать, что в школе кроме ребят с ОВЗ к психологам и логопедам обращаются и остальные дети. На всех не хватает времени, сил и возможности помочь», «Нет нужной базы учебных материалов», «Отсутствует спец. методика».

На частичное несоответствие условий, созданных в образовательном учреждении, указали 55,3% экспертов, на полное несоответствие — 3,9%.

Большинство участников опроса (68,9%) отметили, что работать с детьми с ОВЗ и с инвалидностью в настоящее время стало сложнее. На основе высказанных замечаний и мнений экспертов по данному вопросу можно выделить несколько групп причин:

1) серьезность заболевания, усложнение диагноза и рост числа детей с ОВЗ и с инвалидностью — «Серьезные заболевания, диагнозы усложняются», «Дети сейчас другие, не то что раньше, и диагноз у всех разный», «Дети стали более тяжелые», «Дети все сложнее», «Дети приходят очень сложные», «Утяжеление детского контингента» (имеются в виду диагнозы), «В связи со сложными диагнозами», «Много детей с ОВЗ», «Детей стало больше со сложными заболеваниями», «Детей с каждым годом все больше, их надо обучать в специальных классах, а не со всеми детьми», «Их становится много», «Появились дети ОВЗ с РАС, дети, которые относятся к двум нозологическим группам», «В классах таких детей стало больше, иногда в одном классе сидят 3–4, а иногда и больше детей. Учитель при всем желании не может в должной мере уделять им всем необходимое внимание, так как кроме детей с ОВЗ в классе еще бывает около 20 обычных детей»;

2) взаимоотношения между школой и семьей, отношение родителей к проблеме обучения и воспитания ребенка — «Работу усложняют родители», «Возросшие запросы от родителей. От школы ждут такой же помощи, как от медицинских реабилитационных центров», «Родители не желают признавать, что их ребенок имеет ОВЗ», «Число детей с инвалидностью резко увеличилось, родители против домашнего обучения. У родителей выгорание, думаю, было бы лучше, если бы открыли центры с нужными специалистами. Таких детей в первую очередь надо обучать социальным навыкам», «Родители стали безответственными в этом плане»; проблему взаимоотношений школы и родителей можно охарактеризовать высказыванием одного из участников экспертного опроса: «Родители или с завышенными запросами, или не понимают проблему ребенка»;

3) нехватка педагогов и специалистов, знаний, условий для обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью — «Часто нет связи школы и родителей», «Не хватает узких специалистов», «Нет специалистов по работе с ОВЗ», «Условий в школах нет. Нет психологов», «Недостаточно организованы условия для обучения детей с ОВЗ», «Отсутствие методической литературы, отсутствие специалистов (дефектолога, логопеда...)», «Нет методического сопровождения», «Нет комплексной работы всех специалистов», «Необходима конкретная программа для учителя», «Появились дети с РАС, как с ними работать — не хватает знаний», «Не всегда есть условия», «Требуются большие материально-технической базы», «Дети с инвалидностью приходят учиться в обычные школы, где не созданы условия для их обучения и воспитания»;

4) отсутствие мотивации у учащихся, внимания со стороны педагогов — «Отсутствует мотивация у ребенка к познавательной деятельности, ограничены представления об окружающем мире», «В инклюзивных классах детям с ОВЗ и инвалидностью уделяется недостаточное внимание», «Детям с ОВЗ нужно уделять отдельное время, что в современных реалиях урока в 40 минут с классом более 20 человек практически невозможно», «Одновременно работать в классе со всеми — дети начинают отвлекаться»;

5) необходимость обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью в специальных образовательных учреждениях, проведения занятий со специалистами: «Такие дети должны учиться в специальной образовательной организации», «Мне кажется, что с такими детьми должны заниматься специалисты».

Участникам экспертного опроса было предложено распределить педагогические процессы в зависимости от объема уделяемого внимания: каким процессам в своей работе педагоги уделяют больше внимания, а каким — меньше. В работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью эксперты примерно в равной степени уделяют внимание улучшению психофизического состояния, социальной адаптации, коррекции поведения ребенка и в меньшей степени — развитию когнитивных функций (рис. 2).

По мнению участников экспертного опроса, это объясняется тем, что, прежде чем обучать ребенка с ОВЗ и с инвалидностью, необходимо его «научить учиться», т.е. провести коррекцию поведения, улучшить психофизиологическое состояние, адаптировать в среде (классе), «выправить необходимые навыки».

Участникам экспертного опроса было предложено обсудить следующие факторы, существующие в современной образовательной среде для детей с ОВЗ и с инвалидностью:

— обеспечение образовательного процесса квалифицированными педагогами и специалистами, наличие у педагогов и специалистов соответствующих компетенций для работы с детьми с ОВЗ и с инвалидностью,

— нормативно-правовое, учебно-методическое, материально-техническое обеспечение образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью,

— психологическая готовность, эмпатия и адаптивность педагогов к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью.

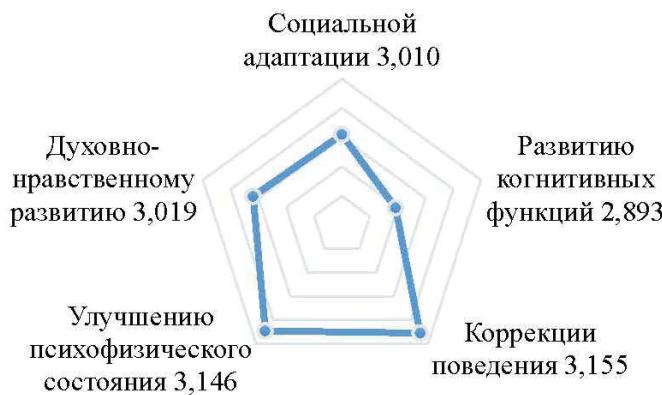

Рисунок 2 — Объем внимания, уделяемый различным сторонам

педагогического процесса в работе с детьми с ОВЗ и с инвалидами.

Figure 2 — The amount of attention paid to various aspects of the pedagogical process in working with children with disabilities and with disabilities.

Развитие кадрового потенциала

«Работа учителей во многом определяет устойчивость, стабильность и будущее страны», — В.В. Путин¹. Дефицит профессиональных кадров, недостаточная профессиональная квалификация, отсутствие или недостаточность соответствующих компетенций у педагогов и специалистов для работы с детьми с ОВЗ и с инвалидностью, по мнению исследователей, в настоящее время является первостепенной проблемой и носит нарастающий характер. Согласно экспертной оценке Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС, несмотря на избыточную подготовку педагогических кадров в регионах и в целом по стране, система образования испытывает дефицит в учителях и специалистах (Бондаренко и др., 2023). По данным мониторинга 2023 г. лишь 62,0% выпускников, окончивших вузы по педагогическим направлениям подготовки, работают в сфере образования. В системе подготовки специалистов среднего звена этот показатель не намного выше — 76,5%. Кадровый дефицит отмечают многие учителя, причем нарастают он год от года. Например, если в 2021 г. о существенном дефиците говорили только 4,8% респондентов, то в 2022 г. — уже около 11,0%. Причины сложившейся ситуации эксперты видят в увеличении педагогической нагрузки — начиная с 2016 г. численность школьников увеличилась на 16,6%, в то время как учителей стало больше только на 0,5%; снижение авторитета и привлекательности профессии педагога — 13,5% педагогов признались, что в профессии учителя их ничего не привлекает, 80,0% учителей не видят перспектив карьерного ро-

¹ «Путин считает, что от труда педагогов зависит устойчивость, стабильности и будущее России»: Совещание с Правительством РФ 24.01.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16872375> (дата обращения: 23.07.2024).

ста, 60,0% говорят, что работать в школе становится все сложнее; низкий уровень заработной платы — согласно экспертной оценке специалистов РАНХиГС, 46,0% педагогов не удовлетворены заработной платой (по мнению специалистов, это главная причина ухода из профессии); увеличение объема отчетности, организационной работы, бюрократической волокиты (Дашковская, 2023).

Отметим, что профессиональными компетенциями педагогов в сфере специального образования являются нормативно-творческая, проектная, диагностико-консультативная, педагогическая, образовательная, коррекционно-развивающая, научно-методическая, социально-педагогическая, психологическая, культурно-просветительская, научно-исследовательская (Горбунова, 2021). Один из факторов, оказывающих влияние на профессиональную компетентность педагогических кадров, — уменьшение сроков обучения специалистов дефектологов, логопедов, психологов. Вместо необходимых семи лет обучения и освоения специальности сейчас предполагается четыре года обучения по направлению бакалавриата. Этого недостаточно для обучения специалиста профессиональным знаниям и навыкам коррекционного педагога. Второй фактор — необходимость повышения квалификации на постоянной основе как одно из условий повышения качества и эффективности педагогического процесса. Третий — отсутствие престижности, низкая востребованность профессии педагога и коррекционного специалиста у молодежи. Здесь необходимо внимание государства в вопросах принятия комплекса социально-экономических мер, стимулирующих граждан осваивать профессии педагога и коррекционного специалиста. Необходимо повышать престижность этой профессии.

Кроме того, в России проявляется тенденция старения педагогического состава. В 2023/2024 учебном году 14,6% сотрудников были моложе 30 лет, 31,5% — от 30 до 45 лет, 41,3% — от 45 до 59 лет.

На начало 2024 г. не хватает более 220 тысяч учителей по всей России. Это проблема далеко не последних лет, даже не последних десятилетий (Скребкова, 2024). В сфере коррекционной педагогики в России дефицит кадров составил 12 тыс. чел. и, по мнению специалистов, он будет только возрастать.²

Выходом из создавшейся ситуации является увеличение заработной платы и предоставление различных льгот учителям (Светличная, Волобуева, 2023). По данным Росстата, средняя зарплата учителя в январе — марте 2024 г. составляла 58 109 руб.³

Результаты экспертного опроса

61,2% участников экспертного опроса указали на проблему кадрового обеспечения образовательных учреждений как на важнейшую. Еще 42,7% респондентов обратили внимание на отсутствие или слабую представленность у пе-

² Кузнецова А.Ю. В России дефицит коррекционной педагогики составляет 12 тыс. человек. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/18219129> (дата обращения: 22.08.2024).

³ Средняя заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2024.htm (дата обращения: 18.07.2024).

дагогов и специалистов соответствующих компетенций и навыков для работы с детьми с ОВЗ и с инвалидностью. В ответе на вопрос, с помощью каких мер можно повысить качество образования детей с ОВЗ и с инвалидностью, 61,9% участников экспертного опроса ответили — преодолеть кадровый дефицит педагогов и специалистов, 35,9% — повысить профессиональные качества и компетенции учителей и специалистов.

Нормативно-правовое, учебно-методическое, материально-техническое обеспечение образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью

Нормативно-правовое, учебно-методическое, материально-техническое обеспечение образовательной деятельности является системообразующим фактором формирования образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью, которое невозможно рассмотреть в рамках одной научно-исследовательской работы, что требует дополнительного исследования, а также индивидуального подхода к каждому образовательному учреждению, что и практикуется в современной системе образования как процедура самообследования образовательного учреждения.

Результаты экспертного опроса

В целом на проблему недостаточности материально-технического оснащения образовательных учреждений в плане создания необходимых педагогу условий для осуществления педагогического процесса указали 50,5% участников экспертного опроса. Эта цифра заставляет задуматься над вопросом оснащенности образовательных учреждений необходимыми материально-техническими средствами и оборудованием. На слабую нормативно-правовую и учебно-методическую обеспеченность педагогического процесса указали 23,3% экспертов, что может рассматриваться как одна из причин недостаточной квалификации педагогов и эффективности их труда.

Психологическая готовность, эмпатия и адаптивность педагогов и специалистов к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью

В ходе осуществления образовательного процесса остро встает вопрос психоэмоциональной готовности педагогов и специалистов к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью (Калашникова, 2021). Обнаруживается недостаток профессиональных компетенций для работы в специальной образовательной среде, наличие психологических барьеров и профессиональных стереотипов. Исследователи, специализирующиеся на изучении проблем педагогов специального образования, основными причинами психологических барьеров педагогов считают: страх перед неизвестным, страх вреда инклюзии для остальных учеников, негативные установки и предубеждения, профессиональную неуверенность, нежелание изменяться, психологическую неготовность к работе с особыми детьми.

Выделяют три вида отношения педагогов к обучению детей с ОВЗ и с инвалидностью:

- 1) педагоги испытывают к детям снисхождение или безразличие,

- 2) испытывают психоэмоциональные трудности в восприятии ребенка,
- 3) проявляют положительное участие (Левитская, 2009).

Причина первых двух видов отношения — недостаточность профессиональных знаний и понимания методик обучения детей с ОВЗ и с инвалидностью, отсутствие опыта (Романовская, Хафизуллина, 2012), отсутствие психологической подготовки педагога к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью (Поташник, 2019).

Психологическая готовность педагога к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью предполагает сформированность целого комплекса качеств, которые основываются на личностных ресурсах. Исследователь психологической готовности педагогов профессор М.А. Калашникова рассматривает психологическую компетентность как взаимосвязанную систему мотивационного, когнитивного, операционно-деятельностного и ценностно-смыслового компонентов. В исследовании 2022 г. М.А. Калашникова отмечает, что основным недостатком, по мнению педагогов, является недостаток психологических знаний — 57,0%. Более половины педагогов (58%) не умеют видеть за поведением ребенка его психологическое состояние. Результатом исследования стало вычисление индивидуального коэффициента психологической компетентности. У 15% педагогов был выявлен высокий уровень психологической компетентности, у 55% — средний и низкий — у 30% респондентов (Калашникова, 2022).

Результаты экспертного опроса

Психоэмоциональную подготовку, эмпатию и адаптивность педагогов и специалистов для работы с детьми с ОВЗ и с инвалидностью как проблему организации образовательного процесса отметили четверть участников экспертного опроса (25,2%). Примерно такое же количество экспертов (24,3%) отметили, что наряду с другими факторами, оказывающими влияние на повышение качества образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью, у педагогов и специалистов необходимо развивать такие качества, как психоэмоциональные навыки и эмпатия.

Заключение

В результате социологического исследования было выявлено мнение экспертов — педагогов и специалистов общеобразовательных учреждений интегрированного и инклюзивного образования с опытом работы и специфическими знаниями в области специального образования. Опрос педагогов и специалистов был направлен на экспертный анализ и характеристику современных проблем формирования образовательной среды и экспертную оценку системы факторов, оказывающих влияние на формирование образовательной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью. Представители экспертного сообщества, зная изнутри ситуацию в системе образования, отметили кадровый дефицит и недостаточную квалификацию педагогов и специалистов, необходимость повышения психологической подготовки педагогов к работе с детьми с ОВЗ и с инвалидностью, развитие эмпатии и адаптивных навыков.

В целом в российском образовании сложилась действенная система реализации специального образования, призванная удовлетворить потребности де-

тей с различными недугами и различной степени тяжести. Проблемы существуют, и они находятся в поле общественного обсуждения, научного исследования и государственного внимания. Ежегодно увеличивается численность детей с ОВЗ и с инвалидностью за счет расширения категорий заболеваний и совершенствования системы диагностирования. При организации специального образования возникают сложности и противоречия, которые препятствуют получению положительного результата. Инклюзия в образовательной среде — это уже не просто доступность образовательного учреждения с точки зрения инфраструктурных решений, а социальная инклюзия, т.е. формирование доступного социального пространства для всех акторов педагогического процесса.

Решение рассмотренных проблем, управление социальными факторами, оказывающими влияние на формирование образовательной среды, разрешение существующих противоречий позволит повысить качество педагогического процесса для детей с ОВЗ и с инвалидностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алехина С. В., Шеманов А. Ю. Оценка родителями инклюзивной образовательной среды школы и своего участия в ее создании // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 213–233.

Гимаев И.З. Система образования детей с ограниченными возможностями здоровья как объект научного исследования // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 2. С. 156–168.

Горбунова Н.В. Готовность учителя к психолого-педагогическому сопровождению школьников в инклюзивной образовательной среде // Инклюзивное образование — путь к успеху: материалы Третьей международной научно-практической конференции. Якутск : Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2022. С. 208–221.

Елисеева И.Г., Ерсарина А.К. Психолого-педагогическое сопровождение детей с особыми образовательными потребностями в общеобразовательной школе : метод. рекомендации. Алматы : ННПЦ КП, 2019. 118 с.

Индикаторы образования: 2023 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 432 с.

Калашникова М. Б. Психологическая готовность педагога как ресурс профессиональной успешности // Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика. 2022. № 1. С. 33–37.

Калашникова С. А. Психологическая готовность будущих педагогов к реализации инклюзивного подхода в образовании: формирование и оценка в процессе обучения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 16, № 4. С. 95–106.

Скребкова Е. А. Основные причины нехватки кадров в сфере образования // Экономика и управление в современных условиях: проблемы и перспективы : сборник научных трудов по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп : Электронные издательские технологии, 2024. С. 266–270.

Левитская А. А. Состояние и перспективы инклюзивного образования в России // Социальная педагогика. 2009. №1. С. 4–7.

Миронова М. В., Смолина Н. С., Новгородцева А. Н. Инклюзивное образование в школе: противоречия и проблемы организации доступной среды (на примере школ Российской Федерации) // Перспективы науки и образования. 2019. № 6. С. 349–359.

Поташник М. М. Почему учителя уходят из школы // Народное образование. 2019. № 6. С. 93–101.

Романовская И.А., Хафизуллина И.Н. Представления будущих учителей о проблемах качества образования // Вектор науки ТГУ. Педагогика и психология. 2012. № 3. С. 181.

Светличная Д. А., Волобуева Е. В. Проблема профессионального выгорания педагогов и пути ее разрешения // Экономика и социум. 2023. № 4. С. 869–872.

Фуряева, Т. В. Социальная инклюзия : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 189 с.

Яковлева И.М. Подготовка педагогов к реализации инклюзивного образования // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии : материалы Международной научно-практической конференции. М. : МГИИУ, 2011. С. 242–243.

REFERENCES

- Alekhina, S. V. (2023). Parents' assessment of the inclusive educational environment of the school and their participation in its creation. *Clinical and Special Psychology*, 12(3), 213–233. (In Russ.).
- Gimaev, I. Z. (2024). The education system for children with disabilities as an object of scientific research. *Society and Security Insights*, 7(2), 156–168. (In Russ.).
- Gorbunova, N.V. (2022). Teacher readiness for psychological and pedagogical support of schoolchildren in an inclusive educational environment. *Inclusive Education — the Path to Success: Materials of the Third International Scientific and Practical Conference*. Yakutsk : Severo-Vostochnyj federal'nyj universitet imeni M.K. Ammosova (pp. 208–221). (In Russ.).
- Eliseeva, I., Ersarina, A. (2019). *Psychological and pedagogical support for children with special educational needs in a comprehensive school: method. recommendations*. Almaty : NNPC KP. (In Russ.).
- Bondarenko, N.V., Varlamova, T.A., Gokhberg, L.M. (2023). *Education indicators: 2023: statistical digest*. Moscow : NIU VShE. (In Russ.).
- Kalashnikova, M.B. (2022). Psychological readiness of a teacher as a resource for professional success. *Strategies and Resources for Personal and Professional Development of a Teacher: Modern Interpretation and Systemic Practice*. 1, 33–37. (In Russ.).
- Kalashnikova, S. A. (2021). Psychological readiness of future teachers to implement an inclusive approach in education: formation and assessment in the learning process. *Scientific notes of the Zabaikalsky State University*. 16(4), 95–106. (In Russ.).

- Skrebkova, E. A. (2024). The main reasons for the shortage of personnel in the field of education. *Economy and management in modern conditions: problems and prospects: collection of scientific papers based on the materials of the XI All-Russian scientific and practical conference*. Majkop : Elektronnye izdatel'skie tehnologii (pp. 266–270). (In Russ.).
- Levitskaya, A. A. (2009). The state and prospects of inclusive education in Russia. *Social Pedagogy*. 1, 4–7. (In Russ.).
- Mironova, M. V., Smolina, N. S., Novgorodtseva, A. N. (2019). Inclusive education at school: contradictions and problems of organizing an accessible environment (on the example of schools in the Russian Federation). *Prospects of Science and Education*. 6, 349–359. (In Russ.).
- Potashnik, M. M. (2019). Why teachers leave school. *Public education*. 6, 93–101. (In Russ.).
- Romanovskaya, I. A., Khafizullina, I. N. (2012). Ideas of future teachers about the problems of education quality. *Vector of Science TSU. Pedagogy and Psychology*. 3, 181. (In Russ.).
- Svetlichnaya, D. A., Volobueva, E. V. (2023). The problem of professional burnout of teachers and ways to resolve it. *Economy and Society*. 4, 869–872.
- Furyaeva, T. (2019). *Social inclusion : textbook*. Moscow: Yurait. (In Russ.).
- Yakovleva, I. M. (2011). Preparing teachers for the implementation of inclusive education. *Inclusive Education: Methodology, Practice, Technology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow : MGIIU, (pp. 242–243). (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ильдар Закиевич Гимаев — канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия.

Ildar Z. Gimaev — Cand. Sci. (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025;

принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 15.01.2025;
accepted for publication 15.01.2025.

Научная статья / Research Article
УДК 316.614/364.014
DOI: 10.14258/SSI(2025)1-08

Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность

Валентина Ивановна Гостенина¹

Татьяна Владимировна Еремян²

Светлана Александровна Шилина³

¹Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, v.gostenina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8487-6418>

²Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, epremyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3095-2996>

³Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, supershili2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5417-5784>

Аннотация. Актуальность исследования занятости людей с инвалидностью не вызывает сомнений: в силу социально-политической ситуации современности число инвалидов увеличивается, поэтому насущной является проблема возможности их трудоустройства, чтобы эти люди были включенными в экономическую сферу общества. Целью исследования стал анализ путей выхода на рынок труда студентов — лиц с ограниченными возможностями здоровья. В статье обозначен ряд факторных переменных, влияющих на трудоустройство, таких как ситуация и стабильность регионального рынка, уровень заработной платы, зависимость занятости от времени обучения, возможность сочетания учебных занятий с трудовым графиком работы. Трудоустройство студентов с ограниченными возможностями здоровья проанализировано социологическим методом опроса; проведен статистический анализ данных цифровых каналов вакансий ряда федеральных каналов и многофункциональной онлайн-платформы «Факультетус», которые позволили систематизировать данные о вакансиях для студентов-инвалидов; наладить процесс трудоустройства и установить взаимоотношения между университетом и работодателями. Теоретической основой исследования послужили труды П.А. Сорокина, К. Поппера, А.Ф. Лосева, Г.В. Вернадского, в которых представлен взгляд ученых на роль доминирующей цивилизации в определении предметно-пространственной организации жизни людей и позиционирования человека в зависимости от социокультурной ориентации конкретных территорий. Осознание непредсказуемости процессов глобализации обострило актуальность социальной защиты и ее системной организации, особенно в рамках территориального пространства модели В.И. Вернадского как пульсирующего чередования сменяющих друг друга геополитических форм государственной организации территории-

ального пространства и идеи А.Л. Чижевского, Н.М. Моисеева, Н.Д. Кондратьева об объединении пространства терриорий формированием ноосферы как разумной и единственной альтернативы развития человеческого общества. Статистический анализ данных, предоставленных исследованием трудоустройства лиц с инвалидностью, выявил ожидания и мотивы поиска подходящей вакансии среди студентов с ограниченными возможностями здоровья. Установлены основные барьеры трудоустройства. Результаты, полученные в ходе исследования, описывают состояние рынка труда для студентов-инвалидов в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского. Практическим значением итогов социологического исследования является возможность выявить существующие проблемы и предложить пути их решения.

Ключевые слова: трудоустройство, студенты, инвалидность, социальные барьеры, социальные ожидания, мотивы трудоустройства

Для цитирования: Гостенина В. И., Епремян Т. В., Шилина С. А. Занятость людей с инвалидностью: социальные ожидания и реальность // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 116–130. doi: 10.14258/ssi(2025)1-08.

Employment of People With Disabilities: Social Expectations and Reality

Valentina I. Gostenina¹

Tatiana V. Yepremyan²

Svetlana A. Shilina³

¹ Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, v.gostenina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8487-6418>

² Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, epremyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3095-2996>

³ Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, supershili2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5417-5784>

Abstract. The relevance of the study of the employment of people with disabilities is beyond doubt: due to the socio-political situation of our time, the number of people with disabilities is increasing, therefore, the problem of their employment opportunities is urgent, so that these people are included in the economic sphere of society. The purpose of the study was to analyze the ways of entering the labor market for students with disabilities. The article identifies a number of factor variables affecting employment, such as the situation and stability of the regional market, the level of wages, the dependence of employment on the time of study, the possibility of combining training sessions with a work schedule. The employment of students with disabilities was analyzed by the method of sociological research in the form of a survey; statistical analysis of data from digital

channels of vacancies of a number of federal channels and the multifunctional online platform «Faculty» was carried out, which made it possible to systematize data on vacancies for students with disabilities; to establish the employment process and establish relationships between the university and employers. The theoretical basis of the research is the works of P.A. Sorokin, K. Popper, A.F. Losev, G.V. Vernadsky, which present the view of scientists on the role of the dominant civilization in determining the subject-spatial organization of people's lives and human positioning depending on the socio-cultural orientation of specific territories. Awareness of the unpredictability of globalization processes has sharpened the relevance of social protection and its systemic organization, especially within the framework of the territorial space of V.I. Vernadsky's model as a pulsating alternation of alternating geopolitical forms of state organization of territorial space and the ideas of A.L. Chizhevsky, N.M. Moiseev, N.D. Kondratiev on the unification of territorial space by the formation of the noosphere as a reasonable and the only alternative to the development of human society. A statistical analysis of the data provided by the study of employment of persons with disabilities revealed the expectations and motives for finding a suitable vacancy among students with disabilities. The main barriers to employment have been identified. The results obtained during the study describe the state of the labor market for students with disabilities at Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. The practical significance of the results of the sociological research is the opportunity to identify existing problems and suggest ways to solve them.

Keywords: employment, students, disability, social barriers, social expectations, motives for employment

For citation: Gostenina, V. I., Yepremyan, T. V., Shilina, S. A. (2025). Employment of people with disabilities: social expectations and reality. *Society and Security Insights*, 8(1), 116–130. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-08.

Введение

Кросскультурный анализ цивилизационных процессов с позиций социальных проблем человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, предприняли в 20-е гг. XX в. П.А. Сорокин (2008), А.Ф. Лосев (1999), Г.В. Вернадский (2012), которые охарактеризовали зависимость социального позиционирования человека от социокультурной ориентации общества и отдельных территорий.

Социальное неравенство, социальная стратификация, межцивилизационное взаимодействие в противопоставлении конкретных национальных культур, предметно-пространственная организация жизни, социальные и функционально-информационные прямые и обратные связи, традиционные ценности христианской концепции милосердия определили и раскрыли социальные проблемы и осмысление нужд человека, нацелили общество на выработку принципов помощи и поддержки нуждающихся людей.

Признание как христианская концепция милосердия поставило в ряд проблем помощи нуждающимся людям осмысление потребностей личности, вывелочество на различные парадигмы знания о социальном равенстве, милосердии и гуманизме. В обществознании христианские проповеди любви к ближнему привели к состраданию и милосердию. Исконно русская «милость» все чаще воспринима-

ется обществом как своевременная услуга, все чаще зависящая от качества и уровня жизни населения в конкретном регионе. Человек нуждающийся рассматривается в контексте не только социальной проблемы, неотрывной от способа помощи, но и социальной практики самих нуждающихся в помощи. Объективное отражение категории «социальные практики» требует обратиться к прочтению теоретических источников. Прежде всего — это произведения П. Бурдье о социальном капитале. Социальный капитал — это интегративное понятие, которое ученый определяет как габитус, сущность которого определена праксеологией, т.е. реальной практикой людей. Социальный капитал — это то или иное позиционирование человека в обществе. Для восприятия человека в качестве полноценной личности он прибегает к иллюстрирующим моментам, таким как стиль поведения, демонстрация социальной дистанции как уместной в социуме. Парадигмы «человеческого знания о социальном равенстве, милосердии и гуманизме привели к философии признания, которая уступила место светским представлениям о методах, формах поддержки и защиты нуждающихся» (Bourdieu, 1980).

В настоящее время особо остро встал вопрос о том, как реализовать в России положения Конституции Российской Федерации, провозглашающие наше государство социальным. Соблюдение предоставляемых гражданам гарантий признается одной из основных задач нашей страны. Одним из основных прав каждого жителя нашего государства является право на труд. Статья 23.1 Всеобщей декларации прав человека определяет, что каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи¹.

В свою очередь, Конституция Российской Федерации провозглашает страну социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и развитие человека, охрану труда и здоровья людей, где каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

Занятость — это как потребность, так и право человека на работу. Люди с инвалидностью сталкиваются с многочисленными барьерами и проблемами при поиске и сохранении стабильно оплачиваемой работы. В области реабилитации инвалидов предпринимались минимальные попытки продемонстрировать или зафиксировать соответствующие модели трудоустройства и их способность работать, когда им предоставляется такая возможность. В данной статье делается попытка описать относительные достоинства, недостатки, проблемы, вопросы, трудности и ограничения, связанные с различными попытками их трудоустройства в России. Если одни считают, что такие люди неспособны и поэтому не должны быть обременены работой, то другие описывают их как неиспользуемый челове-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 27.02.2023)

ческий капитал, имеющий право на труд, который необходимо выявлять и уважать. Каждый подход определяется, объясняется, иллюстрируется и обсуждается на примере лиц с ограниченными возможностями (Бурдяк, Тындик, 2016: 22–43).

Самый большой процент инвалидов от общего населения проживает в Чеченской республике. Более 20% жителей Чечни являются получателями пенсий по инвалидности. Меньше всего — в Ямало-Ненецком автономном округе (3,54%). В Свердловской области зарегистрировано 258 822 инвалида, что составляет 7,6% населения.

Если брать общероссийские показатели, детей-инвалидов в стране 728 858 чел., причем мальчиков — 53%, девочек — 47%.

Приведем также статистику на региональном уровне. Всего на 1 апреля 2022 г. среди постоянных жителей Брянской области инвалидность имеют 89 318 чел., что составляет 7,49% всего населения. Инвалидов I группы 11 209 (0,94%), инвалидов II группы 40 664 (3,41%), инвалидов III группы 37 444 (3,14%), детей-инвалидов — 5724 (0,48%)².

Кого же принято считать инвалидом по законодательству? Согласно Федеральному закону № 181-ФЗ «инвалид — это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствием травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты»³. В Декларации о правах инвалидов термин «инвалид» означает лицо, возможности которого получать, сохранять подходящую работу и продвигаться по службе значительно ограничены в связи с подтвержденным физическим или психическим дефектом⁴.

Шесть категорий инвалидности классифицируются в соответствии с описаниями, приведенными в Законе о защите инвалидов. Каждый вид степени тяжести инвалидности описывается следующим образом: первая степень инвалидности (наиболее тяжелая инвалидность), вторая степень инвалидности (тяжелая инвалидность), третья степень инвалидности (умеренная инвалидность) и четвертая степень инвалидности (легкая инвалидность). Категория тяжести инвалидности человека определяется на основании медицинского диагноза, поставленного местным врачом, назначенным для оценки инвалидности в больницах. В 2017 г. этот стандарт был официально введен для идентификации лиц с ограниченными возможностями путем пересмотра «Меры по администрированию удостоверения личности инвалида» (Моцарь, 2016: 83–86).

Для помощи инвалидам, которые готовы осуществлять трудовую деятельность, предусмотрены способы поддержки от государства: во-первых, образова-

² Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения 27.03.2023).

³ Там же.

⁴ Декларация о правах инвалидов, принятая резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 09.12.1975. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2560820/> (дата обращения 27.02.2023).

ние⁵. Государство поддерживает желание инвалида к обучению, которое в дальнейшем поможет ему интегрироваться в общество.

Во-вторых, квоты для приема на работу инвалидов, а также организация специальных рабочих мест для них (Макарова, Лебедь, 2014: 161–164).

В-третьих, создание условий для предпринимательской деятельности инвалидов⁶.

Лицам с категорией инвалидности предоставляется также увеличенный ежегодный отпуск, а вот работодателей ограничивают в привлечении работников-инвалидов к сверхурочной работе, работе в выходные дни и ночное время без согласия самого работника и только если позволяет его здоровье⁷.

Инвалид III группы может работать в качестве совместителя, как и обычный работник, не более 20 часов в неделю и не более 4 часов в день, если иная продолжительность рабочего времени или полный запрет на такую работу не установлены его ИПРА (ИПР) или медицинским заключением (ст. 94, 284 ТК РФ). Инвалиды I и II групп, норма рабочего времени которых равна 35 часам в неделю, могут работать по совместительству не более 17,5 часа в неделю и не более 4 часов в день, при условии, что в их ИПРА (ИПР) или медицинском заключении нет иных указаний на время работы или запретов на такую работу (ст. 92, 94, 284 ТК РФ).

Об актуальности проблемы лиц с ограниченными возможностями здоровья свидетельствуют публикации многих современных исследователей (Голенкова, Демина, Чухачева, 2022; Голенкова, 2014; Ковалева, Сычева, 2019), в том числе авторов данной статьи (Шилина, Федорова, 2019; Шилина, Боброва, Лученинова, 2019; Ковалева, Епремян, 2024), особенно в связи с внедрением инклюзивного образования в российские условия (Мельников, Лифанова, Шилина 2021; Голенкова, Лапыко, 2016).

Методы исследования

Нами проведено социологическое исследование лиц с ограниченными возможностями здоровья с целью изучения социальных барьеров, влияющих на трудоустройство инвалидов, а также рассмотрения социальных ожиданий и реальности лиц с ограниченными возможностями на работе в г. Брянске. Исследование проведено на базе научно-исследовательской лаборатории «Социологии и социальных технологий» Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Таким образом, объектом данного исследования выступают люди с инвалидностью. Предметом — социальные ожидания в трудоустройстве людей с инвалидностью в г. Брянске.

Цель исследования определяет следующие задачи:

⁵ О социальной защите инвалидов в РФ : Федеральный закон от 24.11.1996 № 181-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 27.02.2023)

⁶ Там же.

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 27.02.2023)

- рассмотреть законодательство Российской Федерации, регулирующее сферу занятости и трудоустройства инвалидов;
- изучить специфику проблем инвалидов в сфере занятости и трудоустройства и пути их решения;
- на основе проведенного исследования предложить пути решения проблем занятости и трудоустройства инвалидов.

Нами была выдвинута следующая гипотеза исследования: проблемы занятости и трудоустройства инвалидов могут быть более успешно решены при условии их выявления и более детального изучения через социальные службы и центры занятости; через определение эффективных путей их решения.

В данном исследовании в качестве методов используются: анализ, синтез, сравнение, обобщение, контент-анализ, анкетный опрос, статистический анализ.

Результаты

В исследовании приняли участие люди с инвалидностью, обучающиеся в БГУ им. И.Г. Петровского, в возрасте от 18 до 28 лет в количестве 27 человек. Среди них 51,9% мужского пола и 48,1% — женского.

При наличии патологий в организме человека и проблем со здоровьем медико-социальной экспертизой (МСЭ) присваивается I, II или III группа инвалидности. Результаты опроса показали, что среди обучающихся III группа инвалидности назначена 85,2% респондентов. При этом 40,7% опрошенных имеют инвалидность по общим заболеваниям, столько же — по заболеваниям опорно-двигательной системы.

Основная часть студентов с инвалидностью (77,8%), которые проходят обучение в БГУ им. акад. И.Г. Петровского, еще не опробовали себя в роли специалиста на рынке труда. Для остальной части респондентов, обучающихся в БГУ им. акад. И.Г. Петровского, инвалидность не сказалась на трудовой деятельности (22,2%).

Анализ социологических данных подтвердил, что наличие инвалидности не означает, что труд противопоказан человеку. Это говорит о том, что в силу различных обстоятельств труд доступен лишь в специально созданных условиях. В таком случае претенденту назначают трудовые рекомендации.

Обсуждение

Наиболее распространенной рекомендацией среди студентов с инвалидностью в БГУ им. И. Г. Петровского является недопустимость повышенной физической нагрузки (66%), далее идут такие рекомендации, как отсутствие нервно-психологических нагрузок (37%), сокращенный рабочий день (18%). Вариант ответа «иные рекомендации» выбрали 29% респондентов. В равных процентных соотношениях (по 14%) респонденты отметили следующие варианты ответов: «без напряжения зрения» и «доступен труд в специально созданных условиях». Рекомендуется не осуществлять трудовую деятельность на высоте 3% респондентов. И еще 3% студентов рекомендуется работать в помещении и без повышенного содержания пыли и повышенной влажности воздуха (рис. 1).

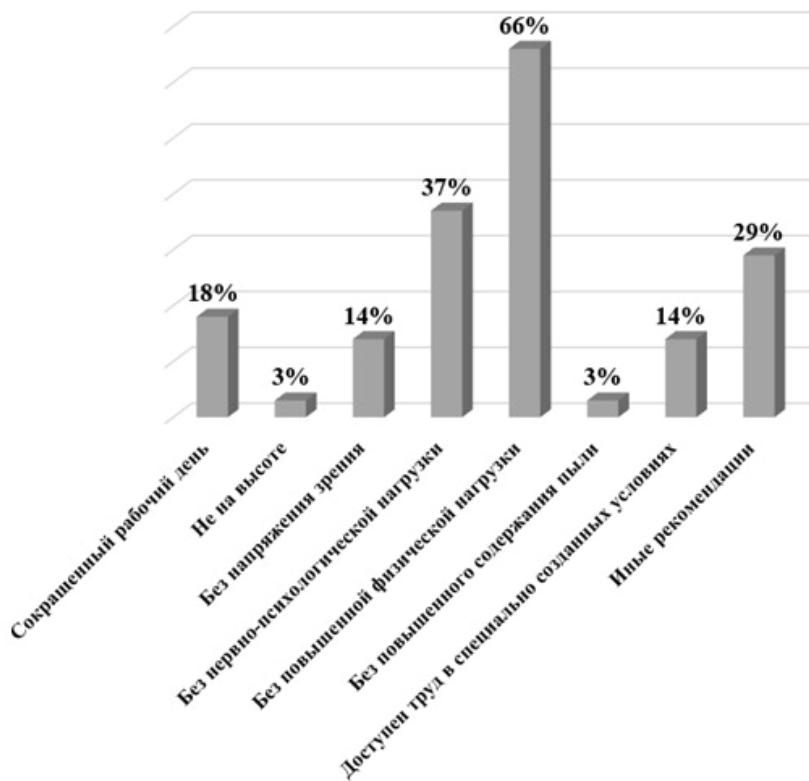

Рисунок 1 — Результаты ответов на вопрос «Какие трудовые рекомендации установлены для Вас медико-социальной экспертизой?», %.

Figure 1 — Results of answers to the question «What labor recommendations have been established for you by a medical and social examination?», %.

Следующий вопрос позволяет выявить трудности, с которыми сталкивается большинство студентов при трудоустройстве. К таким трудностям респонденты отнесли следующее: отсутствие квалификации отметили 37% респондентов, в равных процентных соотношениях (по 14%) студенты выбрали варианты ответов «наличие ограничений по инвалидности», «семейные обстоятельства / состояние здоровья», «не устраивает заработка плата / условия труда». Мнение о том, что при трудоустройстве не соблюдаются льготы, полагающиеся по законодательству, высказали 7% респондентов. У 3% студентов имеются сложности с передвижением до работы и обратно, а еще у 3% возникают трудности в трудоустройстве из-за отношения окружающих. Вариант ответа «другое» выбрали 40% студентов, а вариант ответа «требуется специально обустроенное рабочее место» остался без внимания респондентов (рис. 2).

Респондентам был задан вопрос об основных мотивах поиска работы студентов с ограниченными возможностями здоровья. Обеспечение своих материальных потребностей (52%) является наиболее распространенным мотивом при выборе места работы. В тройку лидеров также вошли общение (37%) и самореа-

лизация (33%). Не ищут работу 30% респондентов и 11% отметили, что основным мотивом поиска работы у них является обеспечение материальных потребностей других членов семьи (рис. 3).

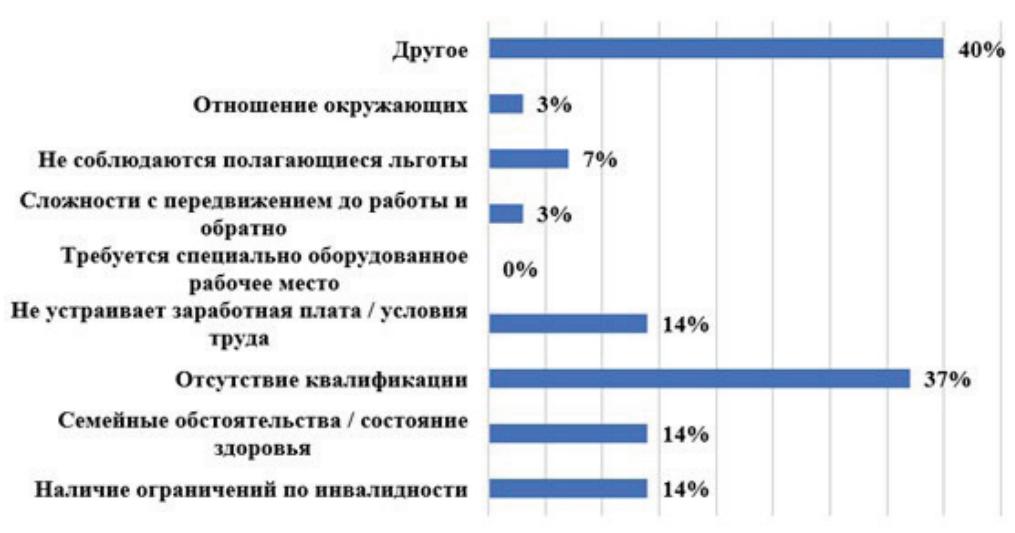

Рисунок 2—Факторы, затрудняющие трудоустройство студентов с ОВЗ, %.
Figure 2 — Factors making it difficult for students with disabilities to find employment, %.

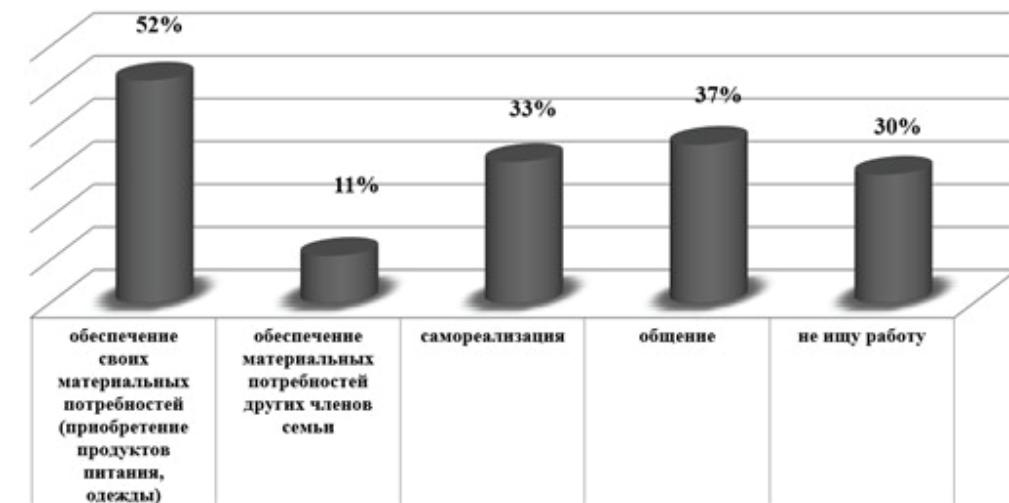

Рисунок 3 — Основные мотивы поиска работы студентов с ОВЗ, %.

Figure 3 — Main motives for finding a job for students with disabilities, %.

Следующий вопрос направлен на выявление популярных каналов поиска работы у студентов с ОВЗ. Так, основным и наиболее распространенным способом поиска информации о вакансиях среди студентов с инвалидностью оказался поиск в интернете (48%). Не выбрали ни один из предложенных каналов поиска работы 44% респондентов. Для некоторых респондентов (18%) при поиске работы существенную роль сыграли родственники/знакомые. Непосредственно к работодателю обращались 11% респондентов. В центры занятости населения обращались 7% респондентов, и никто из студентов не выбрал вариант ответа «обращались в кадровое агентство» (рис. 4).

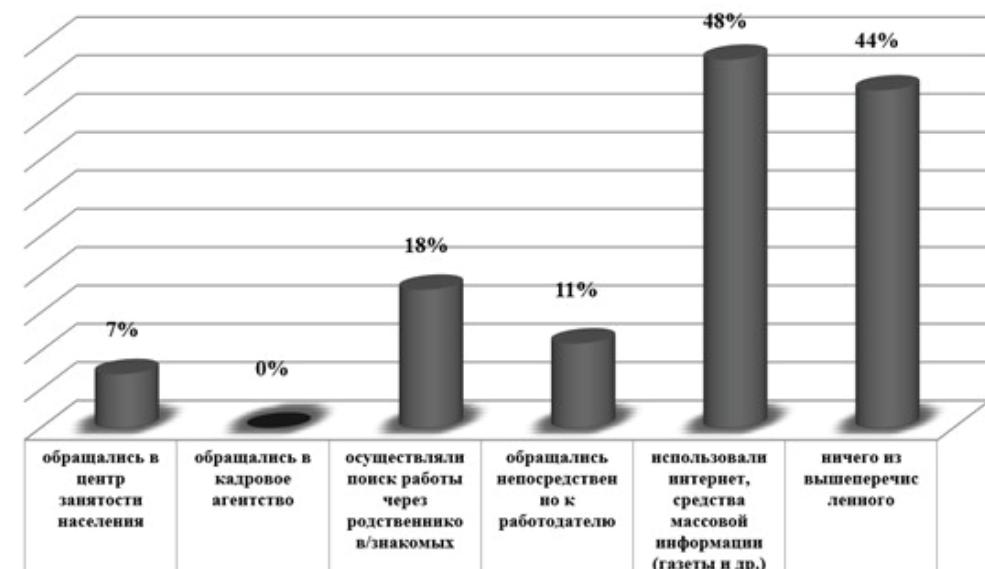

Рисунок 4 — Каналы поиска работы студентами с ОВЗ, %.

Figure 4 — Job search channels for students with disabilities, %.

Одним из наиболее важных мотивов при поиске работы является материальный аспект, а именно уровень заработной платы. Профессия должна не только нравиться, но и приносить стабильный доход. При поиске работы респонденты, обучающиеся в БГУ им. акад. И.Г. Петровского, рассчитывают в основном на заработную плату в размере 20–29 тыс. руб. (56%) или свыше 30 тыс. руб. (37%). Еще 7% респондентов рассчитывают на заработную плату в размере 10–19 тыс. руб.

Не менее важный стимул при поиске подходящей вакансии — это график работы. Пожелания респондентов оказались неоднородными. Затруднились ответить на предложенный вопрос 29% респондентов. Для 22% респондентов предпочтительнее работать неполный рабочий день полную рабочую неделю. По 15% респондентов выбрали полный рабочий день полную рабочую неделю и полный рабочий день неполную рабочую неделю. В равных процентных соотношениях (по 8%) респонденты отметили, что им комфортно работать по сменам либо неполный рабочий день неполную рабочую неделю. На дому хотели бы работать 3% респондентов (рис. 5).

Рисунок 5 — Оптимальный график работы для студентов с ОВЗ, %.

Figure 5 — Optimal work schedule for students with disabilities, %.

Для большинства (82%) студентов с инвалидностью актуален вопрос о прохождении профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Придерживаются обратного мнения 18%. Причины достаточно разнообразны: повышение квалификации (37%), расширение возможностей трудаоустройства (30%), повышение уровня образования (15%), получение новой профессии (7%). Затруднились ответить на данный вопрос 11% респондентов (рис. 6).

Рисунок 6 — Результаты ответов на вопрос «С какой целью Вы хотели бы пройти профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации?», %.

Figure 6 — Results of answers to the question «For what purpose would you like to undergo professional training, retraining, advanced training?», %.

Выдвинутая нами гипотеза исследования о том, что «проблемы занятости и трудаоустройства инвалидов могут быть более успешно решены при условии их выявления и более детального изучения через социальные службы и центры занятости; через определение эффективных путей их решения» подтвердилась.

Проведенное социологическое исследование продемонстрировало, какие проблемы стоят перед студентами-инвалидами при трудоустройстве в городе Брянске, какие есть возможности профессиональной реализации, как государство помогает адаптироваться к социуму благодаря облегченным условиям труда или другим механизмам. Конечно, существует еще множество проблем, которые требуют и внимания, и исследования, и решения.

Заключение

Таким образом, проблема труда инвалидов особенно уязвимой категории населения — инвалидов является приоритетной для любого социального государства. Количество инвалидов в России достаточно велико (10 556 063 чел.), и этот факт нельзя игнорировать. Государство создает условия для их комфортной трудовой деятельности: увеличенный ежегодный отпуск, различные квоты, возможность предпринимательской деятельности. Полученные возможности позволяют людям с инвалидностью адаптироваться к новым условиям на рынке труда. Крайне важно еще в процессе получения образования задумываться о своем профессиональном будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бурдяк А. Я., Тындик А. О. Измерение инвалидности и положение инвалидов: российский и международный подходы // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 22–43.
- Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2012. 576 с.
- Голенкова О. В. Проблемы инклюзивного образования в современном российском обществе // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации : материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием, Тольятти, 27–28 ноября 2014 г. Тольятти, 2014. С. 112–117.
- Голенкова О. В., Демина А. В., Чухачева Е. В. Особенности адаптации студентов с ОВЗ к процессу обучения в вузе // Перспективы отраслевого взаимодействия в комплексной реабилитации : материалы IV Международной научно-практической конференции, Орел, 21–22 октября 2021 г. / Под общ. ред. А. И. Ахулковой. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. С. 30–33.
- Голенкова О. В., Лапыко Т.П. Взаимодействие специалистов при сопровождении инклюзивной практики в школе // Категория «социального» в современной педагогике и психологии : материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции (заочной) с международным участием, Тольятти, 24–25 апреля 2016 г. Тольятти, 2016. С. 483–488.
- Ковалева Е. Л., Епремян Т.В. Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в цифровую эпоху // Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета). М., 2024. С. 339–342.
- Ковалева Е. Л., Сычева Е.Ю. Лица с ограниченными возможностями здоровья: отношение к ним со стороны молодёжи // Дискурс. 2019. № 12. С. 124–133.

Лосев А. Ф. *Личность и абсолют*. Москва: Мысль, 1999. 719 с.

Макарова В. А., Лебедь Ю. А. Трудоустройство инвалидов: проблемы правового регулирования // Теоретические и практические вопросы науки XXI века : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 февраля 2014 г. / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Ч. 2. Уфа: Башкирский государственный университет, 2014. С. 161–164.

Мельников С. Л., Лифанова Т. Е., Шилина С. А. Управление рисками инклюзивного образования // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 200–207.

Моцарь А. А. Обеспечение занятости инвалидов // Молодой ученый. 2016. № 6–6. С. 83–86.

Сорокин П.А. Система социологии. М. : Астрель, 2008. 1003 с.

Шилина С. А., Боброва С. А., Лученинова Е. С. Формирование коммуникативной культуры в процессе внедрения инклюзивного образования в России // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений : XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2 ч., Москва, 14–16 ноября 2019 г. / под общ. ред. И.М. Ильинского. Ч. 1. М. : Московский гуманитарный университет, 2019. С. 226–234.

Шилина С. А., Федорова К. И. Инклюзивное образование в России как одна из форм социализации лиц с ограниченными возможностями // Дискурс. 2019. № 10. С. 45–56.

Bourdieu P. *Le capital social* // *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 1980. Vol. 31, No. 1. P. 2–3.

REFERENCES

Burdyak, A. Ya. & Tyndik, A. O. (2016). Measuring disability and the status of disabled people: Russian and international approaches. *Bulletin of NSUEU*, 1, 22–43. (In Russ.).

Vernadsky, V. I. (2012). *Biosphere and noosphere*. Moscow: Ayris-press. (In Russ.).

Golenkova, O. V. (2014). Problems of inclusive education in modern Russian society. In: *Actual problems of modern education: experience and innovations: proceedings of a scientific and practical conference (correspondence) with international participation, Tolyatti, November 27-28, 2014* (pp. 112–117). Tolyatti. (In Russ.).

Golenkova, O. V., Demina, A. V. & Chukhacheva, E. V. (2022). Features of adaptation of students with disabilities to the learning process at a university. In: *Prospects for industry interaction in complex rehabilitation: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Orel, October 21–22 2021* (pp. 30–33). Orel : Orlovskij gosudarstvennyj universitet imeni I.S. Turgeneva. (In Russ.).

Golenkova, O. V. & Lapyko, T.P. (2016). Interaction of specialists accompanied by inclusive practice at school. In: *The category of «social» in modern pedagogy and psychology : proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (correspondence) with international participation Tolyatti, April 24–25, 2016*. (pp. 483–488). Tolyatti. (In Russ.).

- Kovaleva, E. L. & Yepremyan, T.V. (2024). Education of people with disabilities in the digital age. In: *Classical University: current trends and development vectors (towards the 270th anniversary of Moscow University)* (pp. 339–342). Moscow. (In Russ.).
- Kovaleva, E. L. & Sycheva, E.Yu. (2019). Persons with disabilities: the attitude of youth towards them. *Discourse*, 12, 124–133. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1999). *Personality and the Absolute*. Moscow : Mysl. (In Russ.).
- Makarova, V. A. & Lebed, Yu. A. (2014). Employment of people with disabilities: problems of legal regulation. In: A.A. Sukiasyan (Ed.). *Theoretical and practical issues of science of the 21st century: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, February 28, 2014. Part 2* (pp. 161–164). Ufa : Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
- Melnikov, S. L., Lifanova, T. E. & Shilina, S. A. (2021). Risk management of inclusive education. *Power*, 29(6), 200–207. (In Russ.).
- Motsar, A. A. (2016). Ensuring employment of disabled people. *Young scientist*, 6-6, 83–86. (In Russ.).
- Sorokin, P. A. (2008). *The system of sociology*. Moscow : Astrel. (In Russ.).
- Shilina, S. A., Bobrova, S. A. & Lucheninova, E. S. (2019). Formation of a Communicative Culture in the Process of Implementing Inclusive Education in Russia. In: I. M. Ilyinsky (Ed.). *Higher Education for the 21st Century: the Role of Humanities Education in the Context of Technological and Sociocultural Changes: XV International Scientific Conference. Reports and Materials. In 2 parts, Moscow, November 14–16, 2019. Part 1* (pp. 226–234). Moscow : Moskovskij gumanitarnyj universitet. (In Russ.).
- Shilina, S. A. & Fedorova, K. I. (2019). Inclusive education in Russia as one of the forms of socialization of persons with disabilities. *Discourse*, 10, 45–56. (In Russ.).
- Bourdieu, P. (1980). Le capital social. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, 31(1), 2–3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Валентина Ивановна Гостенина — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

Valentina I. Gostenina — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Social Work, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia.

Татьяна Владимировна Епремян — канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

Tatyana V. Yepremyan — Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer of the Department of Sociology and Social Work, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia.

Светлана Александровна Шилина — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.

Svetlana A. Shilina — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Social Work, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025;
одобрена после рецензирования 05.02.2025
принята к публикации 05.02.2025.
The article was submitted 19.01.2025;
approved after reviewing 05.02.2025;
accepted for publication 05.02.2025.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL STUDIES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-09

**Качество условий оказания услуг в учреждениях
социального обслуживания как фактор обеспечения
социального благополучия населения региона
(по результатам исследований в период 2018–2024 гг.
в домах-интернатах общего типа Алтайского края)**

Константин Геннадьевич Анисимов¹

Елена Александровна Анисимова²

Юлия Александровна Калинина³

Анастасия Дмитриевна Лапшина⁴

Татьяна Викторовна Сиротина⁵

¹Рубцовский институт (филиал) АлтГУ, Рубцовск, Россия, anisimov@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3980-0159>

²Рубцовский институт (филиал) АлтГУ, Рубцовск, Россия, anisimova@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9761-6773>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, kalinina@ocio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9256-6543>

⁴Отделение Социального фонда России по Алтайскому краю, anastasiya.lapshina00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2511-5291>

⁵Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, sirotina@socio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8569-9310>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования качества условий оказания услуг в домах-интернатах общего типа для престарелых и инвалидов Алтайского края, проведенного в мае — ноябре 2018, 2021 гг., марте — ноябре 2024 г. В качестве предмета исследования выступает оценка качества условий оказания услуг в домах-интернатах для престарелых и инвалидов общего типа в Алтайском крае (далее — ДИдПиИ). Цель исследования — проведение оценки качества условий оказания услуг, выявление динамики произошедших изменений и разработка рекомендаций по улучшению качества условий оказания услуг в ДИдПиИ.

Актуальность исследования связана с законодательно закрепленным в Федеральном законе № 442-ФЗ в статье 23.1¹ требованием о проведении независимой оценки качества (далее — НОК) условий оказания услуг учреждениями социального обслуживания населения, с определением сроков не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года в отношении одной и той же организации. В Алтайском крае независимая оценка качества условий оказания услуг в системе учреждений социального обслуживания реализуется на постоянной основе с 2015 г.

В качестве основных методов при проведении НОК в 2018, 2021, 2024 гг. были использованы: анализ официальных сайтов в сети Интернет; экспертное наблюдение условий в организации; опрос получателей (в форме интервью); тестирование функционирования дистанционных способов взаимодействия с получателями (e-mail, телефон, формы обратной связи на сайте организации, в формате «контрольной закупки»).

В статье рассматриваются теоретические основы исследования качества условий оказания услуг: определено понятие «качество»; выделены подходы к определению сущности качества услуг, основанные на оценках потребителей; перечислены основные факторы, влияющие на качество услуг. Представлены основные результаты и выявленные изменения в 2018, 2021, 2024 гг.

Результаты НОК позволяют измерить качество условий оказания услуг на трех уровнях: 1) конкретной организации, 2) определенного типа организации (типы стационарных учреждений в Алтайском крае: дом-интернат для престарелых инвалидов общего (специализированного) типа или малой вместимости, психоневрологический интернат); 3) общего рейтинга организаций социального обслуживания в регионе. Значимость исследования связана с применением полученных результатов НОК для построения реальной картины качества условий оказания услуг в учреждениях социальной сферы с целью определения учредителем «проблемных зон» при принятии управленческих решений, планировании финансирования, а также как помочь получателям при выборе учреждения.

Ключевые слова: качество; факторы, влияющие на качество; условия оказания услуг; независимая оценка; социальное обслуживание; квалиметрический подход; методы независимой оценки.

¹ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201312300060>

висимой оценки качества; показатели оценки качества; экспертное наблюдение в учреждении; опрос получателей

Для цитирования: Анисимов К. Г., Анисимова, Е. А., Калинина Ю. А., Лапшина А. Д., Сиротина Т. В. Качество условий оказания услуг в учреждениях социального обслуживания как фактор обеспечения социального благополучия населения региона (по результатам исследований в период 2018–2024 гг. в домах-интернатах общего типа Алтайского края) // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 131–150. doi: 10.14258/ssi(2025)1-09.

Quality of Service Conditions in Social Service Institutions as a Factor in Ensuring Social Well-Being of the Population in the Region (Based on Research Results from 2018–2024 in General-Type Nursing Homes in the Altai Territory)

Konstantin G. Anisimov¹

Elena A. Anisimova²

Yulia A. Kalinina³

Anastasia D. Lapshina⁴

Tatyana V. Sirotina⁵

¹Rubtsovsk Institute (Branch) of Altai State University, Rubtsovsk, Russia, anisimov@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3980-0159>

²Rubtsovsk Institute (Branch) of Altai State University, Rubtsovsk, Russia, anisimova@rb.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9761-6773>

³Altai State University, Barnaul, Russia, kalinina@socio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9256-6543>

⁴Branch of the Social Fund of Russia in the Altai Territory, anastasiya.lapshina00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2511-5291>

⁵Altai State University, Barnaul, Russia, sirotina@socio.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8569-9310>

Abstract. The article presents the results of a study on the quality of the conditions for the provision of services in boarding homes of a general type for the elderly and disabled persons in the Altai Territory, conducted in May–November 2018, 2021, March–November 2024. The subject of the study was an assessment of the quality of the conditions for the provision of services in boarding homes for the elderly and general disabled people in the Altai Territory (hereinafter referred to in the text of the article DIdPiI)

The relevance of the study is related to the requirement legislatively enshrined in Federal Law

No. 442-FZ in Article 23.1² to conduct an independent assessment of the quality of conditions for the provision of services by social service institutions, with the definition of terms no more than once a year and no less than once every three years, in relation to the same organization. In the Altai Territory, an independent assessment of the quality of conditions for the provision of services in the system of social service institutions has been implemented on an ongoing basis since 2015.

The main methods used in conducting the NOC in 2018, 2021, 2024 are the analysis of official websites on the Internet; expert observation; survey of recipients (in the form of interviews); testing the functioning of remote methods of interaction with recipients (e-mail, telephone, feedback forms on the organization's website, in the format of a "test purchase").

The article examines the theoretical foundations of the study of the quality of conditions for service provision: the concept of "quality" is defined; approaches to determining the essence of service quality based on consumer assessments are highlighted; the main factors influencing the quality of services are listed. The main results and changes identified in 2018, 2021, 2024 are presented.

The results of the NOC allow us to measure the quality of service provision conditions at three levels: 1) a specific organization, 2) a certain type of organization (types of inpatient institutions in the Altai Territory: a general (specialized) or small-capacity boarding house for the elderly disabled, a psychoneurological boarding house), 3) the overall rating of social service organizations in the region. The significance of the study is associated with the use of the obtained IOC results to build a real picture of the quality of service provision conditions in social institutions, with the purpose of identifying "problem areas" by the founder when making management decisions, planning financing, and also as assistance to recipients in choosing an institution.

Keywords: quality; factors influencing quality; conditions of service provision; independent assessment; social services; qualimetric approach; methods of independent quality assessment; quality assessment indicators; expert observation in the institution; survey of recipients

For citation: Anisimov, K. G., Anisimova, E. A., Kalinina, Yu. A., Lapshina, A. D., Sirotina, T. V. (2025). Quality of Service Conditions in Social Service Institutions as a Factor in Ensuring Social Well-Being of the Population in the Region (Based on Research Results from 2018–2024 in General-Type Nursing Homes in the Altai Territory). *Society and Security Insights*, 8(1), 131–150. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-09.

Введение

Приоритетом социальной политики Российской Федерации является забота о благополучии граждан. Социальное обслуживание — один из инструментов реализации социальной политики, ориентированный на достижение социального благополучия.

Контроль и поддержание в учреждениях социального обслуживания оптимального уровня условий оказания услуг с опорой на результаты независимой оценки отражают актуальность исследования качества условий оказания услуг, поскольку получатель социальных услуг заинтересован в получении качественных услуг, а поставщику социальных услуг необходимо реализовывать в организации условия оказания услуг в соответствии с предъявляемыми требованиями.

² Federal Law of December 28, 2013 N 442-FZ "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201312300060>

В сфере социального обслуживания населения важную роль играет понятие «качество», что связано с необходимостью выбора надежного поставщика социальных услуг. От качества условий оказания услуг, качества социальной услуги зависит степень удовлетворения потребностей получателей социальных услуг.

Сущность понятия «качество» исследователи рассматривают с точки зрения разных подходов: философского, экономического, технического, социологического, правового, квалиметрического и др.

Философский подход к исследованию качества обращает внимание на внутреннее содержание объекта, его специфичность (именно качество дает возможность осмысливать объект как нечто, что отличает его от других объектов). Качество — это устойчивая совокупность свойств предмета, отличающая его от всех других предметов, теряя которую, предметы перестают быть тем, что они есть (Субетто, 2002).

Экономический подход показывает взаимосвязь качества и стоимости. Товар характеризует цена и качество, но именно качество заставляет потребителя покупать товар (услугу) вновь. Если у организации имеется репутация исполнителя услуг неудовлетворительного качества, то это приводит к снижению потребительского спроса. Повышение качества услуги сопровождается повышением производительности за счет сокращения статей затрат. Технологический подход показывает, что качество учитывается, сопоставляется с определенными показателями. Соответствие показателей продукции, услуги требованиям означает качество. Отклонение одного из показателей качества продукции (услуги) от требований рассматривается как брак, дефект. С точки зрения экономического, технологического подходов качество было объектом внимания отечественных и зарубежных исследователей (Бойцов, 2011; Гневко, 2005; Рохчин, 2005).

Социологический подход показывает восприятие услуг, отношение определенных потребителей. Субъективное отношение формируется под воздействием социальных факторов (пол, возраст, уровень доходов, социальный статус, уровень культуры и др.). Качество понимается как категория, которая отвечает законам спроса и предложения и зависит от социальных факторов, влияющих на потребителя (Алексенцева, 2021; Башарина, 2023; Григорьев, 2013; Григорьянц, 2021; Гуслякова, 2013; Лига, 2013; Максимова, 2015; Петрова, 2021; Романов, 2007; Смирнов, 2023; Топчий, 2006; Ясинская, 2021; Ярская-Смирнова, 2007).

Правовой подход делает акцент на нормативном отражении качества. В стандартах и нормативах закрепляется уровень совокупности свойств и показателей качества объекта, ниже которого нельзя опуститься при оказании услуг, изготовлении или использовании объекта. Правовой подход к исследованию качества направлен на разработку, утверждение законодательных и нормативных документов и их внедрение и выполнение в практической деятельности. Как в области метрологии есть эталонная база, сличая с которой, можно говорить о соответствии/несоответствии образца, так в правовых и нормативных документах закрепляются эталонные значения, на соответствие которым и проверяются объекты.

В конце 1960-х гг. сформировалась самостоятельная наука об оценивании качества различного рода объектов — квалиметрия, что позволяет говорить о ква-

лимитическом подходе к определению понятия и сущности качества. Представителями данного подхода являются Г. Г. Азгальдов, А. В. Гличев и др.

Согласно квалиметрическому подходу абсолютным приоритетом в оценке качества обладает потребитель (получатель). Услуга должна быть способной удовлетворять потребности, иначе она лишена надлежащего качества. С помощью определенного набора показателей или критериев можно оценить качество услуги по различным аспектам. Показатели могут быть количественными и качественными.

Качество представляет собой совокупность свойств, которые характеризуют получаемые при потреблении объекта результаты (как желательные, положительные, так и нежелательные, отрицательные). Качество показывает способность удовлетворять определенные потребности и преобразовываться согласно этим потребностям. Качество, с точки зрения указанного подхода, выступает как субъективная мера соответствия некоторого оцениваемого объекта потребностям оценщика.

Квалиметрический подход к определению качества находит свое отражение в проведении независимой оценки качества условий оказания социальных услуг. Под условиями оказания социальных услуг понимается совокупность факторов, действующих на потребителя услуги в процессе обслуживания. Так, каждый из пяти критериев независимой оценки качества условий оказания услуг содержит показатель, характеризующий удовлетворенность потребителя.

В зависимости от этапа, на котором потребитель оценивает качество, можно выделять два вида качества: воспринимаемое и реальное.

Воспринимаемое качество формируется потребителем на этапе принятия решения о получении, покупке услуги. Воспринимаемое качество является воображаемой моделью, в которой содержатся ожидания потребителя. Оно складывается из информации, полученной потребителем из различных источников: СМИ, рекламы, отзывов других потребителей. Кроме того, наблюдается взаимосвязь между заявленной ценой и воспринимаемым качеством: чем дороже услуга, тем более высокое качество ожидает получить потенциальный потребитель от данной услуги.

Реальное качество — как на этапе оказания услуги, так и на этапе восприятия результатов или последствий оказанной услуги. Реальное качество оценивается с помощью обратной связи, полученной от потребителя с помощью разработанных методик оценки и измерения качества. Можно отметить, что у потребителя первоначально формируется субъективное восприятие качества услуги, а затем ощущение удовлетворенности или неудовлетворенности полученным качеством.

Исследователи в области квалиметрии разрабатывают методики, с помощью которых качество можно выразить одним числом, отражающим степень удовлетворения общественной или личной потребности. Оценка качества услуг проводилась с опорой на принципы квалиметрии, к которым относятся практическая направленность исследования, приоритет в выборе определяющих показателей для оценки качества на стороне получателей социальных услуг, наличие эталона для сравнения — перечня необходимых условий оказания услуг, определяющих качество.

Рассматривая качество, можно выделить следующие особенности:

- невозможность достижения абсолютного уровня качества, объясняемое изменением требований к объекту с течением времени;
- возможность градации качества в зависимости от выполнения требований;
- соблюдение установленных и обязательных требований;
- ориентация на выполнение значимых требований заинтересованных сторон.

Заинтересованными сторонами могут выступать сотрудники учреждения, руководство учреждения, общество, потребители. От того, насколько (уровень/степень соответствия) будут удовлетворены предъявляемые заинтересованными сторонами требования к услуге, зависит качество.

Среди подходов к определению качества услуг в сфере социального обслуживания, ориентированных на оценку потребителя, исследователи выделяют:

1) процессный подход (Владимирцев, Марцынковский, Шеханов, 2001): услуга представляет собой действие, процесс, взаимодействие между потребителем и исполнителем. Данный подход заключается в необходимости определить ключевые процессы, точки взаимодействия между потребителем и исполнителем для их последующего оценивания (входы, выходы, ресурсы, получатели, поставщики, показатели процессов). В рамках процессного подхода представляется возможным выделить группы взаимосвязанных процессов, этапы контроля, управления и совершенствование процессов. Среди основных подпроцессов в социальном обслуживании можно выделить: информационное обеспечение; непосредственное оказание услуги; взаимодействие исполнитель — получатель;

2) проблемный подход: анализ негативных аспектов, связанных с представлением услуги, включающий выявление характеристик, процессов услуги, не удовлетворяющих требованиям потребителя;

3) критериальный подход: оценка качества связана с оценкой отдельных свойств (критериев, характеристик) услуги. Критериальный подход подразумевает определение основных свойств социальной услуги, значимых для потребителя, и веса каждого свойства.

Таким образом, качество в социальном обслуживании зависит от содержания предоставляемых социальных услуг, условий их оказания, а также от результатов оказанных услуг для получателя.

Под условиями оказания услуг (условиями обслуживания) понимается совокупность факторов, действующих на потребителя услуги в процессе социального обслуживания.

Основные факторы, влияющие на качество услуг, отраженные в серии Национальных стандартов социального обслуживания населения:

- наличие и состояние уставной и функциональной документации учреждения;
- состояние информации о порядке и правилах предоставления услуг, размещаемой для получателей;
- условия размещения учреждения и размещение объектов внутри учреждения, доступность помещений для всех категорий обслуживаемых граждан,

в том числе для инвалидов и других маломобильных групп населения, а также соответствие помещений требованиям санитарно-гигиенических норм и правил;

- укомплектованность учреждения специалистами и их квалификация;
- специальное и табельное техническое оснащение учреждения;
- наличие собственной и внешней систем контроля за деятельностью учреждения.

Квалиметрический подход делает акцент на субъективных оценках получателей социальных услуг, поскольку подразумевает оценку качества условий оказания услуг по отдельным показателям, содержащим критерий, связанный с удовлетворенностью получателей социальных услуг.

Методы исследования и источники данных

Исследование проводилось в 2018, 2021, 2024 гг. в девяти домах-интернатах для престарелых и инвалидов общего типа, из них одно учреждение специализированного типа (профиль — социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы) и одно — для ветеранов войны и труда. Методы исследования: опрос получателей в форме интервью; экспертные оценки условий в учреждении; анализ официальных сайтов учреждений; контрольные звонки, электронные письма; проверка работоспособности дистанционных форм взаимодействия с получателями. Выборочный метод основного массива — не менее 40% получателей в каждом учреждении. В 2018 г. выборочная совокупность — получатели (проживающие в домах-интернатах) $n = 1465$; в 2021 г. — $n = 1572$; в 2024 г. — $n = 2219$.

При реализации НОК в стационарных учреждениях социального обслуживания независимыми экспертами использовались три основных метода, представленных в таблице.

Методы исследования показателей независимой оценки качества условий оказания услуг

**Methods of research of indicators of independent assessment
of quality of conditions of provision of services**

Показатель	Метод оценки
Открытость и доступность информации об организации	Экспертное наблюдение в учреждении, экспертная оценка сайта учреждения, опрос получателей социальных услуг
Комфортность условий предоставления услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг	
Доступность услуг для инвалидов	
Доброжелательность, вежливость работников организаций	Опрос получателей социальных услуг
Удовлетворенность условиями оказания услуг	

Максимально возможное количество баллов, полученных в результате НОК, составляет 100 баллов как по каждому показателю оценки, так и в отношении общей оценки организации.

Экспертные методы оценки качества — методы с использованием знаний и опыта экспертов. Неэкспертные методы оценки качества — опросы для выявления мнения получателей.

По мнению исследователей (Азгальдов, 1981; Азгальдов, Костин, 2010) необходимо выделить группы людей, контактирующих с объектом оценки (условий оказания услуг). В системе социального обслуживания населения это: получатели — те, кто пользуется этими условиями при получении услуги; те, кто управляет, обеспечивает функционирование этого процесса (учредитель, руководство организации); те, кто непосредственно взаимодействует с получателями (специалисты, инструкторы, сиделки); те, кто обслуживает технические системы для обеспечения надлежащего качества условий (технический персонал); те, кто непосредственно не связан с условиями оказания услуг, но влияет на конечное качество (поставщики теплоэнергии, воды, продуктов питания, одежды, обуви и др.). Важным представляется исследование отношений всех участников данного процесса.

Результаты исследования

В итоговых результатах независимой оценки качества, проведенной в 2018, 2021, 2024 гг. в восьми домах-интернатах общего типа Алтайского края, в целом наблюдается положительная динамика, что говорит о планомерной работе учреждений по улучшению качества условий оказания услуг (рис. 1). Детальный анализ итоговых результатов показывает следующие ключевые изменения:

— к 2024 г. вырос максимальный итоговый результат и составляет 98 баллов, которого удалось достичь трем учреждениям (Дружбинскому, Крестьянскому и Ребрихинскому ДИдПиИ). В 2021 г. максимальный результат принадлежал Дружбинскому ДИдПиИ и составлял 97 баллов. В 2018 г. высший итоговый результат набрал Крестьянский ДИдПиИ, он составлял 90,3 балла;

— в 2018 г. на последнем месте в итоговом рейтинге находился Ребрихинский ДИдПиИ с результатом 82 балла. К 2021 г. результат учреждений, занявших последнее место, вырос на 8 баллов и составил: Крестьянский ДИдПиИ — 90,2 баллов, Центральный ДИдПиИ — 89,8 балла. В 2024 г. наблюдается существенный рост минимального итогового результата: Рубцовский специальный ДИдПиИ — 94,7 балла, Барнаульский ДИдПиИ — 94,5 балла;

— средний (по всем ДИдПиИ) итоговый результат (96,3 балла) увеличился в 2024 г. по сравнению с 2018 г. (86,1 балла) более чем на 10 баллов. В относительном измерении это составило почти 12%. Несомненно, свою положительную роль в этом сыграл механизм независимой оценки качества условий оказания услуг учреждениями социального обслуживания населения, что подтверждает его единственность.

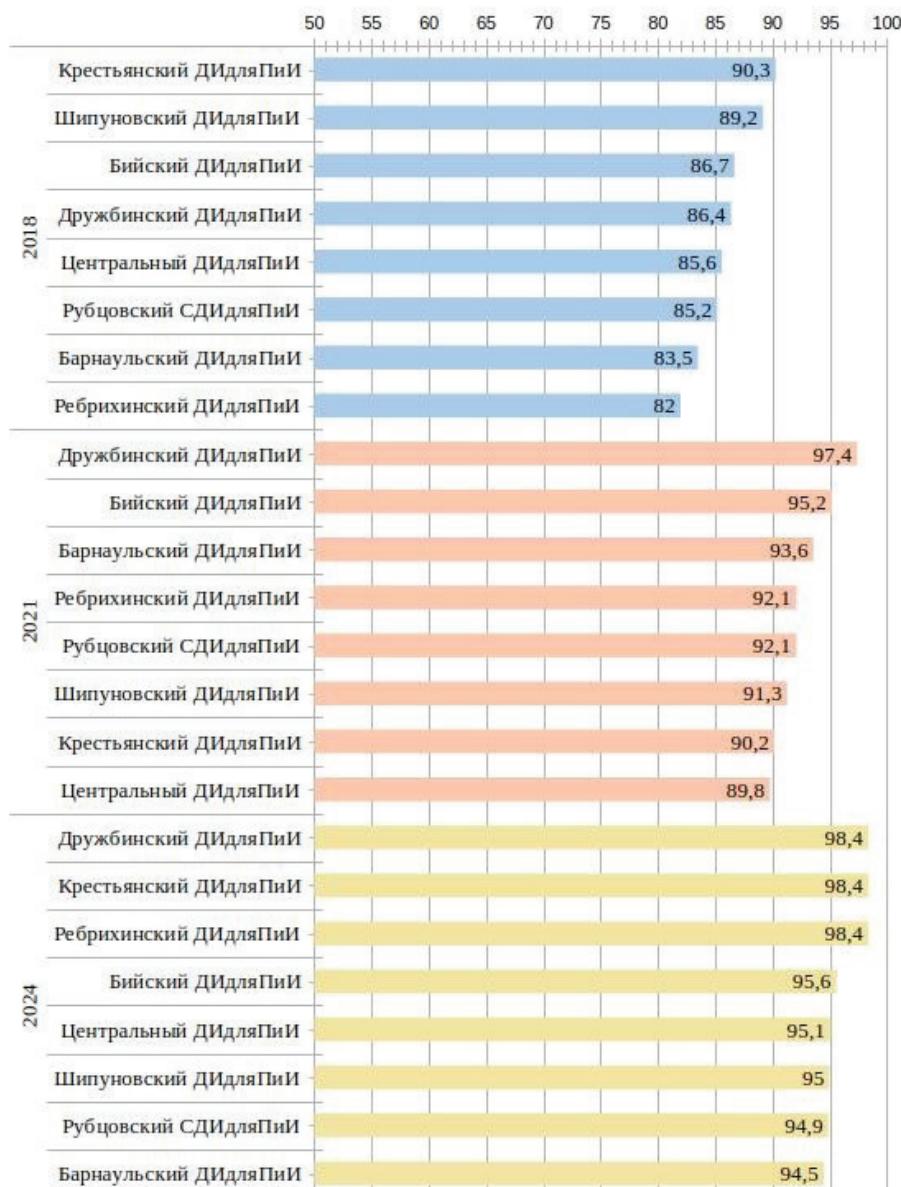

Рисунок 1 — Итоговые результаты независимой оценки качества условий оказания услуг в ДИдПиИ в 2018, 2021 и 2024 гг., баллов, max — 100.

Figure 1 — Final results of the independent assessment of the quality of conditions for the provision of services in the DIDPI in 2018, 2021 and 2024, points, max — 100.

Таким образом, помимо значимой положительной динамики в целом результатов независимой оценки качества условий оказания услуг, которые в среднем приближаются к максимальным показателям, наблюдается уменьшение дисперсии ито-

говых результатов (с 6,5 балла в 2018 г. до 2,8 балла в 2024 г., т.е. более чем в 2 раза), что говорит о выравнивании качества условий оказания услуг, предоставляемых учреждениями, по данным независимой оценки. Стоит, однако, отметить, что эти результаты говорят в том числе о необходимости совершенствования самой методики независимой оценки качества, которая в существующем виде может себя исчерпать в ближайшее время. Видимо, необходимо расширять инструментарий методики, корректировать набор критериальных значений, углублять анализ по отдельным направлениям.

Рассмотрим динамику изменений в пяти показателях НОК условий оказания услуг, произошедших к 2024 г., в сравнении с 2018 и 2021 гг., которые повлияли на улучшение/снижение позиций в рейтинге ДИдПиИ. Это:

- открытость и доступность информации об организации;
- комфортность условий предоставления услуг;
- доступность услуг для инвалидов;
- доброжелательность, вежливость работников организации;
- удовлетворенность условиями оказания услуг.

На рисунках 2–6 использована следующая нумерация учреждений для условного обозначения: 1 — Барнаульский ДИдПиИ; 2 — Бийский ДИдПиИ; 3 — Дружбинский ДИдПиИ; 4 — Крестьянский ДИдПиИ; 5 — Ребрихинский ДИдПиИ; 6 — Рубцовский специальный ДИдПиИ; 7 — Центральный ДИдПиИ; 8 — Шипуновский ДИдПиИ.

Показатель «Открытость и доступность информации об организации» за период с 2018 по 2024 г. показал самый существенный рост (его среднее значение по всем учреждениям выросло на 17,5 балла). Если в 2018 г. максимальное количество баллов по этому показателю не доходило до 90 (кроме одного учреждения), то в 2024 г. максимального результата в 100 баллов достигли уже четыре учреждения (рис. 2).

В 2024 г. независимыми экспертами отмечено наличие необходимой информации как на стенах внутри помещений домов-интернатов, так и на официальных сайтах в сети Интернет. Основные рекомендации по улучшению открытости и доступности информации об учреждении связаны с необходимостью обратить внимание на функционирование дистанционных способов взаимодействия с получателями социальных услуг: обеспечить ответы на вопросы, задаваемые с использованием сервисов обратной связи, реализовать возможность задать вопрос в раздел «Часто задаваемые вопросы», а также ознакомиться с ответами на них.

Основными недостатками по этому показателю, отмеченными в ходе опроса проживающих в домах-интернатах, являются:

1) в 2018 г. — высокое расположение стендов и мелкий шрифт, а также необходимость добавить на стенд информацию о том, какие услуги и материальное обеспечение положены проживающим по нормативам;

2) в 2021 г. отмечено отсутствие на стенах информации и фотографий о проводимых в учреждении мероприятиях и конкурсах, наличие недостоверной информации: «недостоверная информация о врачах на стенде, врачи указаны, а на самом деле уже не работают», а также указано на сложность нахождения сайта учреждения в сети Интернет и нерегулярность обновления фотографий: «информ-

мация на стенах регулярно обновляется, были трудности с нахождением сайта, в первую очередь находится адрес дома-интерната»; «на сайте не увидишь жизнь людей, фотографии обновляются редко».

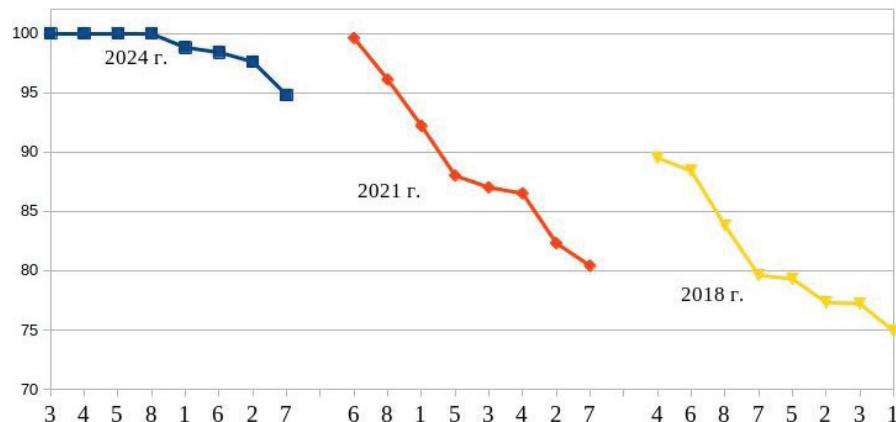

Рисунок 2 — Оценка открытости и доступности информации об организации в сравнении 2024, 2021, 2018 гг., баллов, max — 100 (показатель 1).

Figure 2 — Assessment of openness and accessibility of information about the organization in comparison 2024, 2021, 2018, points, max — 100 (Indicator 1).

Очевидно, что достижение требуемых параметров открытости и доступности информации об организации не требует больших административных и финансовых ресурсов. К 2024 г., как уже было отмечено, половина учреждений достигла максимального значения баллов по этому показателю. Однако с учетом появления новых форм информационного взаимодействия в обществе на основе современных средств ИКТ можно рекомендовать обновление требований по данному показателю. Так, например, широкое распространение в настоящее время получает такой формат информационного взаимодействия, как мобильные приложения и официальные группы в мессенджерах. Эти форматы наилучшим образом подходят для людей с ограниченными возможностями здоровья.

По показателю «Комфортность условий предоставления услуг» в 2018, 2021 и 2024 гг. все дома-интернаты общего типа Алтайского края показали результаты выше 90 баллов. 100-балльный результат достигнут в 2018 г. одним учреждением, в 2021 и 2024 гг. 100-балльные результаты набрали соответственно три и четыре учреждения (рис. 3). Снижение оценок в 2024 г. по двум учреждениям связано с оценками получателей. Несмотря на то что эксперты отмечают улучшение комфортности условий, у потребителей появляется естественный рост потребностей в благоустройстве и уюте. Так, предложения получателей по обеспечению комфортных условий в доме-интернате в 2024 г. были связаны с:

— изменением интерьера в комнатах и местах общего пользования: «ремонт стен в комнатах», «побольше картин в комнатах», «хочется побольше цветов в горшках»,

«хотелось бы добавить элементы декора в зонах отдыха и в комнатах для более уютной (домашней) атмосферы», «хочется добавить уюта в комнаты и на территории зон отдыха, регулярно обновлять книги в зоне отдыха», «улучшить качество подушек»;

— установкой новой мебели, техники: «купить и поставить компьютеры для общего пользования», «купить стиральную машинку для стирки белого белья», «поставить в комнату холодильник», «поставить еще шифоньер», «поставить в комнату столы»;

— утеплением окон: «лучше утеплить окна, чтобы электрик и слесарь раз в неделю обходили комнаты», «сквозят окна, прохладно».

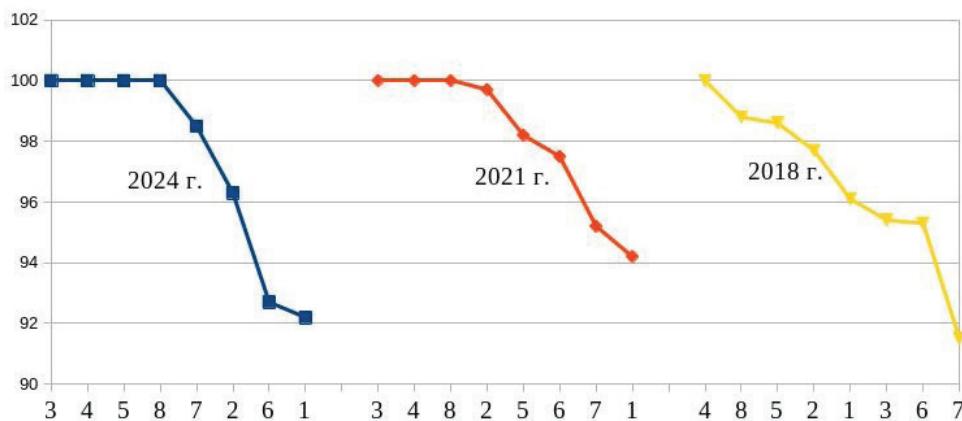

Рисунок 3 — Комфортность условий предоставления услуг в сравнении 2024, 2021, 2018 гг., баллов, max — 100 (показатель 2).

Figure 3 — Comfort of conditions for providing services in comparison with 2024, 2021, 2018, points, max — 100 (indicator 2).

В целом показатель «Комфортность условий предоставления услуг» также демонстрирует некоторое насыщение своей эффективности при проведении НОК: дисперсия его значений по всем учреждениям невелика, а среднее значение за три периода изменилось вообще несущественно (в пределах 1 балла). Вполне возможно, этот показатель требует своего пересмотра с увеличением количества оцениваемых параметров со стороны получателей услуг.

По показателю «Доступность услуг для инвалидов» в 2018 и 2024 гг. ни одно учреждение не достигло 100-балльного результата, а в 2021 г. два учреждения набрали 100 баллов (рис. 4). Однако в целом по показателю отмечается положительная динамика, которой способствует участие учреждений в Государственной программе «Доступная среда». За счет федерального финансирования у учреждений есть возможность приобретения и установки дорогостоящего оборудования, реконструкции зданий для маломобильных групп населения. В итоге среднее значение этого показателя по всем ДИдПиИ выросло с 2018 к 2024 г. на 14 баллов. Однако оно было и остается самым низким среди всех анализируемых показателей при максимальной дисперсии значений по всем учреждениям. Это

объясняется тем, что выполнение требований по доступности услуг для инвалидов требует больших финансовых затрат (государственные программы их полностью не восполняют) при жестком законодательном регулировании и ограничениях, связанных с конструктивными особенностями зданий и помещений.

Снижение в 2024 г. результатов учреждений, набравших 100-балльные результаты по рассматриваемому показателю в 2021 г., связано с сокращением доли проживающих, удовлетворенных доступностью услуг для инвалидов, и необходимостью дооборудования входных зон и санитарно-гигиенических помещений с учетом установленных требований. Так, основные рекомендации для обеспечения доступности услуг для инвалидов в 2024 г. выглядят следующим образом:

- оборудовать кнопкой вызова персонала входную зону и рассмотреть возможность сделать отдельно туалет и отдельную душевую комнату, специально оборудованные для маломобильных групп населения, с полноценным оборудованием, соответствующим требованиям;

- отремонтировать входные зоны и оборудовать их противоскользящим покрытием, отремонтировать лифт, установить поручни в местах общего пользования (коридорах) в жилых корпусах, провести текущий ремонт полового покрытия в местах общего пользования;

- приобрести в отделения милосердия необходимое количество переносных индивидуальных пространств (ширм) для проведения гигиенических процедур, а также провести косметический ремонт в холлах и комнатах;

- приобрести локтевые смесители, поворотные зеркала, сенсорные дозаторы для мыла.

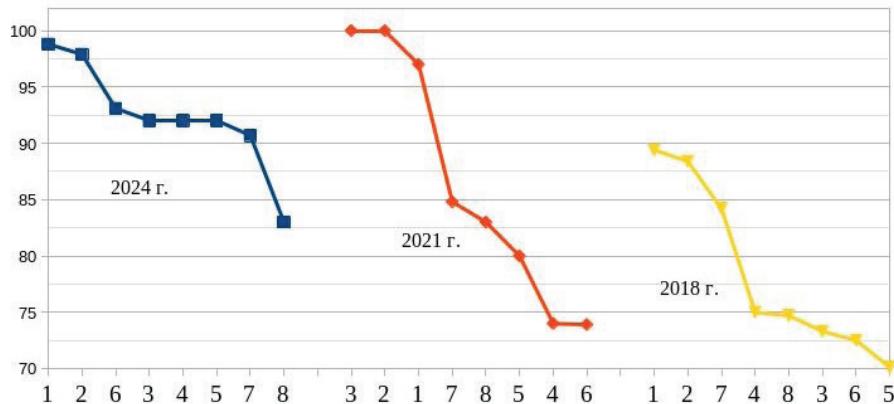

Рисунок 4 — Доступность услуг для инвалидов в сравнении 2024, 2021, 2018 гг., баллов, max — 100 (показатель 3).

Figure 4 — Accessibility of services for people with disabilities in comparison 2024, 2021, 2018, points, max — 100 (indicator 3).

По показателю «Доброжелательность, вежливость работников организации» 100-балльные результаты достигнуты в 2021 и 2024 гг. тремя учреждениями (рис. 5).

Однако в целом этот показатель не является «лидером» среди анализируемых, его среднее значение по всем ДИдПиИ выросло с 2018 к 2024 г. на 8,6 балла (это четвертое место в рейтинге роста показателей). Сохранение в 2024 г. доли получателей, не удовлетворенных доброжелательностью и вежливостью сотрудников, объясняется комментариями проживающих об увеличении числа сестринского персонала в ДИдПиИ. Получатели с пониманием отмечают, что на сестринский персонал приходится большая нагрузка — до 20 получателей на одного специалиста.

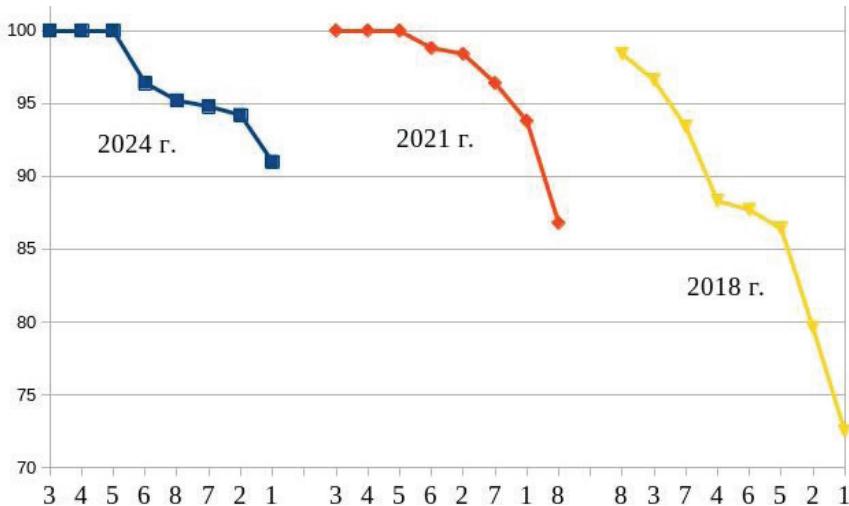

Рисунок 5 — Доброжелательность, вежливость сотрудников организаций в сравнении 2024, 2021, 2018 гг., баллов, max — 100 (показатель 4).

Figure 5 — Friendliness, politeness of the organization's employees in comparison 2024, 2021, 2018, points, max — 100 (indicator 4).

Следует отметить, что учреждениям для решения проблем в наиболее чувствительной сфере — взаимодействие получателя с исполнителем — помимо рекомендаций эксперта, необходимо включать в план обобщенные и систематизированные пожелания получателей услуг.

Несмотря на то что получатели высоко оценивают доброжелательность и вежливость сотрудников учреждения, важной задачей для учреждения является совершенствование навыков коммуникации, культуры общения, поскольку зачастую именно доброжелательное отношение специалистов, руководителей в первую очередь, определяет оценки получателей. Сами специалисты отмечают, что в период пандемии (связанной с коронавирусной инфекцией COVID-19), когда они работали в учреждении на условиях 14-дневной изоляции, у них появлялось понимающее отношение к получателям, выстраивались более доброжелательные и теплые отношения. Поэтому оценки доброжелательности и вежливости сотрудников в 2021 г. были несколько выше аналогичных оценок в 2024 г.

По показателю «Удовлетворенность условиями оказания услуг» первый 100-балльный результат получен в 2021 г., к 2024 г. число учреждений, набравших

максимальный балл, возросло до трех (рис. 6). Среднее значение этого показателя по всем ДИдПиИ выросло с 2018 к 2024 г. на 10,2 балла.

Результаты опроса проживающих позволили выделить следующие предложения по улучшению условий оказания услуг:

— необходимость улучшения и разнообразия питания, а также возможность открытия в доме-интернате буфета;

— необходимость сократить количество проживающих в одной комнате: «в комнате хочется поменьше соседей», «из пожеланий, по возможности организовывать комнаты для проживания по одному, так будет комфортнее», «меньше человек в одной комнате, например, по двое, а не по трое»;

— регулярное проведения занятий ЛФК, предложение проводить спортивные мероприятия;

— необходимость установки кнопки вызова персонала в комнате возле кровати (в отделениях милосердия кнопки вызова установлены);

— необходимость улучшения социально-медицинских услуг («хочу пролечиться в больнице», — отмечают получатели; медицинский персонал учреждения обеспечивает плановое и экстренное лечение получателей в учреждениях здравоохранения);

— организация выездных мероприятий: «чаще выезжать на культурные мероприятия», «выделить транспорт на экскурсии», «поездки на экскурсии, на городские мероприятия», «больше спортивных мероприятий», «устраивать побольше показов фильмов СССР»;

— необходимость ремонта парка и восстановление фонтана: «заменить дисплей на арке „Парк отдыха“», «отремонтировать/восстановить фонтан и работу парка»;

— увеличение количества банных дней: «чаще мыться в бане».

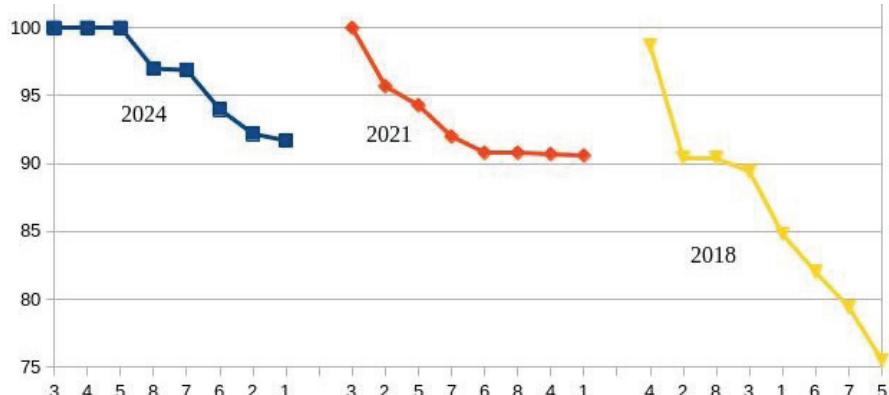

Рисунок 6 — Удовлетворенность условиями оказания услуг в сравнении

2024, 2021, 2018 гг., баллов, max — 100 (показатель 5).

Figure 6 — Satisfaction with the terms of service provision in comparison with 2024, 2021, 2018, points, max — 100 (indicator 5).

Как видно, некоторые предложения проживающих являются сложно выполнимыми (они требуют дополнительных административных ресурсов и финансо-

вых вложений). Однако высокие результаты в целом по этому показателю говорят о том, что получатели с пониманием относятся к существующим проблемам учреждений при создании запрашиваемых условий оказания услуг.

Следует отдельно отметить минимальные результаты, полученные ДИдПиИ в ходе НОК 2024 г. (рис. 2–6): по показателю «обеспечение открытости и доступности информации об учреждении» — 95 баллов, «обеспечение комфортных условий» — 92 балла, «обеспечение условий доступности для инвалидов» — 83 балла, «удовлетворенность доброжелательностью и вежливостью сотрудников» — 91 балл, и «удовлетворенность условиями оказания услуг» — 92 балла.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что все ДИдПиИ получили высокие оценки по результатам НОК. Если перевести 100-балльную систему оценки в пятибалльную, то все исследуемые учреждения имеют оценку «отлично». Отмеченное снижение результатов по отдельным показателям было вызвано оценками получателей, которые, в свою очередь, связаны с ростом потребностей, желанием более высокого уровня комфорта.

Итоговые результаты проведенного исследования предоставлены общественному совету по независимой оценке качества, который создан при учредителе (Министерстве социальной защиты Алтайского края), а также переданы в учреждения для разработки планов и сроков по устранению выявленных проблем.

Заключение

Таким образом, анализ результатов НОК за 2018, 2021, 2024 гг. демонстрирует положительную динамику показателей по всем домам-интернатам общего типа Алтайского края. В 2024 г. по четырем из пяти показателей независимой оценки по отдельным ДИдПиИ наблюдается достижение 100-балльного результата. Недостижение максимального итогового результата в 100 баллов по показателю «Доступность услуг для инвалидов» говорит о необходимости продолжения работы по обеспечению в учреждении условий доступности для инвалидов: в части полного оснащения санитарно-гигиенических помещений для инвалидов в соответствии с требованиями, оборудованием входных зон кнопкой вызова персонала, оснащением противоскользящим покрытием. Однако создание в учреждении условий доступности осложняется в том числе конструктивными особенностями имеющихся зданий для обеспечения ширины проходов (не менее 180 см) между объектами внутри санитарно-гигиенического помещения, возможности оснащения дома-интерната адаптированным лифтом и др. Соблюдение всех условий доступности, отвечающих современным требованиям, возможно при строительстве новых корпусов (так, в Центральном ДИдПиИ осуществляется строительство нового жилого корпуса, отвечающего всем требованиям доступности).

Наиболее распространенное предложение, отмеченное в ходе опросов и относящееся к обеспечению комфортных условий, — желание проживающих в ДИдПиИ приблизить интерьер комнат к домашней обстановке, добавив цветы в горшках, картины. С точки зрения комфортных условий при осуществлении гигиенических процедур в отделениях милосердия рекомендовано укомплектовать

вать помещения необходимым количеством мобильных «индивидуальных пространств» (ширм).

В 2024 г. в качестве предложения по улучшению условий оказания услуг преобладало пожелание сократить количество проживающих в одной комнате до двух человек, а также осуществлять подбор проживающих с учетом интересов и пожеланий.

Оценка качества позволяет обеспечить обратную связь от получателей социальных услуг и контролировать качество социального обслуживания, являясь основанием для принятия управленческих решений.

Вместе с тем важным остается вопрос исследования мнения организаторов и непосредственных исполнителей процесса социального обслуживания по улучшению качества условий оказания услуг, что представляет собой отдельный предмет исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азгальдов Г. Г. Разработка теоретических основ квалиметрии : дис. ... д-ра экон. наук. М., 1981.

Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Квалиметрия и метрология: вопросы идентификации // Мир измерений. 2010. №1.

Бойцов Б. В., Головин Д. Л., Громов В. Ф. Кафедра 104 «Технологическое проектирование и управление качеством» Московского авиационного института: 80 лет. Т. 2. М. : Академия исторических наук, 2011. 800 с.

Владимирцев А. В., Марцыновский О. А., Шеханов Ю. Ф. Системы менеджмента качества и процессный подход // quality.eup.ru : ежедневное интернет-издание, 2001. URL: https://quality.eup.ru/DOCUM3/smk_process.htm (дата обращения 10.01.2025).

Гличев А. В. Основы управления качеством продукции. М. : Стандарты и качество, 2001. 418 с.

Гневко В. А., Рохчин В. Е. Условия устойчивости развития региона как сложной хозяйственной системы // Российское предпринимательство. 2005. №12.

Гуслякова Л. Г., Говорухина Г. В., Григорьев С. И. Виталистская модель социальной работы как основа обеспечения качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3. С. 78–80.

Калинина Ю. А., Гуслякова Л. Г. (2010). Исследование стандартизации социального обслуживания: проблемы, перспективы реализации на региональном уровне // The Journal of Social Policy Studies, Т. 4, № 3. С. 349–366.

Лига М. Б., Гуслякова Л. Г. Щеткина И. А., Захарова Е. Ю. Модели качества жизни. М. : РУСАКИ, 2013. 167 с.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М., Щеглова Д. К. Социально-экономические факторы, определяющие качество жизни лиц пожилого и старческого возраста // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6.

Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007. 234 с.

Петрова С. А., Григорьянц Г. Н., Ясинская И. А., Алексенцева Ю. А. Независимая оценка качества услуг как инструмент анализа достижения национальных целей развития // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3.

Смирнов В. М., Башарина (Сунцова) С. М., Башарина А. А. Особенности рынка оказания услуг в сфере социального обслуживания и проблемы оценки их качества // Социально-политические науки. 2023. Т. 13? № 6. С. 130–139. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-130-139. EDN: BKKPDG

Субетто А. И. Квалиметрия: монография. СПб. : Астерион, 2002. 288 с.

Топчий Л. В. Методика оценки эффективности социальных услуг и других видов социальной поддержки. Нижний Новгород, 2006. 144 с.

REFERENCES

- Azgal'dov, G. G. (1981). *Development of theoretical foundations of qualimetry. Doctoral dissertation*. Moscow. (In Russ.).
- Azgal'dov, G. G., & Kostin, A. V. (2010). Qualimetry and metrology: Issues of identification. *Mir Izmerenij*, 1. (In Russ.).
- Boytssov, B. V., Golovin, D. L., & Gromov, V. F. (2011). *Department 104 "Technological design and quality management" of the Moscow Aviation Institute: 80 years*. Vol. 2. Moscow: Akademiya istoricheskikh nauk. (In Russ.).
- Vladimirtsev, A. V., Martsynkovskiy, O. A., & Shekhanov, Yu. F. (2001). Quality management systems and the process approach. *quality.eup.ru*. URL: https://quality.eup.ru/DOCUM3/smk_process.htm. (In Russ.).
- Glichev, A. V. (2001). *Fundamentals of product quality management*. Moscow : Standarty i kachestvo. (In Russ.).
- Gnevko, V. A., & Rokhchin, V. E. (2005). Conditions for the sustainable development of a region as a complex economic system. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, 12. (In Russ.).
- Guslyakova, L. G., Govorukhina, G. V., & Grigor'ev, S. I. (2013). The vitalistic model of social work as a basis for ensuring the quality of life of the population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 3, 78–80. (In Russ.).
- Kalinina, Yu. A., & Guslyakova, L. G. (2010). Research on the standardization of social services: Problems and prospects for implementation at the regional level. *The Journal of Social Policy Studies*, 4(3), 349–366. <https://jsps.hse.ru/article/view/3702>. (In Russ.).
- Liga, M. B., Guslyakova, L. G., Shchetkina, I. A., & Zakharova, E. Yu. (2013). *Models of quality of life*. Moscow : RUSAKI. (In Russ.).
- Maksimova, S. G., Noyanzina, O. E., Maksimova, M. M., & Shcheglova, D. K. (2015). Socio-economic factors determining the quality of life of elderly and senile people. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 6. (In Russ.).

Romanov, P. V., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (Eds.). (2007). *Evaluation of the effectiveness of social support institutions*. Moscow : Centr sotsial'noj politiki i gendernyh issledovaniy. (In Russ.).

Petrova, S. A., Grigor'yants, G. N., Yasinskaya, I. A., & Aleksentseva, Yu. A. (2021). Independent assessment of the quality of services as a tool for analyzing the achievement of national development goals. *Social'no-trudovye issledovaniya*, 3. (In Russ.).

Smirnov, V. M., Basharina (Suntsova), S. M., & Basharina, A. A. (2023). Features of the market for social services and problems of assessing their quality. *Social'no-politicheskie nauki*, 13(6), 130-139. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-6-130-139> (In Russ.).

Subetto, A. I. (2002). *Qualimetry*. St. Petersburg : Asterion. (In Russ.).

Topchiy, L. V. (2006). *Methods for assessing the effectiveness of social services and other types of social support*. Nizhny Novgorod. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Константин Геннадьевич Анисимов — канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математики и прикладной информатики, Рубцовский институт (филиал) АлтГУ, г. Рубцовск, Россия

Konstantin G. Anisimov — Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor of the Department of Mathematics and Applied Informatics, Rubtsovsk Institute (Branch) of Altai State University, Rubtsovsk, Russia.

Елена Александровна Анисимова — Рубцовский институт (филиал) АлтГУ, г. Рубцовск, Россия.

Elena A. Anisimova — Cand. Sci. (Technics), Rubtsovsk Institute (Branch) of Altai State University, Rubtsovsk, Russia.

Юлия Александровна Калинина — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Yulia A. Kalinina — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of the Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Анастасия Дмитриевна Лапшина — ведущий специалист-эксперт, Отделение Социального фонда России по Алтайскому краю, г. Барнаул, Россия.

Anastasia D. Lapshina — leading Specialist-Expert, Branch of the Social Fund of Russia in the Altai Territory, Barnaul, Russia.

Татьяна Викторовна Сиротина — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Tatyana V. Sirotina — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of the Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
одобрена после рецензирования 14.02.2025;

принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025;
approved after reviewing 14.02.2025;
accepted for publication 14.02.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-10

Социальный портрет студента сквозь призму особенностей профессионального самоопределения

Алена Алексеевна Корзина

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0516-0631>

Аннотация. Актуальность работы заключается в важности понимания отличительных особенностей и характеристик студентов университета для наилучшего представления целевой аудитории (abitуриентов) образовательного учреждения в целях улучшения реализации профориентационной политики. В статье используется метод социального портретирования как один из способов описания социального образа современных студентов.

В теоретическом обзоре рассмотрено понятие «социальный портрет» и особенности социального портретирования молодой когорты населения, в частности школьников, студентов и молодежи в целом. Эмпирической базой исследования послужил социологический опрос первокурсников университета, а также интервью с директорами структурных подразделений.

В работе анализируются особенности профессионального самоопределения первокурсников, их социальные и демографические характеристики, в частности гендерные различия, место жительства, личные мотивы и факторы, повлиявшие на профессиональный выбор. По результатам исследования был составлен социальный портрет студента университета, на основе чего сделаны выводы о целевой аудитории исследуемого вуза. Выявлено, что потенциальными студентами ВоГУ являются жители Вологодской области, причем в большей степени это школьники регионов, а в меньшей — жители крупных городов, таких как Вологда или Череповец. Исходя из специфики направлений подготовки в равной степени это может быть обучающийся как женского, так и мужского пола. Установлено, что девушки предпочитают гуманитарные профили, а мужчины — технические. Основными мотивами для выбора абитуриентом профиля обучения являются личные качества и способности, значимую роль играет также семья и семейные наставления. Выбор образовательного учреждения в большей степени происходит благодаря наличию бюджетных мест и возможности уехать недалеко от родительского дома. Абитуриент университета знает о проводимых вузом профориентационных мероприятиях, однако с большой вероятностью он не будет принимать в них участия. На основе выявленных особенностей профессионального самоопределения студентов сделаны некоторые предложения, касающиеся профориентационной политики университета.

Ключевые слова: портрет, социальный портрет, абитуриент, профессиональное самоопределение, профориентация

Для цитирования: Корзина А. А. Социальный портрет студента сквозь призму особенностей профессионального самоопределения // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 151–170. doi: 10.14258/ssi(2025)1-10.

Social Portrait of a Student through the Prism of the Features of Professional Self-Determination

Alena A. Korzina

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0516-0631>

Abstract. The relevance of the work lies in the importance of understanding the distinctive features and characteristics of university students in order to best represent the target audience (applicants) of the educational institution in order to improve the implementation of career guidance policy. This article uses the method of social portraiture as one of the ways to describe the social image of modern students. The theoretical review examines the concept of “social portrait” and the features of social portrayal of a young cohort of the population, in particular schoolchildren, students and youth in general. The empirical basis of the study was a sociological survey of first-year students of the university, as well as interviews with the directors of structural divisions. The work analyzed the features of professional self-determination of first-year students, their social and demographic characteristics, in particular gender differences, place of residence, personal motives and factors that influenced professional choice. Based on the results of the study, a social portrait of a university student was compiled, on the basis of which conclusions were drawn about the target audience of the university under study. It has been revealed that potential students of VSU are residents of the Vologda region, and to a greater extent they are schoolchildren from the regions, and to a lesser extent resident of large cities such as Vologda or Cherepovets. Based on the specifics of the training areas, it can equally be a female and male student. It was found that girls prefer humanitarian profiles, while men prefer technical ones. The main motives for an applicant's choice of a study profile are personal qualities and abilities, and family and family guidance also play an important role. The choice of an educational institution is largely due to the availability of budget places and the opportunity to leave close to the parent's home. University applicants are aware of the university's career guidance activities, but they are more likely not to take part in them. Based on the identified features of students' professional self-determination, some proposals have been made regarding the university's career guidance policy.

Keywords: portrait, social portrait, applicant, professional self-determination, career guidance

For citation: Korzina, A. A. (2025). The Social Portrait of a Student through the Prism of the Features of Professional Self-Determination. *Society and Security Insights*, 8(1), 151–170. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-10.

Введение

Процесс поступления в вуз — сложное и многоэтапное взаимодействие университета с абитуриентами и их родителями. Каждый участник этого процесса

имеет разные цели и интересы. Для абитуриента главное — сделать правильный профессиональный выбор, определяя будущее направление подготовки и образовательное учреждение. Для университета приоритет — закрыть контрольные цифры приема и набрать как можно больше первокурсников. Соприкосновение деятельности университета с выпускниками школ происходит в период профориентационной работы. Поэтому любой образовательной организации важно понимать характерные особенности своей целевой аудитории (abitуриентов), чтобы воздействовать на их профессиональный выбор. На наш взгляд, для наилучшего понимания целевой группы вуза необходимо представить характеристики самих обучающихся. Одним из методов описания категории студентов является социальное портретирование. Цель данного исследования состоит в анализе социального портрета студентов Вологодского государственного университета.

Социальный портрет как теоретическая категория

Понятие «социальный портрет» является социологическим концептом и распространенным методом изучения социальной реальности. Однако, несмотря на популярность исследований этой тематики, учеными интересующая нас категория понимается не всегда однозначно, что обусловлено отсутствием конкретного выработанного научного определения данного термина.

Определение «социальный портрет» включает в себя две составляющих. В общем смысле слово «портрет» в переводе с французского *portrait* означает «воспроизведение чего-либо черта в черту», изображение кого-либо художественными средствами. Наиболее часто это понятие используется в графике, живописи, литературе и криминалистике. В социологической науке термин «портрет» становится социальным и используется при формировании портрета определенной социальной группы.

В исследовательской сфере в основу проектирования социального портрета легли теоретические аспекты концепции идеальных типов М. Вебера (Вебер, 1990). По Веберу, идеальный тип — это теоретическая конструкция, отражающая интерес конкретной эпохи и являющаяся одним из факторов существования и развития общества (Манахова, 2004). Идеальный тип определяется как абстракция, формируемая на теоретическом уровне знания, и может быть использована для эмпирического анализа социальной действительности. Интерпретация концепции идеального типа в среде полевых исследований наиболее эффективно может реализовываться через метод моделирования, когда сущностные качества исследуемого объекта структурируются посредством выстраивания графической модели (Сиюхова, Куева, 2021). Именно рассмотрение метода идеального типа как модели определяет соотношение данного понятия с категорией «социальный портрет», которая, в свою очередь, обобщается как комплексный образ различных характеристик социальных систем.

В отечественной социологии понятия «социологический портрет», «социальный портрет» используются с 1970-х гг., с периода популяризации исследований, направленных на разработку портретов представителей различных соци-

альных групп (например, социальный портрет советского рабочего) (Согомонов, 1994). В настоящее время объектами социального портретирования могут выступать любые социальные единицы, например различные возрастные когорты, определенные профессиональные группы, социальные институты и др. (Желнина, Добрынина, 2020).

Главная особенность социального портрета состоит в его колективности, групповом характере. Стоит отметить, что при недостаточной информативности невозможно создание идеального комбинированного описания социального портрета. По мнению Р. Аrona, «социальный портрет нуждается в углубленном знании оригинала», ввиду чего ученый пришел к умозаключению, что «портрет не имеет возможности быть абсолютно завершенным» (Арон, 1992).

Научные работы, направленные на формирование социального портрета какого-либо объекта, имеют прикладной характер и содержат описание общих характеристик определенной социальной совокупности. Можно отметить работы отечественных (Гайдай, Кадырова, 2022; Братцева, Козырева, Пейколайнен, 2022; Захарова, Чусовлянова, 2021; Леонидова, 2022 и др.) и зарубежных авторов (Watson, Kenny, McGinnity, 2017; Holley, Oliver, 2009; Ilisin, Potocnic, 2010; Kuliesis, Pareigiene, 2015; Watson, Nolan, 2011 и др.).

Ученые из Екатеринбурга в коллективной монографии «Социальный портрет мастера производственного обучения» трактуют социальный портрет как «совокупность социально-демографических и иных характеристик, являющихся наиболее типичными для той или иной социальной группы». Исследователи выделяют два подхода к анализу данной категории. Узкий (демографический) подход заключается в рассмотрении только социально-демографических характеристик объекта исследования. Второй подход включает в себя изучение различных социологических (не только демографических) показателей, таких как ценностные ориентации, типичные проблемы, особенности мотивации и др. (Социальный портрет мастера..., 2015).

Т. А. Есина, изучая читателей библиотек, определяет социальный портрет как «интегрированное описание основных отличительных демографических, социальных и ценностных характеристик, присущих определенной группе читателей, представленное в виде стратификационного и аксиологического профилей» (Есина, 2010).

В работе «Социальный портрет населения» авторы понимают социальный портрет как «интегрированное описание социальной сущности объекта (социальной группы), включающее системную характеристику всех составляющих его компонентов, а также социальных процессов и отношений, с ним связанных». Элементами социального портрета, по мнению ученых, выступают такие характеристики, как социально-демографические показатели (возрастные особенности, гендерные различия, статусно-ролевой набор, уровень образования и т.д.), экономические показатели (материальное благосостояние, обладание экономической властью и т.д.), мировоззренческие показатели (отношение к жизни, ценностные ориентации и т.д.) (Ермолаева и др., 2014).

В зависимости от объекта исследования и самого исследователя компоненты социального портрета могут отличаться. Далее рассмотрим более подробно социальную категорию студентов как объект социального портретирования.

Особенности социального портрета студента

Для формирования социального портрета студента необходимо рассмотреть подходы к формированию социальных портретов различных социальных групп, сопряженных с категорией «студенты». Так, например, исходя из возрастных особенностей исследуемой группы (обычно это люди от 18 до 22 лет), студентов можно включить в категорию молодежи (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» определяет молодежь как социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации)¹. Кроме того, мы можем формировать социальный портрет студентов, обращая внимание на социальные особенности выпускников школ и абитуриентов (в Малом академическом словаре абитуриент определяется как учащийся, оканчивающий среднюю школу; выпускник; тот, кто поступает в вуз)².

Для понимания особенностей формирования социального портрета студентов можно рассмотреть критерии, которые использовались различными учеными при портретировании молодой когорты населения. Так, например, исследования, направленные на составление социального портрета молодежи, проводимые ФОМ, включают в анализ следующие критерии: удовлетворенность жизнью, материальное положение и структура доходов, наличие работы, ожидания относительно экономического развития России, лояльность по отношению к власти, политические и протестные установки³. Портретирование молодежи в исследованиях ИС РАН происходит с помощью таких компонентов, как жизненные цели и планы, человеческий и социальный капитал, отношения «отцов» и «детей», межпоколенная мобильность, политическое поведение, общественная активность, морально-нравственные ценности, досуг, личная и семейная жизнь⁴.

Отличаются также подходы к социальному портретированию молодежи и у конкретных исследователей. Например, Л. Р. Барахоева и М. З. Батыгова в своей работе делают упор на социально-психологические особенности молодого поколения и выделяют такие критерии изучения структуры молодежи, как показатели молодежной преступности, моральное и физическое здоровье человека

¹ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

² Абитуриент // Малый академический словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/mas/abituriyent>

³ «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18–25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/home_family/molodezh/press_r140410np

⁴ Молодежь новой России: ценностные приоритеты. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_0.html

ка, трудоустройство молодежи и показатели безработицы (Барахоева, Батыгова, 2021). В коллективной монографии ученых из Московского педагогического государственного университета представлен анализ социального портрета молодежи сквозь призму особенностей информационного общества. В работе рассматривается цифровая грамотность молодого поколения, особенности профессионального самоопределения школьников и занятость студентов на рынке труда (Социальный портрет молодого..., 2023).

Достаточно разработанными в современной науке являются исследования о формировании социальных портретов студентов. Я. В. Скворцова и Е. Ю. Холдеева при рассмотрении социального портрета студента Иркутского национального исследовательского технического университета анализируют такие компоненты, как самооценка личностных качеств обучающихся, профессиональное самоопределение, готовность к трудовой деятельности, отношение к общественным проблемам (Скворцова, Холдеева, 2018). При формировании типичного социально-психологического портрета студента А. Н. Грязнов, В. Ш. Масленникова и В. А. Боговарова исследуют материальное положение студентов, их социальное настроение, жизненные планы, социальную активность и формирование гуманистических ценностей (Грязнов, Масленникова, Боговарова, 2013). Д. В. Белинская, И. А. Задонская и В. Ф. Томилин (2014) при изучении социального портрета современного студента регионального вуза включали в анализ такие категории, как отношение к учебе, готовность к обсуждению социально-значимых проблем, отношение к ЗОЖ, особенности девиантного поведения, проведение досуга, готовность к трудовой деятельности, а также личностные характеристики студентов.

В совместной работе ученых из Южного федерального университета и Сочинского государственного университета была предпринята попытка определить теоретико-методологическую базу для проектирования комплексного социологического портрета участников образовательного процесса, в частности абитуриентов, студентов и выпускников СПО. Исследователи предлагают три основных методологических подхода, с помощью принципов и основных положений которых становится возможным составление социологического портрета обучающегося.

Первый, ресурсный подход рассматривает институт образования как основу для социальной стратификации и позволяет проанализировать карьерные и образовательные стратегии человека в разрезе социального статуса, культурного капитала и трудового потенциала семьи. Второй подход — ценностно-мотивационный. Это направление содержит изучение роли ценностных ориентаций обучающихся и их мотивационных особенностей в профессиональном образовательном выборе. Третий (функциональный) концепт рассматривает исследуемую молодежь с точки зрения занимаемых структурных позиций, вследствие чего приобретается социальный статус и соответствующие социальные роли (Тарасенко и др., 2017).

Таким образом, проанализировав предложенные различными учеными компоненты формирования социального портрета среди молодежи, в том чис-

ле обучающихся образовательных организаций, можем выявить характерные и типичные для данной группы критерии. Так, основными характеристиками для описания молодежной группы являются особенности трудового поведения (в том числе профессиональное самоопределение и выбор образовательной стратегии), ценностные ориентации и жизненные мотивы в контексте информационного общества, политические взгляды, а также личностные характеристики. В нашем исследовании мы рассматривали социальный портрет студенческой молодежи в контексте ее профессионального самоопределения.

Материалы и методы исследования

Исследование особенностей профессионального самоопределения студентов проводилось на базе Вологодского государственного университета (далее — ВоГУ). Вологодский университет образован в 2014 г. путем переименования Вологодского государственного технического университета (ВоГТУ), к которому ранее был присоединен Вологодский государственный педагогический университет (ВГПУ). Всего в состав вуза входят семь учебных подразделений (Инженерно-строительный институт, Институт социальных и гуманитарных наук, Институт математики, естественных и компьютерных наук, Институт машиностроения, энергетики и транспорта, Институт педагогики, психологии и физического воспитания, Институт управления, экономики и юриспруденции и Университетский колледж).

Эмпирической базой исследования выступил социологический опрос, проведенный в 2022 г. среди студентов-первокурсников ВоГУ. Выборка составила 277 чел. и формировалась по полу и институту обучения.

Дополнительный метод исследования — глубинное интервью с директорами учебных подразделений ВоГУ и представителями профессорско-преподавательского состава. Выборочная совокупность составила 20 экспертов. Интервью подверглись транскрипции, затем по смысловому контексту выбирались высказывания, касающиеся проблемы исследования. В результате для достижения цели исследования были отобраны мнения только двух экспертов: директора института социальных и гуманитарных наук и директора института математики, естественных и компьютерных наук. Данные эксперты представляют референтную группу для определения основных позиций исследования и отношения к изучаемой проблеме. Они являются директорами институтов, реализующих основные направления подготовки университета: социально-гуманитарные, технические, педагогические и естественно-научные.

На наш взгляд, результаты исследования, проведенного в 2022 г., являются актуальными и для настоящего времени. Так, за последние несколько лет, в связи с неизменяемой профориентационной политикой университета, контингент студентов изменяется лишь в количественном, но не в качественном составе. Таким образом, полученные выводы можно проецировать на последующие годы деятельности приемных кампаний или использовать для сравнительного анализа результатов будущих лет.

Результаты социологического исследования

Распределение студентов по институтам обучения представлено в таблице 1. В целом студенты первого курса в гендерном разрезе представлены поровну: 50% женщин и 50% мужчин. Необходимо отметить, что институт социальных и гуманитарных наук (ИСиГН) и институт педагогики, психологии и физического воспитания (ИППиФВ) представлены социальными, гуманитарными и педагогическими направлениями подготовки. Из таблицы видно, что в данных институтах преобладает женский контингент студентов. С другой стороны, инженерно-строительный институт (ИСИ) и институт машиностроения, энергетики и транспорта (ИМЭиТ) представлены техническими направлениями. В этих институтах большую часть составляют студенты мужского пола.

Институт математики, естественных и компьютерных наук (ИМЕиКН) реализует как технические направления подготовки, так и педагогические, поэтому разницы в долевом распределении студентов по полу практически нет. Примечательно, что в институте управления, экономики и юриспруденции (ИУЭиЮ) распределение студентов по полу также практически равное. Таким образом, можно сделать вывод, что данные профили являются интересными и актуальными для всех школьников и абитуриентов.

Таблица 1

Table 1

Распределение студентов ВоГУ в гендерном разрезе по институтам, %

Distribution of VSU students of different genders by institutes, %

Пол	ИСИ	ИСиГН	ИМЕиКН	ИМЭиТ	ИППиФВ	ИУЭиЮ
Мужской	58,0	20,5	52,7	89,5	17,2	47,8
Женский	42,0	79,5	47,3	10,5	82,8	52,2

При обсуждении вопроса о характеристиках студентов ВоГУ эксперты обозначили ряд важных моментов. Так, было отмечено, что в зависимости от направления подготовки обучающиеся действительно различаются поведением, хобби, целями и мотивами. Студенты гуманитарных направлений, в основном девушки, более открытые в выражении своих мыслей, целеустремленные. Представители технических направлений, в основном юноши, спокойные, но не пассивные. По мнению директоров, студент ВоГУ «*Открыто декларирует то, что он разделяет ценности ВоГУ, он здесь учится, носит корпоративные футболки, участвует в мероприятиях, пишет в социальных сетях о том, что он студент ВоГУ, поддерживает проекты, которые бывают в университете. Может быть, все-таки не всегда он может учиться очень хорошо и получать какие-то высокие образовательные результаты, но все-таки стремится быть очень заметным на уровне университета и на уровне города. Студент ВоГУ — это не круглый отличник,*

это активист, у которого «3» и «4», но у которого гражданская позиция» (Директор института, ж.).

Далее был проведен анализ взаимосвязи между планируемым для поступления направлением подготовки и выбранным в итоге профилем обучения. Данные показали, что меньше всего студенты планировали поступать на социальное и гуманитарное направления, такие как «Педагогическое образование» и «Социальная работа». С другой стороны, более целенаправленно поступление осуществлялось на технические направления подготовки, такие как «Информационные системы и технологии», «Архитектура» и «Строительство».

Влияние места жительства на выбор направления и профиля подготовки представлено в таблице 2. Основной целевой аудиторией ВоГУ являются жители Вологодской области, причем в большинстве случаев это г. Вологда и районы Вологодской области. Школьники из Череповца реже поступают в Вологду в связи с наличием в самом Череповце высшего учебного заведения.

Так, основными направлениями подготовки, которые привлекают абитуриентов из Череповца поступать в ВоГУ, являются педагогическое направление, «Строительство» и «Архитектура». Выбор педагогического профиля обусловлен тем, что в Череповецком государственном университете педагогическое образование не является приоритетным для вуза, а выбор строительного и архитектурного профиля обучения определен наличием бюджетных мест на данные направления подготовки.

Как показало исследование, вологодские школьники предпочитают гуманитарные специальности, такие как педагогическое образование, юриспруденция, экономика и управление. Примечательно, что респонденты, представляющие другие регионы России и страны зарубежья, выбирают технические направления подготовки.

Выявлена особенность профессионального самоопределения первокурсников: гуманитарные направления больше представлены городскими школьниками, а технические — школьниками из районов области или из других регионов страны. По мнению директоров институтов, это обусловлено тем, что «когда родители издалека посыпают детей учиться, они часто хотят, чтобы дети получили высокооплачиваемую профессию и дающую какое-то ремесло» (Директор института, ж.).

Эксперты подтвердили, что основная целевая группа университета — это школьники Вологодской области и соседних с ней регионов: Архангельской области, Республики Коми. Нужно сказать, что из-за наличия в Вологодской области не только вологодского, но и крупного череповецкого вуза школьники региона «разделились» на две стороны: обучающиеся восточных районов области чаще поступают в Вологду, а западных — в Череповец. Директора также отметили, что произошли изменения в профориентационной политике вуза, позволившие привлечь абитуриентов и из западных районов, таких, например, как Чагодощенский: «Если говорить о географии внутри области, то вот впервые у нас, например, Чагодощенский район. Потому что западные районы, прежде всего Чагодощенский, не имели высшего образования» (Директор института, ж.).

годошенский, не рассматривали обычно вузы области как основные вузы для своего поступления. Точно так же с другой частью: Грязовецкий район, где абитуриенты тоже рассматривают в основном Ярославль и Москву для поступления. Но в этом году изменения профориентационной политики позволили привлечь абитуриентов из этих районов области. А так традиционно наши районы северные и северно-восточные — это Верховажский, Тотемский, Великоустюгский, Никольский, Сямженский, Сокольский районы. Восточные районы поступают чаще к нам, западные — чаще в Череповец» (Директор института, м.). Также было отмечено, что несколько лет назад начало появляться большое количество иностранных студентов, но сейчас их число начнет снижаться.

Таблица 2

Table 2

Распределение студентов разных направлений подготовки по месту жительства, %

Distribution of students of different fields of study by place of residence, %

Направления подготовки	г. Вологда	Другие субъекты РФ, страны ближнего зарубежья	Районы Вологодской области	г. Череповец
Педагогическое образование	30,7	18,2	39,5	14,3
Строительство, архитектура	17,3	27,3	15,2	42,9
Математика, прикладная математика	8,7	00,0	4,0	00,0
Экология, химия	0,8	4,6	3,0	00,0
Информационные системы и технологии	13,4	9,1	4,0	00,0
Электроэнергетика и электротехника	6,3	6,8	11,1	00,0
Юриспруденция, экономика и управление	7,9	2,3	11,1	14,3
Социальная работа	5,5	2,3	3,0	00,0
Другие направления	9,4	29,4	9,1	28,5

Интересно было посмотреть, зависит ли выбор образовательного учреждения (в частности ВоГУ) от места жительства. Исследование показало, что приоритет выбора ВоГУ преобладает у школьников районов Вологодской области. Примечательно, что школьники г. Вологды в меньшей степени выбирают ВоГУ

для дальнейшего обучения. Вероятно, это связано с желанием вологжан уехать работать и учиться в другие города.

В таблице 3 представлены факторы, стимулировавшие иногородних студентов приехать в Вологодскую область. Самый распространенный фактор, повлиявший на выбор ВоГУ у студентов, — это желание учиться в другом регионе. У абитуриентов из Архангельской области самым распространенным является насыщенная культурно-развлекательная деятельность и внеучебная жизнь вуза. Опрошенные студенты из различных регионов России отмечают хорошую возможность трудоустройства в Вологодской области и насыщенную культурно-развлекательную деятельность и внеучебную жизнь ВоГУ. Респонденты в равной степени отмечают также важность архитектурно-исторического наследия Вологды и хорошую экологию города.

Таблица 3

Table 3

Распределение студентов различных регионов по факторам, повлиявшим на выбор Вологодской области, %

The distribution of students from different regions according to the factors that influenced the choice of the Vologda Oblast, %

Факторы	Архангельская область	Зарубежье	Регионы России
Желание учиться в другом регионе	43,8	28,6	66,7
Насыщенная культурно-развлекательная деятельность и внеучебная жизнь	43,8	42,9	19,0
Наличие большой сети спортивных организаций (ФОК, стадионы, бассейны и др.)	12,5	14,3	19,0
Развитая инфраструктура города Вологды	25,0	00,0	14,3
Хорошая экология	00,0	14,3	14,3
Возможности трудоустройства в Вологодской области	6,3	71,4	23,8
Архитектурно-историческое наследие	18,8	14,3	23,8

Директора назвали главным мотивом учебы в другом регионе возможность уехать от родителей и жить самостоятельно. Было отмечено и географическое преимущество г. Вологды: «Мы небольшой город, в центре у нас малоэтажная застройка, город достаточно тихий, пробок в нем по сравнению с другими большими городами намного меньше и можно жить и учиться в центре. Москва рядом,

ходят поезда, летают самолеты, т.е. в этом плане Вологда расположена очень удачно. Гораздо удобнее, чем Томск, который привлекает большое количество абитуриентов. Большой фонд общеобразовательных возможностей неплохо устроиться после окончания университета в Вологде, потому что рынок рабочей силы у нас все-таки не заполнен, т.е. потребность в рабочих кадрах есть. Еще возможность дальнейшее здесь приобрести жилье, так как мы не мегаполис, в котором жилье очень дорогое» (Директор института, м.).

Обратимся к факторам, которые повлияли на студента при выборе профиля обучения. Рейтинг факторов представлен на рисунке 1. Детерминирующим фактором в профессиональном самоопределении опрошенных оказались личные интересы и способности (64%). Почти треть студентов (29%) отметили важность наставлений членов семьи и возможность получить качественное образование. Четверть обучающихся отметили хорошую возможность поступить на бюджетные места.

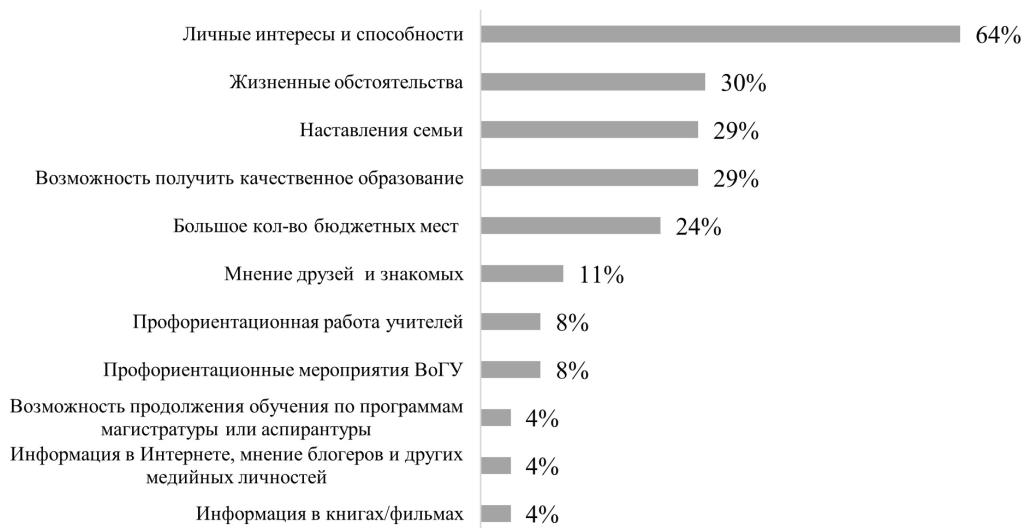

Рисунок 1 — Рейтинг факторов, повлиявших на выбор абитуриентами профиля обучения, %.

Figure 1 — Rating of the factors that influenced the choice of the study profile by applicants, %.

Вопрос о факторах, которые повлияли на выбор студентами профиля обучения, обсуждался с экспертами. Как показал опрос, главными факторами остаются личные интересы и способности школьника. При этом специалисты отмечают, что современный абитуриент имеет свои отличительные мотивы. Так, для него более значимы нематериальные мотивы, чем престиж профессии или уровень заработной платы, он может открыто выражать свое мнение и обозначать позицию. С другой стороны, современный абитуриент стал более интересоваться процессом обучения: «Возможно, что в последние годы абитуриенты стали более разборчивыми, стали интересоваться учебными планами, возможностями трудоустройства» (Директор института, м.). «Они, наверное, отличаются большей

ориентированностью на нематериальные ценности, это если сравнить их с тем, что было 10 и более лет назад. Для наших абитуриентов вот эти вещи важны, и они, в общем-то, не стесняются об этом говорить и, собственно, идут к нам на гуманитарные профили, ожидая именно этого» (Директор института, ж.).

Несмотря на низкий показатель влияния профориентационной работы учителей и мероприятий ВоГУ на выбор абитуриента, директора институтов отметили, что проводимые общеуниверситетские мероприятия оказывают влияние на профессиональное самоопределение студента. Речь здесь идет о тех профильных мероприятиях, которые организуют институты. В этом случае главной целью мероприятия становится знакомство школьника с будущей профессией, ее особенностями и спецификой. Однако таких мероприятий в вузе немного. Большинство из них направлено на знакомство абитуриента с университетом в целом. Поэтому в большинстве случаев абитуриент поступает целенаправленно в вуз, но не на определенный профиль. Из-за этого часть первокурсников отчисляется с первого курса обучения и поступает заново на другие направления подготовки или даже в другой вуз.

В дальнейшем были рассмотрены особенности выбора образовательного учреждения. На рисунке 2 представлен рейтинг факторов, которые повлияли на выбор ВоГУ студентами.

Основным показателем, на который смотрят абитуриенты при поступлении в тот или иной вуз, оказалось наличие бюджетных мест (63%). Данный высокий показатель подтверждают следующие данные: на 2022–2023 учебный год 1041 бюджетное место. Из них выделено на направления бакалавриата и специалитета 782 места.

Больше половины опрошенных первокурсников также назвали влияющим фактором близость к основному месту жительства и наличие интересующих абитуриентов направлений подготовки. Примечательно, что данные мотивы являются личными запросами человека. Если обратиться к условиям, которые зависят от образовательного учреждения, то можно отметить возможность получения качественного образования и возможность трудоустроиться после окончания обучения. Данные мотивы отметили треть всех респондентов.

Далее был проведен анализ ответов первокурсников о том, когда они определились с выбором вуза. Результаты представлены на рисунке 3.

В 2022 г. доля студентов, которые определились летом, в период поступления и работы приемных комиссий образовательных организаций, составила 43%. Треть студентов отметили, что сделали выбор в 11-м классе.

Кроме организации первостепенных мероприятий одним из плюсов в работе за 2021–2022 учебный год стало усиление работы с выпускниками среднего профессионального образования (далее — СПО). Вследствие чего в 2022 г., по сравнению с предыдущими годами, увеличилось количество первокурсников, поступивших после колледжей и техникумов.

Необходимо было узнать, повлияла ли профориентационная работа вуза на выбор Вологодского государственного университета абитуриентами. В 2022 г. главными профориентационными мероприятиями были интенсив «Студент на Weekend» и мероприятие «Студень». Эти мероприятия ВоГУ посетили 1/5 всех

опрошенных первокурсников. Результаты показали, что 2/3 респондентов отметили эффективность проводимых мероприятий.

В данном исследовании респондентам представилась возможность оценить эффективность работы и помощи тьютора по 10-балльной шкале. Средняя оценка работы тьюторской службы составила 8,5 балла.

Рисунок 2 — Рейтинг факторов, повлиявших на выбор вуза абитуриентами, %.

Figure 2 — Rating of factors that influenced the choice of the university by applicants, %.

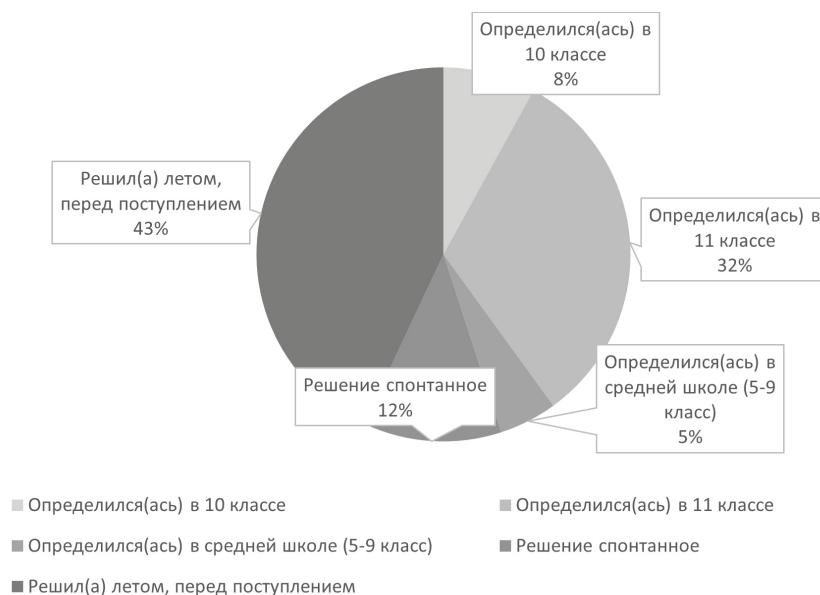

Рисунок 3 — Распределение ответов респондентов по выбору образовательного учреждения, %.

Figure 3 — Distribution of respondents' answers according to the choice of educational institution, %.

Таким образом, на основании анализа особенностей профессионального самоопределения первокурсников ВоГУ выявлен социальный портрет студента университета, результаты которого мы можем проецировать на описание целевой аудитории вуза. Благодаря тому, что вуз реализует как технические, так и социально-гуманитарные направления подготовки, в равной степени это может быть выпускник как женского, так и мужского пола. При этом девушки предпочитают гуманитарные профили, а мужчины — технические. География обучающихся сводится в большей степени к районам Вологодской области, в частности северным и северо-восточным. Причем разницы в преобладании сельских или городских школьников не наблюдается.

Основными мотивами для выбора профиля обучения являются личные качества и способности. Значительную роль играет семья и семейные наставления. Выбор образовательного учреждения в большей степени происходит благодаря наличию бюджетных мест и возможности уехать недалеко от родительского дома.

Потенциальный студент знает о проводимых вузом профориентационных мероприятиях, однако с большей вероятностью он не будет принимать в них участия. Таким образом, данные мероприятия не окажут большого значения на его профессиональный выбор, который произойдет летом, перед поступлением, благодаря набранным баллам ЕГЭ или наставлениям родителей.

Заключение

На основе выявленных особенностей профессионального самоопределения студентов можем сделать некоторые предложения, касающиеся профориентационной политики университета, связанные с проводимыми мероприятиями.

Так, например, основными мероприятиями в приемной кампании ВоГУ являются выходы с профагитацией в школы. В большинстве случаев они осуществляются преподавателями вуза. Минус данного мероприятия, по мнению экспертов, заключается в том, что *«в пределах Вологды все институты ходили во все школы друг за другом иногда в одни и те же классы, некоторые по три раза приходили»* (Директор института, ж.). Поэтому одним из решений будет «переход от количества к качеству» и ограничение количества преподавателей, которые могут осуществлять профориентационную работу, тем самым ограничивая процесс дублирования информации. Таким образом, можно осуществлять непосредственный отбор желающих и в дальнейшем проводить обучение о том, какую информацию и в каком виде должен представить абитуриентам выступающий преподаватель.

Важным положительным изменением в приемной кампании университета будет привлечение к профориентационной деятельности студентов и представителей работодателей. Например, важно, что не только преподаватели и директора доносят информацию до абитуриентов, но и студенты: *«Это огромный плюс — в неформальной обстановке общаться со студентами, которые ненамного старше самих абитуриентов. Они (студенты) могут на простом доступном языке доставить информацию до школьников»* (Директор института, м.).

Для повышения эффективности профориентации необходимо внедрять новые методы взаимодействия со школьниками, в том числе интерактивные (Дрянных, Лаврентьева, Ракова, 2024). В контексте актуальности развития STEM сферы необходимо также делать упор на развитие компетенций в области технических и естественно-научных дисциплин, в том числе у обучающихся женского пола (Филькина, Клевцов, 2024).

Кроме того, необходимо расширить сроки взаимодействия с абитуриентами. Так, сейчас в большинстве случаев приемная кампания вуза начинается во втором семестре учебного года. По мнению экспертов, заниматься профориентационной деятельностью необходимо с начала учебного года, пока школьники не определились с выбором ЕГЭ. Было также отмечено, что необходимо расширить и целевую аудиторию — с 10–11-х классов до 8–9-х.

Еще одно предложение — расширение географии взаимодействия с абитуриентами. Сейчас основной целевой аудиторией университета являются школьники Вологодской области. Однако, как отмечают эксперты, благодаря удобному географическому расположению Вологодской области можно привлекать абитуриентов и из других регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс, 1992. 608 с.
- Барахоева Л. Р., Батыгова М. З. Социально-психологический портрет и проблемы современной российской молодежи // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2021. № 2. С. 140–149.
- Белинская Д. В., Задонская И. А., Томилин В. Ф. Социальный портрет современного студента (на примере студентов ТГУ имени Г. Р. Державина) // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 7. С. 76–85.
- Братцева О. А., Козырева Т. В., Пейколайнен А. В. Социальный портрет беременной женщины как инструмент для социальной работы (на примере Ханты-Мансийска) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 10. С. 37–43. DOI 10.24158/tipor.2022.10.4. EDN FPFQYN.
- Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
- Гайдай М. К., Кадырова Ч. А. Понятие «социальный облик» и «социальный портрет» в контексте исследования личности сотрудника органов внутренних дел // Философия права. 2022. № 2. С. 153–156.
- Грязнов А. Н., Масленникова В. Ш., Боговарова В. А. Социально-психологический портрет студента // Казанский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 160–167.
- Дрянных Н. В., Лаврентьева А. А., Ракова С. С. Профориентационные игровые технологии в профессиональном самоопределении старшеклассников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 1. С. 170–178.
- Ермолаева П. О., Носкова Е. П., Зайнуллина М. Р., Купцова А. И., Нагимова А. М. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань : Артифакт, 2014. 92 с.

Есина Т. А. Социальное портретирование как метод изучения читателей библиотек : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010.

Желнина Е. В., Добринина А. В. Социальный портрет современного отца // Карельский научный журнал. 2020. № 3. С. 74–78.

Захарова М. А., Чусовлянова С. В. Социальный портрет посетителя центра здоровья // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2. С. 30–33. DOI 10.24412/2500-1000-2021-12-2-30-33. EDN CPRKOF.

Леонидова, Г. В. Социально-демографический портрет успешного работника (на материалах социологического опроса) // Социальное пространство. 2022. Т. 8, № 2. DOI 10.15838/sa.2022.2.34.4. EDN LMMHKR.

Манахова И. А. Макс Вебер об университете, науке, образовании в контексте теории «Идеальных типов» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2004. № 1. С. 39–41.

Сиюхова А. М., Куева Э. М. Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2021. № 3. С. 248–253.

Скворцова Я. В., Холдеева Е. Ю. Социальный портрет современного студента (на примере студентов Иркутского национального исследовательского технического университета) // Молодежный вестник ИрГТУ. 2018. № 3. С. 198–201.

Согомонов А. Ю. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х // Социологический журнал. 1994. №1. С. 182–185.

Социальный портрет мастера производственного обучения / под науч. ред. Т. В. Пермяковой, В. А. Копнова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 129 с.

Социальный портрет молодого поколения в информационном обществе знаний / под ред. С. Ю. Иванова и Е. Н. Юдиной. 2-е изд., перераб. М. : МПГУ, 2023. 280 с. DOI: 10.31862/9785426312302

Тарасенко Л. В., Панфилова Ю. С., Романова Г. М., Украинцева И. И., Романов М. С. Комплексный социологический портрет абитуриентов, студентов и выпускников системы среднего профессионального образования: теоретико-методологические основания исследования // Инженерный вестник Дона. 2017. № 4. С. 1–15.

Филькина А. В., Клевцов Д. С. Оценка эффективности мероприятий по вовлечению школьников в науку (STEM) в контексте концепции вовлеченности и мотивационных теорий: обзор исследовательских стратегий // Социологический журнал. 2024. № 30. С. 76–97.

Ilisin V., Potocnic D. A Sociological portrait of contemporary Croatian youth // Ser. Hist. social. 2009. No. 1. P. 41–56.

Holley D., Oliver M. Student engagement and blended learning: Portraits of risk // Computers & Education. 2009. doi:10.1016/j.compedu.2009.08.035

Kuliesis G., Paregiene L. The development of rural residents social portrait in 2001–2011 // Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development. 2015. Vol. 37, no. 2. P. 231–240.

Watson D., Kenny O., McGinnity F. A Social Portrait of Travellers in Ireland. Dublin : The Economic and Social Research Institute, 2017. 94 p.

Watson D., Nolan B. A social portrait of people with disabilities in Ireland. Dublin: The Economic and Social Research Institute, 2011. 81 p.

REFERENCES

- Aron, R. (1992). *Stages of the development of sociological thought*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Barakhoeva, L. R., & Batygova M. Z. (2021). Socio-psychological portrait and problems of modern Russian youth. *Vestnik Ingushskogo NII gumanitarnykh nauk im. C.E. Ahrieva*, 2, 140–149. (In Russ.).
- Belinskaya, D. V., Zadonskaya, I. A., & Tomilin, V. F. (2014). Social portrait of the modern student (on the example of students of Tambov state university named after g.R. Derzhavin). *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*, 7, 76–85. (In Russ.).
- Bratseva, O. A., Kozyreva, T. V., & Peikolainen, A. V. (2022). Social Portrait of a Pregnant Woman as a Tool for Social Work (On the Example of the City of Khanty-Mansiysk). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 10, 37–43. DOI 10.24158/tipor.2022.10.4. EDN FPFQYN. (In Russ.).
- Veber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Gaidai, M. K., & Kadyrova, C. A. (2022). The concept of «social appearance» and «social portrait» in the context of the study of the personality of an employee of the internal affairs bodies. *Filosofiya prava*, 2, 153–156. (In Russ.).
- Gryaznov, A. N., Maslennikova, V. S., & Bogovarova, V. A. (2013). Socio-psychological portrait of a student. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3, 160–167. (In Russ.).
- Dryanniykh, N. V., Lavrent'eva, A. A., & Rakova, S. S. (2024). Career guidance gaming technologies in professional self-determination of high. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 170–178. (In Russ.).
- Ermolaeva, P. O., Noskova, E. P., Zainullina, M. R., Kupcova, A. I., & Nagimova, A. M. (2014). *Social portrait of the population: methodology, main characteristics*. Kazan : Ar-tifakt. (In Russ.).
- Esina, T. A. (2010). *Social portraiture as a method of studying library readers* (PhD thesis). Moscow. (In Russ.).
- Zhelnina, E. V., & Dobrynina, A. V. (2020). Social portrait of a modern father. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*, 3, 74–78. (In Russ.).
- Zakharova, M. A., & Chusovlyanova, S. V. (2021). Social portrait of a visitor to the health center. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 12-2, 30–33. № 12-2. C. 30–33. DOI 10.24412/2500-1000-2021-12-2-30-33. EDN CPRKOF. (In Russ.).

- Leonidova, G.V. (2022). Socio-Demographic Portrait of a Successful Employee (Case Study of Sociological Survey). *Social'noe prostranstvo*, 8(2). DOI 10.15838/sa.2022.2.34.4. — EDN LMMHKR. (In Russ.).
- Manahova, I. A. (2004). Max Weber on university, science, and education in the context of the theory of «Ideal types». *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta*, 1, 39–41. (In Russ.).
- Siiukhova, A. M., & Kueva, E. M. (2021). Interpretation of M. Weber's theory of ideal types in application to empirical sociological research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya*, 3, 248–253. (In Russ.).
- Skvortsova, Ya.V., & Kholdeyeva, E.Yu. (2018). Social portrait of modern students (in the case of students of Irkutsk national research technical university). *Molodezhnyj vestnik IrGTU*, 3, 198–201. (In Russ.).
- Sogomonov, A. Yu. (1994). The Soviet common man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 1, 182–185. (In Russ.).
- Permyakova, T. V., Kopnov, V. A. (Eds.). (2015). *Social portrait of the master of industrial training*. Ekaterinburg : Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet. (In Russ.).
- Ivanov, S. Yu., Yudina, E. N. (Eds.) (2023). *Social portrait of the younger generation in the Information Society of Knowledge*. Moscow : MPGU. DOI: 10.31862/9785426312302 (In Russ.).
- Tarasenko, L. V., Panfilova, Yu. S., Romanova, G. M., Ukrainceva, I. I., & Romanov, M. S. (2017). Comprehensive sociological portrait of applicants, students and graduates of the secondary vocational education system: theoretical and methodological foundations of the study. *Inzhenernyj vestnik Doma*, 4, 1–15. (In Russ.).
- Filkina, A. V., & Klevtsov, D. S. (2024). Evaluating the Effectiveness of Engaging School Children in Science (STEM) in the Context of Engagement and Motivational Theories: A Review of Research Strategies. *Sociologicheskiy zhurnal*, 30, 76–97. (In Russ.).
- Ilisin, V., & Potocnic, D. A (2009). Sociological portrait of contemporary Croatian youth. *Ser. Hist. social*, 1, 41–56.
- Holley, D., Oliver, M. (2009). Student engagement and blended learning: Portraits of risk. *Computers & Education*. doi:10.1016/j.compedu.2009.08.035
- Kuliesis, G., & Pareigiene, L. (2015). The development of rural residents social portrait in 2001–2011. *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*, 37(2), 231–240.
- Watson, D., Kenny, O., & McGinnity, F. (2017). *A Social Portrait of Travellers in Ireland*. Dublin : The Economic and Social Research Institute.
- Watson, D., & Nolan, B. (2011). *A social portrait of people with disabilities in Ireland*. Dublin : The Economic and Social Research Institute.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алена Алексеевна Корзина — младший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, г. Вологда, Россия.

Alena A. Korzina — Junior Researcher at the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025;

принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 24.12.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 27.01.2025.

ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-11

Разделение родительского труда в китайских семьях: методические подходы к социологическому изучению

Вэньюэ Чжэнь

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, wenyuezhen@126.com

Аннотация. В условиях динамичной демографической политики в Китайской Народной Республике, сопровождающейся активным стимулированием рождаемости, трансформацией института семьи и продолжающимся снижением уровня рождаемости, родительский труд и его субъекты сталкиваются с новыми вызовами. Это касается, в частности, внутрисемейного разделения труда, основанного на традиционной модели гендерного разделения. В статье с помощью теоретического анализа, основанного на теории обмена, концепциях социальной солидарности, гендерных различий, родительского труда, китайских эмпирических исследований родительства, выделены факторы, влияющие на внутрисемейное разделение родительского труда на мезо- и микроуровнях: семейная структура, идентификация субъектов родительского труда, его содержание, отношение к родительскому труду и его результаты. На этой основе разработана система индикаторов, которая создает основу для эмпирического изучения внутрисемейного разделения родительского труда.

Для цитирования: Чжэнь В. Разделение родительского труда в китайских семьях: методические подходы к социологическому изучению // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 171–179. doi: 10.14258/ssi(2025)1-11.

Division of Parental Labor in Chinese Families: Methodological Approaches to Sociological Study

Wenyue Zhen

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,
wenyuezhen@126.com

Abstract. In the context of the dynamic demographic policy in the People's Republic of China, accompanied by active stimulation of the birth rate, transformations of the family institution and the continuing decline in the birth rate, parental labor and its subjects face new challenges. This applies, in particular, to the intra-family division of labor based on the traditional model of gender division. Based on a theoretical analysis based on the theory of exchange, concepts of social solidarity, gender differences, parental labor, and Chinese empirical studies of parenthood, the article highlights the factors influencing the intra-family division of parental labor at the meso- and micro-levels — family structure, identification of subjects of parental labor, its content, attitude to parental labor and its results. On this basis, a system of empirical indicators has been developed, which creates the basis for an empirical study of the intra-family division of parental labor.

Keywords: parental labor, parenthood, functions of parental labor, family, division of parental labor within the family

For citation: Zhen, W. (2025). Division of Parental Labor in Chinese Families: Methodological Approaches to Sociological Study. *Society and Security Insights*, 8(1), 171–179. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-11.

Введение

В последние годы в Китае в науке и социальной практике уделяется большое внимание проблемам ухода и воспитания детей. Отмечается, что родительство, и особенно материнство, имеет тенденцию к интенсификации (Ян Кэ, 2018; Чэнь Мэн, 2018). Это может быть связано с тем, что на протяжении длительного периода в стране реализовывалась политика «Одна семья — один ребенок». За это время дети заняли самое важное место в семье. По сравнению с многодетными семьями в прошлом, современные семьи вкладывают все ресурсы в этого единственного ребенка. Это приводит к тому, что современные дети в семье получают больше внимания и ресурсов в сравнении с детьми из многодетных семей в прошлом. В то же время современные китайские родители уделяют все больше внимания всестороннему развитию и воспитанию своих детей (Ли Шаньшань, Вэньцзюнь, 2021). Кроме того, растущее давление со стороны общества и стресс у современных людей также привнесли дополнительные трудности и сформировали новые требования к уходу за детьми и разделению родительского труда внутри китайских семей.

Актуальность исследования данной проблемы определяется целым рядом противоречий, существующих в китайском обществе. Во-первых, это связано с несовершенством ясельной системы в стране, с высокой востребованностью си-

стемы присмотра и ухода за детьми; во-вторых, с повышением потребностей женщин в развитии карьеры, их самореализации, с интенсификацией родительства; в-третьих, со снижением желания деторождения и реализации родительского труда у женщин, при этом — востребованностью со стороны общества и государства увеличения объемов человеческого капитала; в-четвертых, со стремлением женщин к гендерному равенству и реальностью несбалансированного разделения труда в родительстве.

В таком контексте важно понять, как происходит разделение родительского труда в семье и какие факторы могут на это влиять. Для теоретического осмысления проблемы разделения родительского труда мы провели анализ китайской и российской научной литературы по проблемам социологии семьи, рождаемости, родительского труда, а также рассмотрели те социологические теории среднего уровня, на которые можно опираться при изучении этого феномена.

Результаты и обсуждение

При изучении разделения труда в домашнем хозяйстве часто упоминается теория обмена. Некоторые ученые полагают, что в браке и семье существует предпосылка «рационального экономического человека», которая предполагает, что каждый человек стремится к наибольшему благу, и супруги в браке и семье это реализуют через обмен ценностями. Степень их экономической зависимости определяет их способность торговаться друг с другом на экономической основе (Bittman et al., 2003).

Это дает возможность объяснить некоторые формы поведения и результаты разделения труда. Такие проблемы, как дети-подкидыши, невыполнение родительских обязательств, показывают, что вступление в брак и выполнение родительского труда не всегда исходят из любви и являются чем-то безусловным, существует также и эгоизм. Это особенно актуально в современном обществе, в котором повсеместно деньги ставятся превыше всего.

Но в то же время, изучая домашнее хозяйство, ученые (Радаев, 2005: 330–349) отмечают, что выгода не является единственным объяснением такого поведения, здесь должны быть учтены содержание и направленность труда, сильная внутренняя сплоченность всех участников трудового процесса, и все это не сводится к простому экономическому обмену богатством.

В концепции социальной солидарности Э. Дюркгейм в работе «Разделение общественного труда» отметил, что современные общества являются органически солидарными, возникли в результате развития разделения труда и основаны на высокой степени взаимозависимости между людьми. Он также отметил, что непрерывное развитие свободы воли индивидов, вызванное эволюцией разделения труда, может привести к ослаблению коллективного сознания (Дюркгейм, 1996).

По мере ускорения процесса индустриализации и модернизации Китая, а также индивидуализации общества, хотя коллективное сознание и продолжает оказывать важное влияние на жизнь современных людей, но в то же время наблюдается рост индивидуализма и снижение уровня коллективного сознания

по сравнению с прошлым. Мы считаем, что эти изменения в индивидуальном и коллективном сознании влияют на многие аспекты жизни человека, в том числе на разделение труда в семье. В современном обществе в связи с изменением жизненных ситуаций может сложиться впечатление, что индивиды частично не согласны с изначальным коллективным сознанием по отношению к семье и воспитанию детей, но в то же время обусловлены и ограничены им. Такое противоречие и конфликт между индивидуальным и коллективным сознанием отражается и на семейной жизни человека, в том числе на разделении труда по уходу за детьми.

Мы предположили, что в семье также могут взаимодействовать и трансформировать друг друга сознание отдельного человека и семьи как малого коллектива. Признание и поддержание коллективного сознания членами семьи в этом случае способствует укреплению единства и сплоченности семьи. Однако чрезмерный акцент на коллективном сознании семьи и пренебрежение или излишнее подавление индивида могут привести к неспособности удовлетворить потребности и желания индивида, что снижает удовлетворенность семейной жизнью, делает индивида слишком зависимым от семьи в плане как отношений, так и ценностей, снижает самооценку и самоидентификацию. Чрезмерный акцент на индивиде и неограниченное удовлетворение личных потребностей и интересов может усилить внутренние конфликты и столкновения в семье, что приведет к ускорению ее распада.

Кроме того, одним из фокусов исследования разделения труда должны выступать гендерные различия. Согласно положениям социальных наук, возможным источником гендерных различий в плане поведения человека считается разное положение женщин и мужчин в социальной структуре. Выполняя разные социальные роли, они, соответствуя ролям, начинают различаться и психологически (Eagle, Wood, 1999). За различными ролями также скрывается набор ожиданий и социальных ограничений, накладываемых на эти роли, что, в свою очередь, усугубляется еще и гендерными различиями, вызывая неравенство разделения в родительском труде.

В рассуждениях российских ученых, работающих в русле концепции родительского труда, родительский труд определен как процесс сознательной, целесообразной деятельности, с помощью которой субъекты этого вида труда формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда общественные и личные потребности (Багирова и др., 2022: 13).

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что факторы, влияющие на разделение родительского труда, могут быть рассмотрены на двух уровнях:

1) мезоуровень — это трансформация института семьи, ролевые изменения, влияние гендерного разделения труда;

2) микроуровень — демографические характеристики субъекта, его идентификация, в том числе самовосприятие субъекта труда, уровень идентификации со своей ролью, субъективность, с которой он включается в работу, признание его

ценности, отношение к родительскому труду, в частности репродуктивная мотивация, ценностные представления и др.

Мы проанализировали целый ряд научных источников, в которых изучались эти факторы внутрисемейного разделения родительского труда. Наиболее часто среди них встречались исследования, связанные с отношением к родительскому труду и репродуктивной мотивацией. Так, например, изучалось влияние разных типов репродуктивной мотивации на репродуктивное поведение (Чэнь Тао, Ху Аньнин, 2020). Ученые разделили репродуктивные мотивы современных жителей Китая на индивидуалистические, которые сосредоточены на стремлении к личным эмоциональным ценностям, и фамилистические, которые подчеркивают развитие и продолжение семьи. Они выявили, что при первом — индивидуалистическом — типе мотивов репродуктивные установки более низкие, присутствует ориентация на вступление в брак в более позднем возрасте, в то время как при фамилистическом типе мотивов фиксируются более высокие репродуктивные установки и ориентация на брак в более раннем возрасте (Чэнь Тао, Ху Аньнин, 2020).

Другими исследователями отмечается трансформация репродуктивной мотивации от первых ко вторым рождениям в русле от «рождения детей для семьи и для себя» к «рождению детей ради детей» — родители надеются, что вторых детей будут сопровождать братья и сестры, чтобы у них были «компаньоны» (Фэн Сяотянь, 2018).

Также в литературе достаточно хорошо представлены результаты исследований идентификации субъектов родительского труда. Например, причиной особых нервных перегрузок, связанных с родительским трудом, для семей представителей среднего класса называется перспектива будущей классовой мобильности детей, необходимость вкладывать в их развитие все больше и больше ресурсов — не только материальных средств, но и все большего количества времени и энергии, высокой степени эмоциональной самоотдачи — все это предъявляет повышенные требования к матерям как основным воспитателям и влечет за собой последствия в виде ухудшения их психологического состояния (Чэнь Мэ, 2018).

Ряд исследований показывают, что повышение уровня образования женщин помогает снизить гендерное неравенство в разделении домашних работ, но, в отличие от этого, повышение уровня образования женщин может усугубить гендерное неравенство в разделении обязанностей по уходу за детьми (Сюй Ци, 2021).

Отметим, что мы обнаружили лишь небольшое число исследований на тему влияния структуры семьи на разделение родительского труда (Китайский детский центр, 2017) и взаимосвязи с этим его содержательных аспектов (Багирова, Абилова, 2013: 9; Багирова и др., 2022; Янь Доудоу, 2023).

На основании анализа китайской и российской научной литературы, посвященной родительству и родительскому труду, мы выделили ряд параметров, которые потенциально могут быть связаны с разделением родительского труда в китайских семьях. Они таковы: состав семьи, содержание родительского труда, идентификация субъектов родительского труда, отношение к родительскому труду и результаты родительского труда.

При этом для изучения разделения родительского труда внутри китайских семей нами разработана система эмпирических индикаторов, которая представлена в таблице.

**Система эмпирических показателей исследования
разделения родительского труда внутри семьи**

A system of empirical research on the division of parental labor within the family

Блоки эмпирических индикаторов	Задачи исследования	Эмпирические индикаторы
Семья	Описание структуры семьи	<ul style="list-style-type: none"> - размер семьи - тип семьи - количество детей - доход семьи
Идентификация субъектов	Выявление особенностей субъектов	<ul style="list-style-type: none"> - возраст - уровень образования - статус единственного ребенка в своей семье - доход
Содержание родительского труда	Выявление особенностей организации и распределение труда	<ul style="list-style-type: none"> - вид работы, выполняемой субъектами - способ разделения - время, потраченное на уход и воспитание детей субъектов - вклад субъектов в родительский труд
Отношение к выполнению родительского труда	Выявление возможных причин, мотивов, ценностных установок или социальных норм, по которым субъекты данного труда не занимаются, занимаются больше или меньше родительским трудом	<ul style="list-style-type: none"> - отношения по гендерным установкам - оценка важности составов личных ценностей - репродуктивная мотивация - оценка значения детей - сбалансированность родительского труда и работы
Результаты родительского труда	Оценка удовлетворенности разделения труда между субъектами и семейных отношений	<ul style="list-style-type: none"> - оценка удовлетворенности по разделению - оценка вклада других субъектов - оценка семейных отношений

Заключение

Наше исследование показало, что, несмотря на то что в российской литературе понятие и концепция родительского труда были введены достаточно давно, его изучение до сих пор было связано с исследованиями его субъектов, их самоидентификации и мотивации, активности и эффективности родительского труда, мотивов и условий для его реализации. Разделение родительского труда между его субъектами до сих пор не стало предметом отдельного изучения. Мы своим исследованием пытаемся восполнить этот пробел. Для этого на основе теоретического анализа было выделено пять параметров, которые потенциально оказывают влияние на особенности разделения родительского труда, — это состав семьи, содержание родительского труда, идентификация его субъектов, отношение к родительскому труду и его результаты.

Мы предполагаем, что на разделение труда влияют достаточно много факторов, не являющихся статичными. Они динамично развиваются и взаимодействуют друг с другом в процессе разделения труда в попытке достичь баланса. В семье рациональное разделение труда позволяет субъектам труда выполнять те работы, которые они умеют делать лучше. Разделение и взаимодействие, формирующиеся на основе индивидуальных различий, делают членов семьи взаимозависимыми и тесно связанными друг с другом, что способствует ее единству и сплоченности. Если в процессе разделения труда между различными его субъектами не удается сбалансировать потребности и требования с течением времени, это может привести к аномии, что, в свою очередь, будет препятствовать реализации родительского труда, здоровому развитию ребенка и разрушению семьи. Продолжение исследования предполагает проведение эмпирического исследования в китайских семьях, изучение складывающегося разделения родительского труда и факторов, влияющих на этот процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Багирова А. П., Абилова М. Г. Родительский труд и репродуктивная активность: социально-экономический анализ. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 78 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 432 с.

Праородительский труд как ресурс российской демографической политики: оценки, прогнозы, возможности реализации / А. П. Багирова, Н. Д. Бледнова, А. И. Ворошилова и др. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 210 с.

Радаев В. В. Экономическая социология. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 602 с.

Янь Доудоу. «Оставленные дети» как субъекты родительского труда в Китае: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2022.

Bittman, M., England, P., Sayer, L., Folbre, N., & Matheson, G. When does gender trump money? Bargaining and time in household work // American Journal of sociology. 2003. Vol. 109, no. 1. P. 186–214. <https://doi.org/10.1086/378341>.

Eagly, A. H., & Wood, W. The origins of sex differences in human behavior: Evolved dispositions versus social roles // American psychologist. 1999. Vol. 54, no. 6. P. 408–423. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.54.6.408>.

中国儿童中心.中国家庭教养中的父母角色—基于0-6岁儿童家庭现状的调查[M].北京:社会科学文献出版社,2017. = Китайский детский центр. Родительские роли в китайских семьях: анализ на основе исследования семей с детьми 0–6 лет. Пекин: Академическая пресса социальных наук, 2017. 402 с. (на кит. яз.).

李珊珊,文军.“密集型育儿”:当代家庭教养方式的转型实践及其反思[J].国家教育行政学院学报,2021(03):48-57. Ли Шаньшань, Вэньцзюнь. «Интенсивное родительство»: практика трансформации воспитания в современных семьях и ее осмыление // Вестник Национальной академии управления образованием. 2021. № 3. С. 48–57 (на кит. яз.).

许琪.女性受教育程度对育儿分工的影响——基于第三期中国妇女社会地位调查数据的实证研究[J].妇女研究论丛,2021(06):58-71. = Сюй Ци. Влияние уровня образования женщин на распределение обязанностей по уходу за детьми: эмпирическое исследование на основе третьего китайского опроса о положении женщин // Журнал женских исследований. 2021. № 6. С. 58–71 (на кит. яз.).

风笑天.给孩子一个伴:城市一孩育龄人群的二孩生育动机及其启示[J].江苏行政学院学报,2018(04):57-65. = Фэн Сяотянь. Дать ребенку партнера по росту: мотивация к рождению второго ребенка среди городских супружеских пар репродуктивного возраста с одним ребенком и ее вдохновение // Вестник Цзянуского административного института. 2018. № 4. С. 57–65 (на кит. яз.).

陈蒙.城市中产阶层女性的理想母职叙事——一项基于上海家庭的质性研究[J].妇女研究论丛,2018(02):55-66. = Чэнь Мэн. Понимание идеального материнства с точки зрения городских матерей среднего класса: исследование семей в Шанхае // Журнал женских исследований. 2018. № 2. С. 55–66 (на кит. яз.).

陈滔,胡安宁.个体主义还是家庭主义?——不同生育动机对生育行为的影响效应分析[J].江苏社会科学,2020(02):28-38. = Чэнь Тао, Ху Аньнин. Индивидуализм или фамилизм: анализ влияния различных репродуктивных мотиваций на репродуктивное поведение // Социальные науки Цзянсу. 2020. № 2. С. 28–38 (на кит. яз.).

杨可.母职的经纪人化——教育市场化背景下的母职变迁[J].妇女研究论丛, 2018(02):79-90. = Ян Кэ. Материнство как образовательный агент: изменения в материнстве в контексте рыночно-ориентированного образования // Журнал женских исследований. 2018. № 2. С. 79–90 (на кит. яз.).

REFERENCES

- Bagirova, A. P., Abilova, M. G. (2013). *Parental labor and reproductive activity: socio-economic analysis*. Chelyabinsk : Izdatelskij centr YuUrGU. (In Russ.).
- Diurkgejm, E. (1996). *The division of labour in society*. Moscow : Canon. (In Russ.).
- Bagirova, A. P., Blednova, N. D., Voroshilova, A. I., et al. (2022). *Ancestral labor as a resource for Russian demographic policy: assessments, forecasts, implementation possibilities*. Ekaterinburg : Izdatelstvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.).
- Radaev, V. V. (2008) *Economic sociology*. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShE. (In Russ.).

- Yan Doudou. (2022). *“Left-behind children” as subjects of parental labor in China: a sociological analysis*. (PhD thesis). Ekaterinburg. (In Russ.).
- Bittman, M., England, P., Sayer, L., Folbre, N., & Matheson, G. (2003). When does gender trump money? Bargaining and time in household work. *American Journal of sociology*, 109(1), 186–214. DOI: 10.1086/378341
- Eagly, A. H., & Wood, W. (1999). The origins of sex differences in human behavior: Evolved dispositions versus social roles. *American psychologist*, 54(6), 408. DOI: 10.1037/0003-066X.54.6.408
- China Children’s Center (2017). Parenting roles of Chinese families: based on the investigation of 0–6 years children’s families. *Social sciences academic press*. Beijing. (In Chinese).
- Li Shanshan, Wen Jun (2021). “Intensive parenting”: the transformation practice of contemporary parenting and its reflection. *Journal of National academy of education administration*, 3, 48–57. (In Chinese).
- Xu Qi (2021). The influence of women’s educational level on the division of childcare: an empirical study based on the third china survey on status of women. *Journal of Chinese women’s studies*, 6, 58–71. (In Chinese).
- Feng Xiaotian (2018). Giving a growth-mate to the child: fertility motivation to have a second child and its inspirations for urban couples with one child. *The Journal of Jiangsu administration institute*, 4, 57-65. (In Chinese).
- Chen Meng (2018). Understanding ideal motherhood from the perspective of urban middle-class mothers: a case study of families in Shanghai. *Journal of Chinese women’s studies*, 2, 55–66. (In Chinese).
- Chen Tao, Hu Anning (2020). Individualism or familiarism: analysis of the effects of different fertility motivations on fertility behavior. *Journal of Jiangsu social sciences*, 2, 28–38. (In Chinese).
- Yang Ke (2018). Motherhood as educational agent: changes in motherhood in the context of market-oriented education. *Journal of Chinese women’s studies*, 2, 79–90. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Вэньюэ Чжэнь — инженер-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия.

Wenyue Zhen — research engineer, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 30.01.2025
принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 22.01.2025;
approved after reviewing 30.01.2025;
accepted for publication 30.01.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 316.74

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-12

Виртуальная активность религиозных сообществ Республики Алтай в социальной сети «ВКонтакте» в условиях трансформации религиозности

Софья Александровна Малевко¹

Светлана Геннадьевна Максимова²

¹ РОСБИОТЕХ, Москва, Россия; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, malyavkosofya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2071-3953>

² РОСБИОТЕХ, Москва, Россия; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000000246134966>

Аннотация. На фоне новых тенденций в религиозности и расширения цифровизации общества актуализируется проблема взаимовлияния интернет-пространства и религии. Цель работы заключается в апробации процедуры анализа основных характеристик религиозных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» на примере Республики Алтай. В связи с тем, что контент виртуальных сообществ так или иначе отражает локальные интересы религиозной группы (прихода, церкви и т.д.), особое внимание уделяется наиболее популярным темам, их подаче, а также формам реакций на них. Выявлены отличия среди сообществ православного, старообрядческого, протестантского и буддистского направлений.

Ключевые слова: религия, религиозность, виртуализация, социальные сети

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ №24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Для цитирования: Малевко С. А., Максимова С. Г. Виртуальная активность религиозных сообществ Республики Алтай в социальной сети «ВКонтакте» в условиях трансформации религиозности // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 180–194. doi: 10.14258/ssi(2025)1-12.

Virtual Activities of Religious Communities of the Altai Republic in the Social Network “VKontakte” in the Conditions of the Transformation of Religiosity

Sofya A. Malyavko¹

Svetlana G. Maximova²

¹ROSBIOTECH, Moscow, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia, malyavkosofya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2071-3953>

²ROSBIOTECH, Moscow, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000000246134966>

Abstract. Against the background of new trends in religiosity and the expansion of digitalization of society, the problem of the mutual influence of the Internet space and religion is becoming more relevant. The purpose of the work is to test the procedure for analyzing the main characteristics of religious communities in the social network “VKontakte” using the example of the Altai Republic. Due to the fact that the content of virtual communities in one way or another reflects the local interests of a religious group (parish, church, etc.), special attention is paid to the most popular topics, their presentation, as well as the forms of reactions to them. Differences are revealed among communities of the Orthodox, Old Believer, Protestant and Buddhist directions.

Keywords: religion, religiosity, virtualization, social networks

Financial Support: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-48-03002. The title of the project «Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in conditions of post-secular reality».

For citation: Malyavko, S. A., Maximova, S. G. (2025). Virtual Activities of Religious Communities of the Altai Republic in the Social Network “VKontakte” in the Conditions of the Transformation of Religiosity. *Society and Security Insights*, 8(1), 180–194. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-12.

Введение

В современной России изучение религиозности и этноконфессиональной специфики актуально в силу поликонфессиональности региональных социумов при исторически обусловленном превалировании православия в большинстве регионов, не являющихся национально специфичными. Конфессиональная ситуация меняется, трансформируются и религиозные практики, что актуализирует изучение религиозности не только как внутренней стороны религии, но и внешней — взаимодействие церкви и государства, верующих и неверующих, религиозных общин и т.д.

По поводу изменений в характере религиозности граждан стоит обозначить два тезиса. Во-первых, возможность личного выбора религии, многовариантность трактовок идей и догматов, вера в рамках своих потребностей, субъективизация религии (Эрвье-Леже, 2015; Berger, 1974) и другие процессы ставят перед церковью новые вызовы, например объяснение, какими качествами и каким поведением должен обладать верующий человек, это также порой усложняет процесс приобщения к религиозной культуре. Во-вторых, миграционные и глобализационные процессы могут трансформировать понимание норм и постулатов религии в глазах как несведущих, так и опытных верующих (Сгибнева, 2017), такая фрагментарность ставит угрозу устойчивости религиозности. Поэтому и у церквей, и у общества возникает потребность в получении достоверной информации о вероучениях, о происходящих событиях и новостях, а также, конечно, у людей возникает необходимость быть сопричастным к какой-то группе.

Цифровое пространство является неотъемлемой частью современной жизни, что позволяет ученым разрабатывать концепт киберидентичности (Федорова, 2020). Проникновение в него религии также изменяет соотношение человека и его веры. Так, исследованиями подтверждается тезис: «религиозная коммуни-

кация в границах виртуального пространства активно подвергается влиянию этого пространства, вследствие чего трансформируется, воздействуя, в свою очередь, на религиозное поведение и культовые практики верующих» (Лопатинская, 2019: 127). При этом виртуальное пространство может как использоваться в качестве некоторого вспомогательного или сопутствующего инструмента, обеспечивающего коммуникацию с единоверцами или другим религиозным миром, информирование и иные функции, так и трансформироваться в религию, действия которой могут быть обеспечены использованием цифровых инструментов, в терминологии К. Хэлланда — «религия онлайн» и «онлайн-религия» соответственно (Helland, 2005).

Большую роль священнослужители отводят общению в виртуальном пространстве, так как оно побуждает от интереса и наблюдения за проповедями к приобщению к вере (Богданова, 2020). Потребляя религиозный контент, человек узнает, например, как правильно себя вести в церкви, выполнять ритуалы, общаться с верующими и церковнослужителями, таким образом, как бы психологически упрощая для себя «вход» в религию, которая становится для него менее недосягаемой и, наоборот, понятной. Вместе с тем интернет не только позволяет церквям расширять свое влияние и знакомить с религиозной культурой, но и таит в себе некоторую угрозу для подрыва знания из-за некорректной интерпретации, снижения авторитета религиозных лидеров, которые не могут противостоять критике (Белоруссова, 2021).

Исследователи этой проблемы, как правило, сосредоточиваются на соотношении онлайн- и онлайн-жизни общин (Душакова, 2020), использовании ИТ-технологий в религиозной жизни (Чеснова, 2021), доступности информации на официальных сайтах (Безнюк, Цыбульская, 2019) и в социальных сетях (Актамов, Бадмацыренов, Хандаров, 2018), проявлениях религиозного поведения (Актамов, Бадмацыренов, Доржиева, 2015), концептуализации религиозных практик в онлайн-пространстве и функционировании в условиях цифровизации (Иванов, 2018; Смирнов, 2019) и на иных аспектах.

Вместе с тем использование цифровых следов сообществ и их участников является перспективным инструментом для исследований, позволяет определить интенсивность групповой коммуникации, интерес и актуальность тем в сообществах благодаря анализу лайков, репостов, комментариев, просмотров и других реакций пользователей.

Методы исследования

В социологическом исследовании, проведенном в 2024 г. в регионах российско-монгольского приграничья, изучались виртуальные сообщества социальной сети «ВКонтакте». В статье представлен анализ сообществ Республики Алтай, относящихся к отдельным церквям, религиозным направлениям, религиозным организациям, приходам, общественным организациям, так как на предварительном этапе сбора информации было выявлено, что церквями используется преимущественно социальная сеть «ВКонтакте» и крайне редко — Telegram, «Од-

ноклассники» или сайт, что можно объяснить как большим количеством пользователей, так и более удобной и функциональной платформой.

Группы отбирались следующими способами: 1) поиск с использованием фильтрации крупных населенных пунктов Республики Алтай по ключевым словам: «церковь», «храм», «приход», «ислам», «буддизм», «вайшнавизм», «православие» и др.; 2) информация на странице религиозного объекта на онлайн-картах (Яндекс.Карты, Google.Карты, 2ГИС); 3) ссылки на сайтах митрополии, организаций, органов власти; 4) репосты, ссылки и комментарии в сообществах.

Помимо географической принадлежности к исследуемому региону в качестве критерия отбора выступала активность в сообществе, т.е. публикация последних записей хотя бы в 2023 г. Критерий количества участников не принимался во внимание, что вызвано прежде всего тем, что сельские приходы малочисленны. В связи с политикой социальной сети для дальнейшей выгрузки информации отбирались только открытые сообщества. В итоге в исследовании участвуют 34 сообщества в Республике Алтай.

После отбора групп проводился этап сбора информации об участниках сообществ. Для этого использовался язык R, программное обеспечение RStudio, библиотека vkR и другие. Парсинг данных о сообществах и их участниках осуществлялся через API «ВКонтакте», с помощью методов `getGroupsMembers` и `getUsersExecute` была выгружена информация об участниках сообщества (`id`, пол, дата рождения, город). Для выгрузки записей со страниц сообществ и реакций на них (количество лайков и комментариев) использовался метод `getWall`, что позволило провести контент-анализ их содержания. Метрики приводятся по состоянию на ноябрь 2024 г.

Общая характеристика религиозных сообществ

По официальной информации в Республике Алтай представлено около 60 религиозных организаций¹. В социальной сети «ВКонтакте» имеется 34 православных, старообрядческих, протестантских (только христиане веры евангельской — пятидесятники), буддистских сообществ церквей республики. В целом это и отражает религиозный состав населения. Отсутствуют группы иных протестантских направлений, ислама и других верований.

Наибольшее количество групп представлено в **православном** направлении, кроме того, их можно классифицировать по месту в организационной структуре, назначению и целям, а также тематикам:

институциональные (административные) сообщества (4 ит.). Самая многочисленная группа — «Горноалтайская епархия» (1726 подписчиков). В ней публикуются новости православия в республике, аккумулируется благодаря репостам информация из других групп епархии. В данный блок также входят благочиния, которые, как правило, делают репосты своих церквей. В группах достаточно часто размещаются новости и исторические справки;

¹

Республика Алтай (справка). URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-al/1416232/>

сообщества отдельных церквей, храмов, приходов (15 шт.). В группах «Преображенский храм г. Горно-Алтайска» (453 подписчика), «Храм в честь прп Маркария Алтайского (Глухарева)» (297 подписчиков) и других также размещается информация о жизни прихода, о молодежных событиях, о сотрудничестве с другими церквями епархии, реже — историческая и культурная информация. В данных сообществах стоит отметить сконцентрированность на событиях локального характера;

образовательные сообщества (2 шт.). Представлены воскресные школы: «Воскресная школа Свято-Макарьевского храма» (213 подписчиков), «ШАГИ воскр. школа храма Святого Духа» (35 подписчиков), в данных группах публикуется информация о занятиях и мероприятиях, методические материалы, информация о традициях и вероучении;

сообщество религиозных практик (1 шт.). В группе «Горноалтайские паломники» (27 подписчиков) размещаются фото- и видеоролики о паломничествах, а также впечатления о них;

социальные сообщества (2 шт.). Группа «Клуб „Светелка“. Храм Святого Духа» (62 подписчика) посвящена православному материнству и детству, информации о встречах и др. «Военный отдел Горноалтайской епархии» (26 подписчиков) освещает взаимодействие с вооруженными силами и правоохранительными органами.

Старообрядчество представлено одной группой «Горно-Алтайск РПсЦ» (688 подписчиков), в которой публикуется информация о событиях церкви, о ее связи со всероссийским сообществом и др.

Четыре организации **пятидесятников** достаточно активно ведут страницы в социальной сети, в которых размещается: «Церковь Ассамблея Бога Горно-Алтайск» (105 подписчиков), «Чемальская церковь на Камне» (346 подписчиков), «Церковь Возрождение с. Кош-Агач» (174 подписчика). У Церкви «Новая Жизнь» есть три сообщества: «Церковь „Новая Жизнь“ г. Горно-Алтайск» (69 подписчиков), освещающая мероприятия, деятельность церкви, а также две молодежные группы «БАЙБЛ КЛАБ II Горно-Алтайск» (52 подписчика) и «NEWLIFEYOUTH» (24 подписчика).

Буддизм представлен тремя группами. Наиболее многочисленная «„Ак-Буркан“ кёре» (2198 подписчиков) публикует новости, информацию о мероприятиях, важных событиях буддизма в республике и других регионах, а также делает репорты о событиях, которые касаются общины. На официальной странице «Центральное духовное управление буддистов РА» (35 подписчиков) размещается информация о буддизме в республике, о важных мероприятиях и мероприятиях России, как и в «Религиозной организации буддистов „Ак Сюмер“» (75 подписчиков).

Несмотря на распространение ислама, даже на уровне отдельных районов (например, в Кош-Агачском районе исторически много мусульман), в интернете нет не только сайта, но и группы, объединяющей мусульман республики, поэтому последователи или интересующиеся исламом и культурой подписаны на более крупные

российские или транснациональные сообщества, например «Ислам» (988,7 тыс. чел.), «Я люблю Ислам» (154 тыс. чел.), «Ислам — моя жизнь» (197 тыс. чел.) и др.

Такая же особенность у традиционных верований. Так, тенгрианство, конечно, не предполагает наличия церковной организации, поэтому последователи республики подписаны на соответствующие сообщества («Тенгрианство» (3,2 тыс. чел.), «Тэнгри / Тенгри / Көк Тәңрі / Тюрки» (70 чел.) и др.), охватывающие несколько регионов и даже стран.

Среди особенностей в составе участников групп можно выделить несколько пунктов:

- количество участников сообществ неоднородно: от 18 до 2198 человек. Наибольшее количество у сообществ, которые, во-первых, активнее ведут страницу, во-вторых, публикуют авторскую информацию, в-третьих, являются лидерами или официальным сообществом религиозной организации на республиканском уровне;
- большинство участников сообществ — это женщины, только в буддистских в полтора раза больше мужчин;
- география участников достаточно широка и неравномерна: жители Республики Алтай составляют от трети до трех четвертей православных сообществ, но более 80% участников сообщества староверов не являются жителями Республики Алтай, участников групп пятидесятников не из республики также больше половины, только в буддистских сообществах есть участники из каждого района республики, кроме двух, вместе с тем много участников из Республики Тыва, Республики Бурятия, Забайкальского края — от четверти до половины. Важно подчеркнуть географическое разнообразие участников сообществ: значительный интерес не-жителей Республики Алтай можно объяснить, во-первых, миграцией населения (и несмотря на это присутствие в региональном виртуальном пространстве), во-вторых, включенностью в общероссийскую или межнациональную сеть сообществ определенной религии (как это было у старообрядцев, буддистов, пятидесятников) и, в-третьих, интересной информационной составляющей сообществ.

Основная тематика публикаций в сообществах

Сообщества в социальных сетях являются еще одним пространством для контактов, выступая дополнительной возможностью для общения или трансляции информации. Исследование публикационной активности и реакции на них со стороны подписчиков позволяет понять, как информация воспринимается в таких группах. Анализ проведен среди наиболее крупных и долгое время существующих групп.

Православные группы, как правило, созданы более 5 лет назад, при этом в них с разной интенсивностью, но, тем не менее, стабильно осуществляется публикация новостей или репосты из других групп. Среди крупных сообществ прослеживается наращивание контента в последние несколько лет, что привлекает новых подписчиков, и, конечно, это отражается на количестве реакций.

Самое главное православное сообщество для Республики Алтай — это «Горноалтайская епархия». За 12 лет его существования было опубликовано более 6 тыс. записей, на данный момент в сообществе 1726 участников. Наибольшую активность оно стало проявлять примерно с 2022 г., лайков, репостов и комментариев становится все больше, что свидетельствует о вовлеченности в виртуальную жизнь епархии (рис. 1).

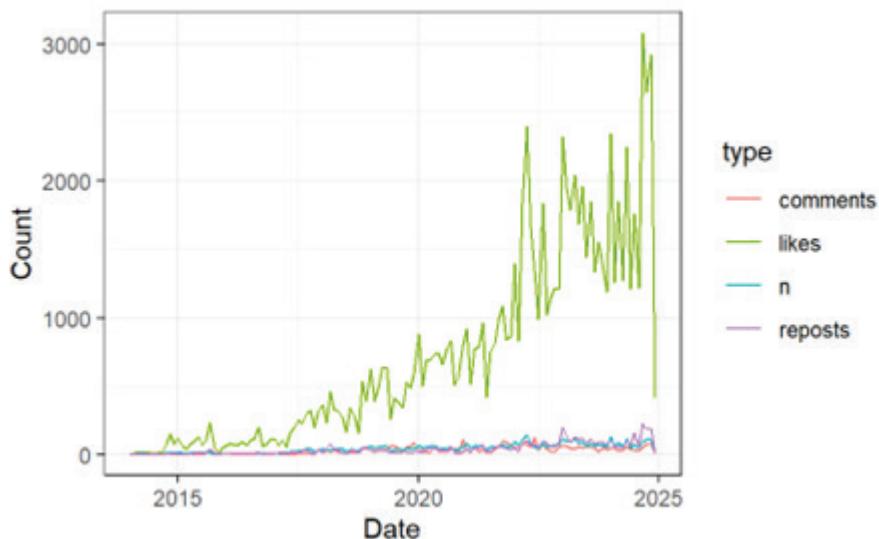

Рисунок 1 — Основные метрики активности сообщества «Горноалтайская епархия»:

type — тип метрики; comments — количество комментариев, шт.;

likes — количество лайков, шт.; n — количество записей, шт.; reposts —

количество репостов, шт.; count — количество записей; date — год.

Figure 1 — Main metrics of the activity of the community “Gorno-Altaisk Diocese”: type — metric type; comments — number of comments, pcs; likes — number of likes, pcs.; n — number of entries, pcs.; reposts — number of reposts, pcs.; count — number of entries; date — year.

Среди топ-20 записей по количеству лайков более половины посвящены поздравлениям с Днем рождения священнослужителей епархии, а также с годовщиной иерейской хиротонии, например, самый популярный пост в группе: «Сегодня, 7 июня, поздравляем с Днем рождения настоятеля строящегося храма в честь святителя Николая Чудотворца в с. Кызыл-Озёк, штатного клирика Свято-Духовского храма с. Майма и руководителя братства православных следопытов Республики Алтай иеря Федора Кытманова...» (07.06.2022, 197 лайков) и др. Следующая по популярности тема — это новости из жизни епархии, например, большое внимание уделяется «контактам» со светским миром и органами власти: «25 ноября в здании епархиального управления игумену Макарию (Чулунову) была вручена Почетная грамота Государственного собрания Эл-Курултай...» (26.11.2020, 103 лайка), участие в культурно-массовых мероприятиях. Отмечается, во-первых, высокая активность в поздравлениях церковнослужителей с Днем рождения или

годовщиной иерейской хиротонии, что может говорить об их высоком авторитете среди верующих, во-вторых, записи вероучительного содержания или о новостях епархии пользуются меньшей популярностью. Если в количестве лайков за последние 5 лет нет никаких закономерностей, то со временем участники стали реже комментировать и обсуждать записи, хотя приковывает внимание совершенно разная тематика, но прежде всего благотворительность и сотрудничество со светскими организациями. Пять самых обсуждаемых записей приведены ниже (табл. 1), примечательно, что наибольшим потенциалом к обсуждению обладают репосты из других групп. Две первые наиболее обсуждаемые записи можно назвать полноценной дискуссией, представляющей разные мнения.

Таблица 1

Table 1

**Записи с максимальным количеством комментариев
в сообществе «Горноалтайская епархия»**

Posts with the maximum number of comments in the
community "Gorno-Altaisk Diocese"

Дата	Количество лайков	Содержание (заголовок)	Тематика
04.12.2020	47	[Репост из группы «Преображенский храм г. Горно-Алтайска»] Ребята подросткового клуба «Колокол» при Воскресной школе храма Преображения Господня заинтересовались «творчеством» рок-музыкантов, популярных в конце 80–90-х годов прошлого столетия. На пике популярности почему-то оказались Виктор Цой и группа «Король и Шут». В связи с этим назрела необходимость провести с ними беседу на данную тему...	Культура
19.06.2019	46	[Репост из группы «Новости православной молодежи Сибири»] Хороший пример. Нам бы найти таких миссионеров!..	Благотворительность
31.08.2019	42	[Репост из группы «Преображенский храм г. Горно-Алтайска»] Больница сталкивается вместе тех людей, которые при других обстоятельствах, возможно, никогда бы не собрались в одном месте. Онкология вообще не делает никаких различий между людьми...	Благотворительность

15.10.2019	27	[Репост из группы «Преображенский храм г. Горно-Алтайска»] 13 октября, в воскресение, накануне православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы в нашем городе прошла пробежка, посвященная престольному празднику Покровского храма г. Горно-Алтайска...	Сотрудничество
28.04.2018	27	[Репост из группы «ЦЕРКОВЬ В ДОЛИНЕ СЕМЫ»] ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО. С 30 марта по 30 ноября 2018 г. в Шебалино проводится масштабный спортивный движ — Спартакиада среди организаций, предприятий и сел района...	Сотрудничество

Анализ популярных записей этого и других православных сообществ позволяет сделать вывод о наличии некоторого стиля публикаций: запись сопровождается фотографией священнослужителя, церкви или изображением, например, святого, иногда имеется вставка из Священного Писания, в тексте присутствует мало эмоциональной окраски (это может быть обусловлено положением сообщества как официального, зато личное отношение администраторов прослеживается через репосты). Это несколько контрастирует с публикациями других религиозных направлений.

Старообрядчество в Республике Алтай представлено группой «Горно-Алтайск РПсЦ» с 688 подписчиками. Она существует практически с начала строительства храма в 2020 г., но активность группы нестабильна, при этом ежегодно становится динамичнее во второй половине года, наибольшая была в 2023 г., что можно связать с освящением церкви и ее дальнейшим скрупулезным благоустройством. Всего была опубликована 691 запись.

Тема благоустройства церкви является самой популярной, она собирает много лайков и комментариев, таким образом, вероятно, участники благодарят и поддерживают работу отца Василия Андреева, руками которого церковь преображается благодаря разнообразным столярным изделиям, его авторитет также отражается на реакциях на записи, которые посвящены ему как личности и его работе: «С Божией помощью наш храм становится уютным! Готова лавочка за два дня...» (24.02.2023, 167 лайков, 19 комментариев), «Вчера начали работу над фундаментом! Утепление и штукатурка...» (12.10.2022, 37 комментариев). Вторая по значимости тема — это небольшие отчеты о памятных и праздничных службах: «С праздником Воскресения Христова! ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ! Сегодня в городе Горно-Алтайске состоялось освящение храма в честь иконы Богородицы Одигитрии Смоленской...» (18.06.2023, 233 лайка). Самая популярная запись посвящена тому, как священнослужители в августе 2024 г. посетили отшельнице Агафью Лыкову (369 лайков).

Таким образом, более «тесная» группа старообрядцев отличается на фоне остальных эмоциональной окрашенностью записей и большой поддержкой подписчиками темы благоустройства церкви, как бы поддерживая «локальные» дела.

Пятидесятничество рассмотрено на примере одной наиболее массовой группы «Чемальская церковь на Камне». Активность группы началась примерно с 2019 г., но стала снижаться после 2021 г. (рис. 2). Количество записей — 904.

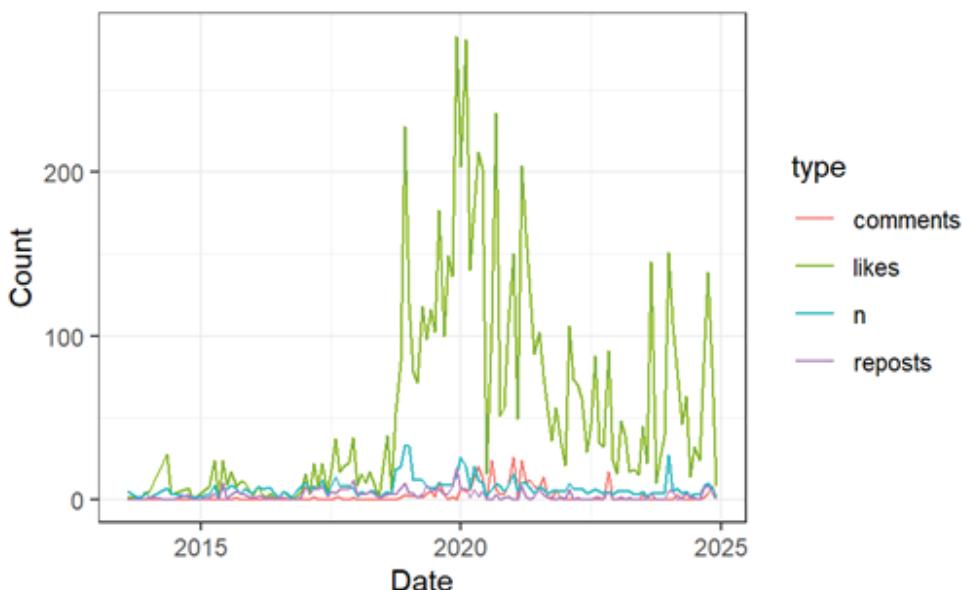

Рисунок 2 — Основные метрики активности сообщества «Чемальская церковь на Камне»: type — тип метрики; comments — количество комментариев, шт.; likes — количество лайков, шт.; n — количество записей, шт.; reposts — количество репостов, шт.; count — количество записей; date — год.

Figure 2 — Main metrics of the activity of the community “Chemalskaya Church on the Rock”: type — metric type; comments — number of comments, pcs; likes — number of likes, pcs.; n — number of entries, pcs.; reposts — number of reposts, pcs.; count — number of entries; date — year.

Наибольшей популярностью пользуются поздравления членов церкви с Днем рождения, бракосочетанием и другими важными событиями, которые активно публиковались в 2019–2021 гг. («Поздравляем Наталью и Василия...» (23.05.2021, 74 лайка)), затем данная информация размещаться стала редко, поэтому и показатели активности стали меньше. Популярность записей с поздравлениями могла свидетельствовать о тесных связях и, вероятно, доброжелательной атмосфере в коллективе. В последующем внимание фиксируется на проведении конференций (проповедей) — размещаются яркие и привлекательные визуально анонсы мероприятий, видеозаписи: «Мужская конференция „Муж по сердцу Господа“» (23.02.2024, (56 лайков), «Как хорошо собраться вместе и провести время на свежем воздухе в прекрасную погоду!» (01.08.2022, 47 лайков).

В целом оформление записей сообщества этого религиозного направления отличается от других непротестантских, например, здесь используется графический дизайн для афиш и публикаций, используются смайлики, облегчающие восприятие информации, приводятся слова из Книг и т.д., что вкупе создает ощущение актуального для социальных сетей и современного человека контента, особенно среди молодежных групп церкви «Новая жизнь». Здесь стоит отметить, что медианный возраст участников групп евангельских христиан составил от 20 до 41 года, и, вероятно, это одна из причин отличия в оформлении и содержании записей.

Самое крупное религиозное сообщество Республики Алтай, несмотря на ее конфессиональный состав, — это **буддистское** «„Ак-Буркан“ күрее». Группа была создана в 2014 г., но со временем ее активность выровнялась и была относительно стабильна, а в 2024 г. в ней начался подъем по количеству лайков и комментариев. Количество записей — 6317.

Самыми популярными стали записи 2024 г., большая часть из них посвящена вероучению, объяснению некоторых сложных моментов в нем, а также истории развития идей. Например, самой популярной записью и по лайкам (930), и по комментариям (176) стала публикация 3 марта 2024 г. «*Тара дарует бесстрашие и мудрость...*», в которой представлена информация о богине, а также о том, как она способна помочь достичь благословения. Данная публикация является отличным примером того, что именно привлекает людей вступить в группу и активно в ней себя проявлять: интересный, доступный и структурированный текст, позитивный настрой, медиафайл (примечательно, что в этом сообществе в 2023–2024 гг. часто используются видео, что в целом соответствует трендам социальных сетей).

Еще одна особенность, отмеченная в этой группе, — самое большое количество лайков и комментариев собирают одни и те же записи, это говорит о том, что администрация группы хорошо чувствует, что именно интересно ее аудитории, и умеет доступно преподнести информацию, в свою очередь, подписчики принимают участие в обсуждении или дискуссии (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Записи с максимальным количеством комментариев
в сообществе «„Ак-Буркан“ күрее»

Posts with the maximum number of comments in the community „Ak-Burkan“ kÿree“

Дата	Количество лайков / комментариев	Содержание (заголовок)	Тематика
03.03.2024	930/176	Зеленая Тара дарует бесстрашие и мудрость...	Вероучение
06.03.2024	645/80	Манджушри (санскр. Mañjuśrī, тиб. 'jam dpal — Джампэл, Jampal, букв. «Красивое сияние», «Приятное сияние») — бодхисаттва семейства Падма...	Вероучение

30.05.2023	608/39	Уроженец с. Кулады Ондой аймака Республики Алтай Баатыр Ечешев вошел в состав сборной России по греко-римской борьбе, заняв бронзовую медаль на Международном турнире, выиграв у сильнейших борцов постсоветского пространства, в числе которых призер Олимпийских игр и чемпион мира...	Новость
25.02.2024	393/84	Поздравляем всех с праздником полной победы Будды над шестью проповедниками ошибочных учений в Шравасти...	Праздник
11.03.2024	354/34	Молитвы подношения пищи в Буддизме...	Вероучение
18.02.2024	308/55	ОМСВАСТИ! Поклоняюсь Арье Велико-сострадательному...	Вероучение

Помимо внимания к вероучению в группе заметно, как она встроена в общероссийскую сеть буддизма, например, она осуществляет репосты записей других групп, публикует информацию о важных мировых событиях буддизма. Осуществляя репосты из других групп, посвященных буддизму, участники могут интенсивнее окружать себя религиозным контентом, так как расширение контактов с религиозной информацией позволит больше узнавать о вере и часто — укрепиться в ней.

Заключение

Таким образом, основными особенностями виртуального пространства среди религиозных сообществ Республики Алтай в социальной сети «ВКонтакте» можно считать следующие.

Данные сообщества, как правило, в последние 2–3 года активизируют свою представленность в социальных сетях, делают репосты других групп, добиваясь еще одного касания с верующими и интересующимися конфессиональной тематикой. Еще на этапе подбора сообществ было отмечено, что абсолютное большинство страниц, несмотря на продолжительное существование (создание более 5 лет назад), продолжают функционировать. Собственные группы имеют крупные церкви и организации, в ином случае верующие посещают главную консолидирующую группу.

Наибольшее внимание в крупнейших религиозных группах Республики Алтай получают темы о новостях церкви, об известных личностях («Горноалтайская епархия», «Горно-Алтайск РПсЦ», «Чемальская церковь на Камне»). Можно сказать, что участники этих сообществ вступают в них преимущественно для того, чтобы быть в курсе жизни церкви. При этом аспекты вероучения чаще всего приводятся и обсуждаются в «„Ак-Буркан“ күрее», можно сказать об интересе подписчиков в знакомстве с религией и культурой буддизма.

Часто в группах имеется широкая география участников, с одной стороны, это означает, что, мигрируя, человек может не выходить из виртуального пространства своей покидаемой территории, с другой стороны, это может подтверждать важное межрегиональное положение группы в религиозном сообществе (как, например, у буддистов).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестник БГУ. 2015. № 6. С. 86–91.
- Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Хандаров Ф. В. Особенности развития виртуальных буддийских сообществ Рунета // Власть. 2018. № 2. С. 100–105.
- Безнюк Д. К., Цыбульская Н. В. Религиозные практики онлайн: опыт Беларуси // Logos et Praxis. 2019. № 2. С. 39–47.
- Белоруссова С. Ю. Религия в виртуальном пространстве // Этнография. 2021. № 4. С. 94–118.
- Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 207–234.
- Душакова Н. Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 184–206.
- Иванов А. В. Цифровая религия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. № 4. С. 377–381.
- Лопатинская Т. Д. Виртуальная религиозность как социоантропологический феномен // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9. С. 124–128.
- Сгибнева О. И. Религиозные конверсии в современной России // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16, № 1. С. 80–85.
- Смирнов М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.
- Федорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6. С. 66–79.
- Чеснова Е. Н. Цифровизация религии: ислам // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. № 4. С. 70–82.
- Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 254–268.
- Berger P. L. Modern identity: Crisis and continuity // W. S. Dillon (Ed.), The cultural drama: Modern identities and social ferment. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1974. P. 158–181.

Helland C. Online religion as lived religion: Methodological issues in the study of religious participation on the Internet // Online-Heidelberg Journal of Religions on the Internet. 2005. Vol. 1. doi: 10.11588/heidok.00005823

REFERENCES

- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., Dorzhieva, I. Ts. (2015). Buddhism on the Internet: Methodology for Studying Virtual Religious Communities. *Vestnik BGU*, 6, 86–91. (In Russ.).
- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., Khandarov, F. V. (2018). Features of the development of virtual Buddhist communities of the Runet. *Vlast'*, 2, 100–105. (In Russ.).
- Beznyuk, D. K., Tsybulskaya, N. V. (2019). Religious practices online: the experience of Belarus. *Logos et Praxis*, 2, 39–47. (In Russ.).
- Belorussova, S. Yu. (2021). Religion in virtual space. *Etnografiya*, 4, 94–118. (In Russ.).
- Bogdanova, O. (2020). Mediatization of pastoral care in the Russian Orthodox Church: prerequisites for the formation of sites with questions to the priest. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 38(2), 207–234. (In Russ.).
- Dushakova, N. (2020). How religion becomes more visible in the public space: Old Believer communities in social networks. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 38(2), 184–206. (In Russ.).
- Ivanov, A. V. (2018). Digital religion. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 4, 377–381. (In Russ.).
- Lopatinskaya, T. D. (2019). Virtual Religiosity as a Socioanthropological Phenomenon. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 9, 124–128. (In Russ.).
- Sgibneva, O. I. (2017). Religious Conversions in Modern Russia. *Vestnik VolGU. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tehnologii*, 16(1), 80–85. (In Russ.).
- Smirnov, M. Yu. (2019). Digitalization as a “zeroing” of religions. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, 3, 137–145. (In Russ.).
- Fedorova, M. V. (2020). Religious Identity in the Modern Digital World. *Sociodinamika*, 6, 66–79. (In Russ.).
- Chesnova, E. N. (2021). Digitalization of religion: Islam. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 4, 70–82. (In Russ.).
- Hervier-Leger, D. (2015). In search of certainty: paradoxes of religiosity in developed Modern societies. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 1, 254–268. (In Russ.).
- Berger, P. L. (1974). Modern identity: Crisis and continuity. In: W. S. Dillon (Ed.). *The cultural drama: Modern identities and social ferment* (pp. 158–181). Washington, DC : Smithsonian Institution Press.
- Helland, C. (2005). Online religion as lived religion: Methodological issues in the study of religious participation on the Internet. *Online-Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 1. doi: 10.11588/heidok.00005823.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Софья Александровна Малывко — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; младший научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Sofya A. Malyavko — postgraduate student of the Department of Social and Youth Policy of the Altai State University, Barnaul, Russia; Junior Researcher at ROSBIO-TECH, Moscow, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; заведующий лабораторией РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia; Head of the Laboratory of Rosbiotech, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 07.01.2025;
одобрена после рецензирования 25.01.2025;

принята к публикации 25.01.2025.
The article was submitted 07.01.2025;
approved after reviewing 25.01.2025;
accepted for publication 25.01.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 347.621

DOI: 10.14258/SSI(2025)1-13

Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью

Ярослав Александрович Чистопашин¹

Мария Ивановна Черепанова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, ychistopashin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2113-0821>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, cher_67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-837X>

Аннотация: Актуальность представленного в статье исследования определяется распространенностью в молодежной среде отложенного вступления в брак, значительных трансформаций отношения к институту семьи, что, в свою очередь, провоцирует позднее родительство и снижение рождаемости на уровне всего российского общества. Целью предлагаемой статьи является описание факторов, влияющих на мотивы более позднего создания семьи и брака. Анализ феномена отложенного вступления в брак основывается на междисциплинарном подходе (экономика, социология, психология семьи). Трансформация отношения молодежи к институту семьи описывается на основе анализа основных институциональных и социально-структурных аспектов. Сделаны выводы о том, что карьерные амбиции, уровень социально-психологической готовности и изменение восприятия института брака определяют более позднее вступление в брак. Отмечается, что молодежь воспринимает брак как личный выбор, дифференцированно относится к семейным ценностям, обосновывает увеличение возраста рождения детей. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости пересмотра социальной политики, направленной на создание условий для гармоничного совмещения карьерных и семейных ценностей современной российской молодежи.

Ключевые слова: отложенное вступление в брак, семейные ожидания, семейные ценности, карьерные амбиции, молодежь, онлайн-знакомства, семейная политика, родительство, сожительство, демографические изменения

Для цитирования: Чистопашин Я. А., Черепанова М. И. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 1. С. 195–209. doi: 10.14258/ssi(2025)1-13.

Delayed Marriage and Family Expectations Among Young People: Between Career and Personal Life

Yaroslav A. Chistopashin¹

Mariya I. Cherepanova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, ychistopashin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2113-0821>

²Altai State University, Barnaul, Russia, cher_67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-837X>

Abstract: The relevance of the research presented in the article is determined by the prevalence of delayed marriage among young people, significant transformations in attitudes towards the institution of the family, which in turn provokes late parenthood and a decrease in the birth rate at the level of the entire Russian society. The purpose of this article is to describe the factors influencing the motives for later creation of a family and marriage. The analysis of the phenomenon of delayed marriage is based on an interdisciplinary approach (economics, sociology, family psychology). The transformation of the youth's attitude towards the institution of the family is described based on an analysis of the institutional and socio-structural aspects. It is concluded that career ambitions, the level of socio-psychological readiness and a change in the perception of the institution of marriage determine a later marriage. It is noted that young people perceive marriage as a personal choice, differentially relate to family values, and justify an increase in the age of childbirth. The results of the study indicate the need to review social policy aimed at creating conditions for the harmonious combination of career and family values among Russian youth.

Keywords: delayed marriage, family expectations, family values, career ambitions, youth, online dating, family policy, parenthood, cohabitation, demographic changes

For citation: Chistopashin, Ya. A., Cherepanova, M. I. (2025). Delayed Marriage and Family Expectations Among Young People: Between Career and Personal Life. *Society and Security Insights*, 8(1), 195–209. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)1-13.

Введение

Во всем мире наблюдается заметное изменение отношении молодежи к институту брака. Возраст вступления в брак значительно увеличился, а сам брак стал восприниматься как личный выбор, а не как социальная или экономическая необходимость. Подобное явление получило широкое распространение в развитых странах, в том числе в России, и отражает изменения в ценностных ориентациях молодежи, а также влияние социальных, экономических и культурных факторов на представления и установки молодежи в отношении семьи (Кулаженкова, 2015).

Одной из главных причин отложенного вступления в брак является стремление молодых людей к финансовой независимости, личной самореализации, образованию и осуществлению карьерных амбиций. В условиях глобализации и распространения цифровых технологий изменения происходят не только в индивидуальных представлениях о браке, но и в социальных практиках, в частности, в приоритете онлайн-знакомств при поиске семейного партнера. Эти тенденции меняют как личные стратегии молодежи, так и общественные ожидания относительно брака, семьи и родительства (Миронова, 2018).

В России, по данным ВЦИОМ, в последние десятилетия наблюдается изменение отношения молодежи к распределению ролей, а также мотивов для создания семьи. На первый план выходят такие ценности, как взаимоуважение, забота друг о друге и эмоциональная совместимость партнеров, а социальный статус и материальное благополучие семьи упоминаются все реже¹. Цель представленной статьи — на основе актуальных эмпирических данных, полученных в резуль-

¹ Идеальная семья — 2023: Исследование ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения 10.02.2025).

тате фокус-группового интервью по теме «Социальные условия и факторы отложенного вступления в брак, ожидания от семейной жизни у молодежи», описать специфику формирования индивидуализированных моделей отношения молодежи к семье, проанализировать, как карьерные и личные ожидания определяют семейные стратегии.

Постановка проблемы

Одним из первых исследователей, затрагивающих феномен отложенного вступления в брак в России в контексте второго демографического перехода, был А. Г. Вишневский, который утверждал, что увеличившийся возраст вступления в брак является результатом изменений в социальной структуре общества и в системе ценностей. Знаменитый демограф отмечал, что молодые люди все чаще откладывают вступление в брак, в том числе для того, чтобы сначала достичь успеха в карьере, обеспечить себе материальное благополучие. Этот процесс, по мнению исследователя, связан с переходом от традиционной модели семьи, в которой брак и семья воспринимались как обязательные этапы жизни, к более гибким, индивидуализированным моделям, где на первый план выходят личные предпочтения и самореализация (Вишневский 2014: 20–21).

В аналогичном ключе исследуют феномен отложенного брака и другие теоретики, помещающие это явление в контекст глобализации и изменений в системе ценностей западных обществ. Они отмечают, что глобализация и экономическая нестабильность способствовали переносу акцента с семейных ценностей на личные карьерные достижения. В странах с развитой экономикой продолжает увеличиваться средний возраст вступления в брак, а многие молодые люди выбирают такие модели семейных отношений, как незарегистрированные браки или сожительство (Гурко, 2019; Разов, 2022).

Для России указанный процесс также оказался актуальным. О. В. Кучмаева указывает на рост возраста вступления в брак среди российских женщин и мужчин. Она подчеркивает, что в условиях постсоветской трансформации и экономической нестабильности молодежь стала воспринимать брак как менее важный институт, чем в советский период, и стала ориентироваться на другие формы отношений, например, на сожительство без официальной регистрации. В ее работах также акцентируется внимание на значении социально-экономических факторов для принятия решения о браке, таких как уровень доходов, наличие стабильной работы и жилья (Кучмаева, 2019; 2021).

Результаты актуальных исследований подтверждают, что карьерные устремления являются одним из факторов для вступления в брак среди молодежи. Все больше молодых людей откладывают создание семьи на более поздний срок, поскольку стремятся получить образование, достичь определенных профессиональных успехов и финансовой стабильности².

² Демографический суверенитет как основа экономического развития России, ВЭФ-2024. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2024-delovaya-programma-demograficheskiy-suverenitet-kak-osnova-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/discussion/> (дата обращения 10.02.2025).

Особенно заметно это влияние в крупных городах, где высокие требования к профессиональному успеху и карьерному росту формируют установку на отложенное вступление в брак (Назарова, 2019). Для многих молодых людей наличие стабильной работы и собственного жилья становится необходимым условием для вступления в официальные отношения (Богданова, 2023).

Исследования, посвященные изменению семейных ожиданий и ценностей, также выявляют новые тенденции в восприятии брака молодежью. В отличие от предыдущих поколений, для которых брак был основным этапом жизненного пути, современная молодежь все чаще связывает его с личной удовлетворенностью и эмоциональной совместимостью.

По полученным в 2023 г. данным исследования ВЦИОМ 78% молодежи в возрасте 20–30 лет рассматривают идеальную семью как семью, в которой важнейшими ценностями являются взаимопонимание, взаимоуважение и забота друг о друге³. Подобное изменение приоритетов в семейных ожиданиях связано с трансформацией представлений о семейных ролях и предпочтении индивидуальных, а не социальных аспектов семейной жизни. В контексте этих изменений исследователи подчеркивают, что современная молодежь все чаще рассматривает брак как результат личного выбора, а не как социальную обязанность, что меняет само восприятие семьи как института (Гурко, 2021).

Глобализация и новая цифровая реальность также определяют специфику восприятия межличностных отношений в браке. С развитием социальных сетей и платформ для знакомств процесс поиска партнера стал более гибким и менее формализованным. В отличие от традиционного подхода, где брак был обязательным этапом, современная молодежь воспринимает его как одну из возможных форм отношений, а не как обязательный шаг в жизни.

Исследования, проводимые в России, подтверждают описанные тренды. Например, по данным проведенного в 2023 г. исследования НАФИ 51% молодежи считают, что онлайн-знакомства и использование платформ для поиска партнера играют важную роль в создании серьезных отношений⁴. Процесс вступления в брак становится менее официальным, открывая новые возможности для выбора форм семейных отношений, включая сожительство без государственной регистрации.

Отложенное вступление в брак имеет значительные социальные последствия, в том числе для демографической ситуации в стране. Увеличение возраста вступления в брак и распространение незарегистрированных браков ведет к снижению рождаемости, поскольку многие молодые люди откладывают решение о детях до тех пор, пока не стабилизируют свою финансовую ситуацию и не почувствуют уверенность в будущем. Это создает долгосрочные демографиче-

³ Идеальная семья — 2023: Исследование ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения 10.02.2025).

⁴ Интим не предлагать: молодежь ищет на сайтах онлайн-знакомств дружбу и серьезные отношения: Исследование НАФИ, 2023. URL: <https://nafi.ru/Analytics/intim-ne-predlagat-molodezh-ishchet-na-saytakh-onlayn-znakomstv-druzhbu-i-sereznye-otnosheniya/> (дата обращения 10.02.2025).

ские вызовы, которые становятся актуальными для социальной политики (Синельников, 2019).

Методы исследования

Условия и факторы отложенного вступления молодежи в брак, ожидания от будущей семьи в контексте приоритетности между карьерой и личной жизнью изучались в рамках социологического исследования, проведенного в феврале 2025 г. среди студентов Алтайского государственного университета, обучающихся на 3-м курсе по направлениям «Социальная работа», «Организация работы с молодежью». Учебные планы указанных направлений включают специальные курсы, посвященные психологии семьи, социологии молодежи, семейно-центрированной социальной работе, следовательно, изучаемые нами вопросы являлись для студентов сферой приложения профессиональных компетенций. Было проведено три фокус-группы ($n = 25$), возраст опрошенных — 21–22 года. Длительность каждой фокус-группы составила около 90 минут.

Целью фокус-группового исследования являлось выявление комплекса причин и факторов, обуславливающих более позднее создание молодежью семьи. Задачи исследования заключались в определении места семейных ценностей в структуре других социально значимых ценностей современной молодежи, оценке значимости семьи для современной молодежи как социального института, малой группы, системы значимых межличностных отношений; определении субъективной ценности семьи для каждого участника группы; в изучении специфики ожиданий молодежи от семьи, выявлении желаемого возраста вступления молодежи в брак, дифференциации мнений молодежи о значимых барьерах, препятствующих более раннему созданию семьи.

Гайд проведенной фокус-группы был составлен с учетом методологического подхода к анализу трансформации отношения молодежи к институту семьи, предложенного А. Вишневским, и включал в себя три группы анализа смыслов: основные, институциональные и социально-структурные (Вишневский, 2008).

Фокус-группы позволили выявить спектр альтернативных мнений молодежи о современных условиях и факторах, мотивирующих/затрудняющих молодое население создавать семью, или откладывать данное событие на более поздний срок, или исключить его вовсе. Выбор фокус-группы как метода сбора данных обусловлен его конкретной направленностью, большей директивностью и возможностью представления спектра мнений, в отличие от классических интервью (Белановский, 2001).

В проведенном исследовании были соблюдены базовые требования к проведению фокус-групп, а именно: респонденты явились студентами, изучающими дисциплины «Социология и психология семьи», и имели некоторый общий образовательный и жизненный опыт, обусловленный определенным возрастным этапом развития; авторы статьи на основе предварительного научного и статистического анализа имели ряд предположений/гипотез; на основе проведенного анализа разработан сценарий группового интервью; исследование фокусируется

на субъективных переживаниях студентов вокруг предложенной темы. Следовательно, фокус-группа смогла выявить особенности понимания, альтернативные оценки одной и той же социально значимой проблемы. Получен массив ответов, дифференцирующих разные модели отношения молодежи к семье и браку.

Полученные результаты фокус-группы были дополнены первичным анализом описательных статистических данных, полученных из открытых источников (в т.ч. ВЦИОМ и Росстат).

Результаты исследования

Результаты исследования позволили выделить несколько ключевых факторов, определяющих отложенное вступление в брак, а также выявить изменения в семейных ожиданиях среди российской молодежи.

Карьера и финансовая независимость как основные приоритеты

Одним из наиболее заметных выводов исследования является высокая значимость карьерных и финансовых факторов для молодежи, что оказывает прямое влияние на решение о вступлении в брак. Большинство опрошенных заявили, что откладывают создание семьи и вступление в брак в первую очередь по причине необходимости достичь профессионального успеха и финансовой стабильности. Это подтверждает данные ВЦИОМ о том, что 63% респондентов, не состоящих в браке, указали карьеру и профессиональное развитие как главную причину отсрочки вступления в брак. По данным других исследований в последние десятилетия наблюдается устойчивая корреляция между карьерными достижениями и возрастом вступления в брак⁵.

Среди факторов, которые молодежь рассматривает как основные препятствия для создания семьи, значительную роль играет также наличие стабильного источника дохода и жилья. Для многих молодых людей это становится необходимым условием для вступления в брак, так как без стабильности в этих аспектах они не видят возможности для гармоничного развития семейных отношений. Важность этого аспекта также подтверждается исследованиями, в которых подчеркивается, что материальная неуверенность и финансовые риски рассматриваются как основные факторы, препятствующие созданию семьи.

По мнению половины высказавшихся студентов, одним из основных факторов, влияющих на отложенное вступление в брак, является стремление молодежи к карьерным достижениям и финансовой независимости: «Все упирается в материальную составляющую, нужно встать на ноги, чтобы создать семью»; «Сперва нужно создать опору для себя, а потом уже создать семью и дальше развиваться».

Опрошенные студенты придают наибольшее значение возможности построить стабильную карьеру, достичь успеха в профессиональной сфере. Более половины респондентов заявили, что они не готовы вступить в брак до тех пор, пока

⁵ Демографический суверенитет как основа экономического развития России, ВЭФ-2024. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2024-delovaya-programma-demograficheskiy-suverenitet-kak-osnova-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/discussion/> (дата обращения 10.02.2025).

не обеспечат себе стабильный доход и не решат вопросы, связанные с жильем: «Чтобы будущая семья не испытывала лишений, как минимум нужно обеспечить себя квартирой».

Таким образом, карьера и финансовая независимость оказываются важнейшими критериями для молодежи в принятии решения о вступлении в брак. Молодые люди ставят перед собой задачи, связанные с карьерным ростом и приобретением материальных благ, прежде чем они будут готовы к созданию семьи. Это также может быть связано с изменениями в социальной структуре, где высокие карьерные ожидания стали важным элементом самоидентификации молодежи.

Важно отметить, что материальная нестабильность рассматривается как важный фактор в принятии решения о браке. В частности, половина опрошенных молодых людей отметили, что наличие собственного жилья является ключевым условием для принятия решения о заключении официальных отношений. Полученные данные согласуются с результатами опросов ВЦИОМ, проведенными в 2023 г., согласно которым 35% респондентов указали, что наличие жилья для отдельного проживания от родителей является важнейшим фактором при вступлении в брак⁶.

Психологическая неготовность и изменение семейных ценностей

Еще одной важной причиной отложенного брака, выявленной в исследовании, является психологическая неготовность к семейной жизни и родительству. Каждый второй участник фокус-группы из числа студентов указал, что не вступает в брак из-за чувства психологической неготовности к родительству и семейной жизни в целом. Многие участники исследования признаются, что они ощущают страх перед обязанностями, которые накладывает семейная жизнь, и не готовы к дополнительной ответственности, связанной с воспитанием детей и поддержанием стабильных отношений: «Люди все ходят в тревожном состоянии, потому что не знают, что будет завтра. Все упирается в эмоциональную, моральную готовность к созданию семьи». Это подтверждает результаты исследований, из которых следует, что психологическая зрелость и готовность к ответственности играют ключевую роль в принятии решения о создании семьи. Для многих молодых людей семейная жизнь и родительство связаны с огромной ответственностью и потребностью в психологической подготовке, что также объясняет отложенное вступление в брак.

Указанный аспект связан с изменением семейных ожиданий. Молодежь все чаще воспринимает брак не как социальную обязанность, а как личный выбор, основанный на эмоциональной совместимости и взаимном уважении. Традиционные роли, связанные с материальной обеспеченностью или социальной позицией, отходят на второй план при планировании создания семьи.

⁶ Идеальная семья — 2023: Исследование ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения 10.02.2025).

В исследовании было выявлено значительное изменение в семейных ожиданиях молодежи. Большинство респондентов согласились с тем, что «идеальная семья» должна строиться на основе эмпатии, уважения и заботы друг о друге: «Я хочу, чтобы наши отношения с супругом были гармоничными и чтобы наши дети росли в благоприятной атмосфере». Этот результат значительно отличается от тех, что были получены в исследованиях десятилетней давности, где респонденты акцентировали материальное обеспечение и социальный статус будущих и настоящих партнеров.

Таким образом, в контексте изменения семейных ожиданий и личных ценностей можно говорить о стремлении к более гибким и равноправным моделям отношений, где семейные роли не определяются общественными нормами, а исходят из личных предпочтений и потребностей партнеров. Это также подчеркивает тенденцию к индивидуализации семейных стратегий, когда каждое решение, включая вступление в брак и создание семьи, воспринимается как личная ответственность, а не как обязательная часть жизненного пути.

Роль глобализации и технологий в изменении отношения к браку

Глобализация и развитие цифровых технологий оказывают значительное влияние на выбор партнеров брака среди молодежи. Как показало исследование, более половины респондентов считают использование онлайн-платформ для знакомств важным инструментом в поиске партнера для серьезных отношений. Этот факт подтверждает теории о том, что глобализация и цифровизация социальных процессов меняют традиционные социальные практики и структуру межличностных отношений. Платформы для онлайн-знакомств позволяют молодежи находить партнеров по интересам и совместимости, не ограничиваясь географическими или социальными рамками. Выбор партнеров становится более гибким и индивидуализированным процессом.

Респонденты заявляют, что цифровые платформы делают поиск партнера более удобным и эффективным, позволяя быстрее определить совместимость, прежде чем принимать решение о заключении брака. В частности, каждый третий опрошенный считает, что использование онлайн-знакомств дает больше свободы в выборе партнера⁷.

Использование социальных сетей для знакомства и общения также имеет долгосрочные социальные последствия, поскольку молодые люди все чаще воспринимают удовлетворяющие партнерские отношения как нечто неформализованное, не привязанное к строгим правилам и обязательным церемониям. Это изменяет концепцию брака как официального акта и превращает его в личный выбор, который зависит от готовности и желаний партнеров, лишает его консервативной формальности.

⁷ Интим не предлагать: молодежь ищет на сайтах онлайн-знакомств дружбу и серьезные отношения: Исследование НАФИ, 2023. URL: <https://nafi.ru/analytics/intim-ne-predlagat-molodezh-ishchet-na-saytakh-onlays-znakomstv-druzhbu-i-sereznye-otnosheniya/> (дата обращения 10.02.2025).

Выявленная тенденция подтверждается данными ВЦИОМ 2023 г., когда 37% молодежи отметили, что сожительство без регистрации отношений является вполне приемлемой моделью отношений⁸.

Влияние отложенного брака на демографическую ситуацию

Изменение отношения молодежи к браку и рождению детей оказывает влияние на демографическую ситуацию в стране. Результаты исследования показали, что многие молодые люди откладывают рождение детей до того момента, когда они будут чувствовать себя финансово и социально подготовленными. Это, в свою очередь, приводит к снижению рождаемости, что подтверждается многочисленными демографическими исследованиями (Вишневский 2014: С. 20–21).

Трансформируются представления о «нормативном» возрасте для рождения детей. Согласно данным всероссийских опросов, большинство молодежи считает оптимальным возрастом для рождения ребенка 25–30 лет, что на 5–7 лет позже, чем было принято в предыдущих поколениях. Отсрочка рождения детей, связанная с необходимостью достижения материальной стабильности, может привести к более позднему началу родительства, что увеличивает риски для демографической ситуации в стране, в том числе для здоровья женщин и устойчивости семейных структур (Синельников, 2019).

Позитивным аспектом данной тенденции является создание более гармоничных семей, где каждый партнер имеет возможность для самореализации и карьерного роста, а также готов к ответственному родительству в более зрелом возрасте. В этом контексте изменения семейных стратегий могут быть восприняты как попытки найти баланс между личными и семейными целями, что важно учитывать в социальной политике, направленной на поддержание устойчивых семейных структур.

Обзор современных российских исследований показал, что в последние годы наблюдается тенденция к уменьшению числа многодетных семей среди молодежи. Это связано как с увеличением возраста вступления в брак, так и с изменением представлений о семейных ценностях. В целом наибольшую актуальность для молодежи имеют такие аспекты, как комфорт и удовлетворенность жизнью, а не количество детей.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают существующие тенденции, связанные с отложенным вступлением в брак среди молодежи, и позволяют понять комплексные факторы, которые определяют изменения в семейных ожиданиях и выборе моделей отношений. В ходе исследования было выявлено несколько ключевых направлений, которые оказывают влияние на восприятие брака и се-

⁸ Демографический суверенитет как основа экономического развития России, ВЭФ-2024. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2024-delovaya-programma-demograficheskiy-suverenitet-kak-osnova-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/discussion/> (дата обращения 10.02.2025).

мейных ценностей и которые могут служить основой для дальнейших исследований и разработки социальной политики.

Большинство молодых людей откладывают брак из-за стремления к профессиональному росту и финансовой стабильности. Отсутствие жилья и стабильного дохода воспринимается как препятствие для создания семьи. Исследование подтвердило, что финансовая неуверенность и экономические риски являются главными причинами отсрочки брака.

Сегодня молодые люди сталкиваются с множеством вызовов и трудностей, но при этом они имеют уникальные возможности для достижения баланса между карьерой и семьей. Подвергаясь стигматизации, данные группы ценностей часто соотносятся с конкретными образами людей, демонстрирующих полярные, иногда радикальные стороны проявления каждой стороны жизни. «Карьеристы» часто воспринимаются как социально изолированные индивиды, сосредоточенные исключительно на материальном достатке и менее заинтересованные в создании семьи. В противоположность этому, образ «семьянина» ассоциируется с отсутствием профессиональных амбиций и удовлетворенностью бытовыми достижениями. Однако в современных условиях критерии счастья и успеха все чаще связываются с профессиональными достижениями, материальной обеспеченностью и общественным признанием, что усложняет процесс интеграции семейных и карьерных целей (Ефимова, 2023).

Рост популярности онлайн-знакомств изменил традиционные брачные практики, делая процесс поиска партнера более гибким и индивидуализированным. Это способствует распространению сожительства и снижению необходимости в официальной регистрации отношений.

Позднее вступление в брак ведет к увеличению возраста рождения детей, что может оказаться на уровне рождаемости и устойчивости семейных структур. Молодежь считает 25–30 лет оптимальным возрастом для родительства, что отражает сдвиг в представлениях о традиционном семейном пути.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают, что отложенное вступление в брак среди молодежи — это явление, обусловленное множеством социальных, экономических и культурных факторов. Карьерные и финансовые аспекты играют ключевую роль в принятии решения о браке, но не менее важными являются изменения в семейных ценностях и использование цифровых технологий. Эти результаты свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к поддержке семейных стратегий и разработки государственной политики, направленной на гармонизацию профессиональной и семейной жизни.

Заключение

Тема отложенного вступления в брак и трансформирующихся семейных ожиданий среди молодежи является важным и актуальным направлением для изучения в условиях современных социальных изменений. В ходе проведенного исследования был выявлен ряд факторов, которые определяют поведение молодых людей в отношении брака и семейной жизни. Среди них особое внимание стоит уделить стремлению к карьерным достижениям, финансовой независимости, а также из-

менениям в восприятии института брака в более широком культурном и социальном контексте.

Во-первых, отложенное вступление в брак является многогранным процессом, который не сводится лишь к изменению возрастных ориентиров для создания семьи. Это явление тесно связано с трансформацией семейных ценностей, которые в современных условиях становятся более гибкими и ориентированными на личные предпочтения, чем на выполнение традиционных общественных норм. Молодежь, откладывая вступление в брак, ставит в приоритет личную удовлетворенность и гармонию в отношениях, что служит альтернативой традиционным ожиданиям о социальном статусе и материальной обеспеченности семьи. Это приводит к изменению моделей семейных отношений, в которых важнейшими аспектами становятся взаимопонимание, эмоциональная совместимость и равноправие.

Во-вторых, исследование показало, что ключевыми препятствиями для вступления в брак являются не только материальные факторы, такие как финансовая стабильность и наличие собственного жилья, но и психологические аспекты. Молодежь осознает необходимость личной готовности к семейной жизни, которая включает в себя не только финансовую независимость, но и уверенность в собственных силах, зрелость и способность к созданию гармоничных отношений. В этой связи возраст вступления в брак, как правило, откладывается на период, когда человек чувствует себя уверенно в своем жизненном пространстве и готов к ответственности, связанной с браком и родительством.

Наибольшее влияние на выявленные процессы оказывает изменяющаяся социальная среда, в которой молодежь растет и развивается. В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса отношения между людьми становятся все более индивидуализированными. Важно отметить, что современные технологии, включая онлайн-знакомства и социальные сети, меняют представление о браке как о легком и быстром социальном проекте, превращая его в более гибкий и менее формализованный процесс. Молодые люди все чаще стремятся к созданию отношений, которые прежде всего должны отвечать их личным потребностям, а не социальным ожиданиям.

В-третьих, демографические и социальные изменения, происходящие на уровне молодежной политики и государственной программы поддержки семьи, требуют нового подхода к созданию условий для семейной жизни. В условиях отложенного вступления в брак и позднего рождения детей встает вопрос о последствиях для демографической ситуации в стране. Поэтому важно не только адаптировать общественные и семейные ценности, но и создать механизмы поддержки молодых людей в их стремлении гармонично совмещать карьеру и семейную жизнь. Это подразумевает создание условий для гибкости на рабочем месте, улучшение социальной инфраструктуры для молодых семей и обеспечение доступных жилищных условий, что могло бы стать поддержкой для молодежи в принятии решений о семье и детях.

В условиях, когда карьера и материальная стабильность становятся приоритетами, а традиционные ценности семьи отступают на второй план, социальные ин-

ституты должны адаптироваться к новым реалиям. Это может включать в себя поддержку инициатив, направленных на содействие балансу между профессиональной и семейной жизнью, развитие программ для молодежи, направленных на повышение уверенности в финансовой и психологической готовности к семейной жизни.

Важным шагом в этом направлении может стать развитие культуры осознанного родительства и равноправного участия обоих родителей в воспитании детей, что поможет преодолеть демографические вызовы и создать устойчивые семейные структуры в будущем.

Данные исследования свидетельствуют о необходимости пересмотра социальной и семейной политики с учетом новых тенденций. Необходимо создавать условия для гармоничного совмещения карьеры и семейной жизни, а также поддерживать равноправное участие обоих партнеров в воспитании детей. Программы, направленные на развитие культуры осознанного родительства, могут стать ключевыми в решении демографических проблем⁹.

Одним из таких условий может быть поддержка равноправного участия обоих родителей в воспитании детей, продвижение активного отцовства наряду с развитием культуры осознанного родительства. Такие инициативы могут помочь молодым людям преодолеть барьеры, которые стоят перед ними на пути к созданию семьи и рождению детей. Помимо этого, создание условий для равного распределения семейных обязанностей и развития институтов поддержки семьи, таких как доступное жилье, социальные программы для молодых семей и профессиональная помощь в решении вопросов, связанных с карьерой и семьей, могут оказать значительное влияние на демографическую ситуацию в стране.

Таким образом, отложенное вступление в брак — это комплексное явление, которое оказывает влияние не только на личное благополучие отдельных индивидов, но и на общественные структуры в целом. Трансформация семейных ценностей требует гибкого подхода как со стороны социальной политики, так и со стороны научных исследований, которые должны учитывать изменяющиеся потребности молодежи, а также риски и возможности, связанные с современными семейными практиками. Важно продолжать изучать этот процесс, учитывая все социальные, культурные и экономические изменения, происходящие в обществе, чтобы обеспечить гармоничное сочетание карьерных и семейных целей, что, в свою очередь, способствует развитию устойчивых и стабильных семейных структур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белановский С. А. Метод фокус-групп. М. : Никколо-Медиа, 2001. 272 с.

Богданова И. Н., Артамонова Я. В. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Caucasian Science Bridge. 2023. №3 (17). С. 83–89.

⁹ Совмещение карьеры и семьи — успех демографической и кадровой политики России: Аналитический доклад, 2025. URL: <https://национальныепроекты.рф/upload/semya/Доклад%20Семья%202024.pdf> (дата обращения 10.02.2025).

- Вишневский А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России. М. : Издательство ЛКИ, 2008. С. 353–354.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, №1. С. 6–33.
- Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 8. С. 8–13.
- Гурко Т. А. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113.
- Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. №5. С. 58–69.
- Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 2. С. 33–57.
- Кулаженкова Н. В. К вопросу о трансформации семейных ценностей в современном российском обществе // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. Т. 4, № 1. С. 18–27.
- Кучмаева О. В., Золотарева О. А., Гуляев С. Б. Современная российская молодежь: Ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 92–103.
- Кучмаева О. В. Тенденции брачности и вероятность вступления в брак в России // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сборник статей X Уральского демографического форума. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 2019. Т. I. С. 185–193.
- Миронова Ю. Г., Тырнова Н. А. Детерминанты брачного выбора современной российской молодежи: сравнительный анализ социологических исследований // Социология. 2018. №4. С. 97–101.
- Назарова И. Б. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С.78–89.
- Разов П. В. Молодая семья в современном российском социуме. Образ и качество жизни. М. : Инфра-М, 2022. 210 с.
- Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 26–39.

REFERENCES

- Belanovsky, S. A. (2001). *The method of focus groups*. Moscow : Nikkolo-Media. (In Russ.).
- Bogdanova, I. N., Artamonova, Ya. V. (2023). Young family as an “elusive” social phenomenon in modern Russian conditions. *Caucasian Science Bridge*, 3, 83–89.
- Vishnevsky, A. G. (2008). Global determinants of low fertility. *Synergetics. The Future of the World and Russia* (pp. 353–354). Moscow : Izdatelstvo LKI. (In Russ.).

- Vishnevsky, A. G. (2014). Demographic revolution is changing the reproductive strategy of the species *Homo sapiens*. *Demographic Review*, 1(1), 6–33. (In Russ.).
- Vishnevsky, A. G. (2008). The evolution of the Russian family. *Ecology and Life*, 8, 8–13. (In Russ.).
- Gurko, T. A. (2019). Dynamics of Students' Marital Attitudes and Plans. *Sociological Research*, 7, 102–113. (In Russ.).
- Gurko, T. A. (2021). Evolution and Transformation of the Institution of Marriage: Analysis of Empirical Indicators. *Sociological Research*, 5, 58–69. (In Russ.).
- Efimova, G. Z., Kuvaldina, S. Yu. (2023). Family or career? Youth happiness and success through orientation towards professional and family values. *Bulletin of the Tyumen State University, Socio-economic and legal studies*, 9(2), 33–57. (In Russ.).
- Kulazhenkova, N. V. (2015). On the issue of the transformation of family values in modern Russian society. *Bulletin of State and Municipal Administration*, 4(1), 18–27. (In Russ.).
- Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A., Gulyaev, S. B. (2021). Modern Russian Youth: Value Aspects of Realizing Reproductive Intentions. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences* 14(2), 92–103. (In Russ.).
- Kuchmaeva, O. V. (2019). Marriage trends and the likelihood of marriage in Russia. *Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: collection of articles of the X Ural Demographic Forum*. Vol. 1 (pp. 185–193). Yekaterinburg : Institut ekonomiki UrO RAN (In Russ.).
- Mironova, Yu. G., Tyrnova, N. A. (2018). Determinants of the marriage choice of modern Russian youth: a comparative analysis of sociological Research. *Sociology*, 4, 97–101. (In Russ.).
- Nazarova, I. B. (2019). Marriage, Family, Students' Social Attitudes and Representations. *Sociological Research*, 7, 78–89. (In Russ.).
- Razov, P. V. (2022). *A young family in modern Russian society. Image and quality of life*. Moscow : Infra-M. (In Russ.).
- Sinelnikov, A. B. (2019). The transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*, 22(2), 26–39. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ярослав Александрович Чистопашин — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Yaroslav A. Chistopashin — Postgraduate student of the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Мария Ивановна Черепанова — д-р социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Maria I. Cherepanova — Dr. Sci. (Sociology), Docent at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.02.2025;

принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 10.02.2025;
accepted for publication 10.02.2025.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2025. № 1. Том 8

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшико*

Подготовка оригинал-макета *Д. А. Басманова*

Редакция журнала *Society and Security Insights*:

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

Издательство Алтайского государственного университета,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать xx.xx.2025. Дата выхода издания в свет xx.xx.2025.

Формат бумаги 70×100 $\frac{1}{16}$. Усл.-печ. л. 16,77. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 300 экз. Заказ №xxx

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66